

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 4

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrstu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 4

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrso.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University, President
of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, European University
at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONozHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education
(Mytishchi, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University
"Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
АРХЕОЛОГИЯ		<i>Суворова И. М., Раугияйнен Н. Д.</i>	
<i>Жульников А. М.</i>		Особенности генеалогической культуры сельских жителей Карельской Арктики (на примере деревни Вокнаволок)	64
Стоянка Золотец XL в низовье реки Выг с погребенным культурным слоем	8	ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		<i>Феклова Т. Ю.</i>	
<i>Смирнова Е. Л.</i>		К истории изучения Китая Академией наук в XVIII–XIX веках	72
Статьи о древних гречанках в русской периодике середины XIX века	19	<i>Кирикова О. А.</i>	
<i>Черноножкин А. В.</i>		О проекте Московской гимназии 1731 года	81
К изучению вариантов периодизации Гражданской войны в современной отечественной историографии	29	<i>Зарецкий Ю. П.</i>	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		Первый учебник истории Московского университета.	87
<i>Никитин Д. С.</i>		<i>Жуковская Т. Н.</i>	
Британский парламентарий Чарльз Брэдли и Индийский национальный конгресс	36	Академический «республиканизм» и практики университетского самоуправления в России в 1800–1830-х годах (на примере Петербургского университета)	95
<i>Силакова-Макарова С. А.</i>		<i>Казакова К. С.</i>	
Состояние аптечного дела в Китае второй половины XIX века (по материалам работ российских врачей)	41	Материальное обеспечение учителей приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах	102
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		<i>Красникова Ю. Н.</i>	
<i>Лизогуб А. С., Шестопалов Е. В.</i>		Между кафедрой и экспедицией: забытый этап деятельности Н. И. Вавилова в Ленинградском сельскохозяйственном институте	112
Семилетняя война в пространстве памяти Российской империи начала XX века	46	Рецензии	
<i>Подлесных С. Н.</i>		<i>Винокурова И. Ю.</i>	
К вопросу о причинах закрытия Олонецкого сиротского суда	52	Рец. на кн.: Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления	121
<i>Старицын А. Н.</i>		Contents	124
Поиск Исаковского острова на Выгозере	57		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.05.2025. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 43

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Кандидат исторических наук,
Карельский научный центр
Российской академии наук
А. Ф. Кривоноженко

Alexander F. Krivonozhenko,
Editorial Council Member,
Cand. Sc. (History), Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Представляемый выпуск отличается широким тематическим разнообразием статей, отражающих различные направления исторической науки. По традиции он открывается материалом, посвященным археологии. А. М. Жульников затронул комплекс научных проблем, связанных с вновь выявленной группой Беломорских петроглифов.

Рубрика «Историография, источниковедение, методы исторического исследования» представлена двумя статьями. Е. Л. Смирнова обратилась к материалам отечественных журналов середины XIX века и проанализировала публикации о положении женщин в Древней Греции. А. В. Черноножкин представил результаты исследования вариантов периодизации Гражданской войны в России в постсоветской историографии – традиционно сложную и дискуссионную проблему.

Статьи по всеобщей истории посвящены Индии и Китаю. Д. С. Никитин рассмотрел сотрудничество Индийского национального конгресса и члена британского парламента Ч. Брэдли. С. А. Силакова-Макарова на основе изученных малоизвестных источников проанализировала состояние китайской фармацевтики во второй половине XIX века.

Блок статей по отечественной истории открывает исследование А. С. Лизогуб и Е. В. Шестопалова в области исторической памяти Семилетней войны в начале XX века. Авторы приходят к выводу о заметном участии государства в формировании официального нарратива и выявляют причины этого влияния. Статья С. Н. Подлесных посвящена изучению одного из элементов судебной системы в дореформенной России – совестного суда. На материалах Олонецкой губернии проанализированы причины его закрытия. А. Н. Старицын представил результаты комплексного исследования проблемы локализации одного из выгозерских островов, где находилось старообрядческое поселение.

Широкий методологический инструментарий, использованный в статье И. М. Суворовой и Н. Д. Раугияйнена, позволил им представить состояние локальной генеалогии жителей Вокнаволока.

Завершает выпуск обширный по тематике и хронологии блок статей, посвященных истории отечественных университетов, академической науки, а также материальному положению учителей приходских школ Заполярья. Перекликается с ним рецензия И. Ю. Винокуровой на монографию о гуманитарных исследованиях в Кольском научном центре РАН.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
rockart@yandex.ru

СТОЯНКА ЗОЛОТЕЦ XL В НИЗОВЬЕ РЕКИ ВЫГ С ПОГРЕБЕННЫМ КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ

А н н о т а ц и я . В статье публикуются материалы поселения Золотец XL, обнаруженного в 2022 году экспедицией Петрозаводского государственного университета в низовье реки Выг, в непосредственной близости от отдельных групп Беломорских петроглифов. Эти данные представляют значительный интерес в контексте проблем датирования наскальных гравировок Белого моря и климатических изменений в начале эпохи суббореала на территории Западного Прибеломорья. На основе результатов радиоуглеродного датирования и поиска аналогий полученным в ходе шурфовки находкам установлены вероятные периоды повышения уровня воды в приустьевой части р. Выг, которые приводили к размыванию, а иногда и замыванию культурного слоя древних поселений, расположенных поблизости от группы наскальных изображений Бесовы Следки. Кроме того, в ходе изучения материалов шурфовки собраны свидетельства далеких контактов древнего населения Юго-Западного Прибеломорья с племенами охотников-рыболовов, заселявших Северное Приуралье в первой половине IV тыс. до н. э.

Ключевые слова: стоянка, неолит, ямочно-гребенчатая керамика, ромбоямочная керамика, Белое море

Для цитирования: Жульников А. М. Стоянка Золотец XL в низовье реки Выг с погребенным культурным слоем // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1176

ВВЕДЕНИЕ

История изучения археологических памятников в низовье р. Выг началась почти столет тому назад с момента открытия А. М. Линевским в 1926 году петроглифов Бесовы Следки¹ и исследований А. Я. Брюсовым в 1927–1929 годах древних поселений, расположенных рядом с наскальными изображениями². Во второй половине XX века, по мере открытия и изучения древних поселений и групп наскальных гравировок в низовье р. Выг, среди специалистов-археологов возникло понимание, что вследствие изменений в природно-климатических условиях Прибеломорья многие из этих памятников функционировали не одновременно, поэтому для установления их хронологии и соотношения необходимо комплексно использовать археологические и палеогеографические методы.

Особое значение для датирования археологических памятников приустьевой части р. Выг имеет процесс послеледникового поднятия Скандинавского щита, который привел к переселению древних людей на более низкие террасы

вслед за отступающим берегом моря. Подобные изменения в размещении мест обитания древних охотников и рыболовов отнюдь не означают, что отдельные возвышенные участки побережья моря и в дельте р. Выг не посещались древними людьми в более позднее время, что создает существенные трудности в датировании поселенческих комплексов, формирующихся с перерывами иногда на протяжении нескольких тысячелетий. Результаты датирования материалов древних поселений и палеогеографические исследования, проведенные Ю. А. Савватеевым, Э. И. Девятовой, А. А. Лийва в Юго-Западном Беломорье в 60–70-х годах XX века, А. М. Жульниковым в начале XXI века, позволили обосновать хронологическую шкалу, благодаря которой возникла возможность определять периоды, когда обнажались те или иные участки скал в дельте р. Выг, в какой период происходило формирование пригодных для заселения береговых террас [4], [5], [13], [14], [15]. Кроме того, Э. И. Девятовой установлены основные этапы в изменении природно-климатических условий в Юго-Запад-

ном Беломорье, выявлено существование сухих (благоприятных для создания петроглифов) и увлажненных периодов, которые могли сказаться на размещении наскальных изображений и промысловых поселений [4]. В этой связи возникает необходимость уточнения данных о высотных диапазонах бытования различных типов керамики, обнаруженных в низовье р. Выг рядом с петроглифами, более детального изучения динамики заселения островов и участков побережья в этом районе Беломорья.

В 2017 году экспедицией Петрозаводского государственного университета рядом с группой наскальных изображений Бесовы Следки были проведены раскопки стоянки Святителище [6]. Раскопки стоянки подтвердили предположение В. И. Равдоникаса о том, что исследованное в 1928–1929 годах А. Я. Брюсовым на стоянке Святителище углубление в скале является частью культурного слоя довольно значительного по размерам поселения, примыкающего к петроглифам группы Бесовы Следки (северная группа) [12]. Заполненную переотложенным культурным слоем выемку в скале рядом с петроглифами следует рассматривать не как культовый объект, а своего рода естественное укрытие, многократно использовавшееся охотниками и рыбаками на протяжении примерно 2,5 тысячи лет. Горизонт частично замкнутого культурного слоя в шурфе 1928–1929 годов [2] располагается ниже участка берега реки, на котором находится исследованная в 2017 году часть стоянки Святителище. Признаки размывания культурного слоя (окатанные фрагменты ямочно-гребенчатой посуды льяловского облика и т. п.) отмечены Ю. А. Савватеевым и Э. И. Девятовой для ряда участков стоянок с неолитической керамикой в низовье р. Выг, залегающих ниже отметок 21–20,5 м над уровнем моря (Бесовы Следки I [14: 60], Бесовы Следки III [14: 73], Золотец VI [4: 57]), что получило подтверждение и при раскопках стоянки Святителище в 2017 году [6]. Скорее всего, на ряде стоянок этого участка дельты реки, где на отметках около 18–19 м над уровнем моря представлены единичные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, как и в случае с местонахождением в русле р. Выг, мы имеем дело с предметами, смещенными паводковыми водами на пониженные участки берега или дно водоема. Эти данные свидетельствуют о неустойчивой гидрологической ситуации в низовье р. Выг в период прихода сюда населения с ямочно-гребенчатой керамикой. По итогам изучения стоянки Святителище было высказано предположение, что скалы, расположенные на высоте примерно 19–20 м над уровнем моря, в сухие периоды вполне мог-

ли быть использованы населением с ямочно-гребенчатой керамикой для создания петроглифов. Кроме того, исследования 2017 года показали вероятность обнаружения в этой части древней дельты р. Выг поселений, перекрытых речными или морскими наносами.

На настоящий момент в этом районе известно 90 древних поселений и 14 групп наскальных изображений (рис. 1). Однако, несмотря на довольно высокий уровень изученности данной территории, неисследованными остаются многие острова и берега некоторых речных проток. Для проверки предположения о возможном нахождении рядом с петроглифами Бесовы Следки стоянок, погребенных под речными или морскими отложениями, в 2022 году археологической экспедицией Петрозаводского государственного университета было организовано археологическое обследование участка левого берега р. Выг, находящегося недалеко от островов с петроглифами Бесовы Следки (северная группа) и Ерпин Пудас I. Визуальный осмотр участка берега реки в этом районе показал, что здесь имеется несколько довольно ровных площадок, пригодных для заселения в первобытности. На этих площадках (террасах) визуально заметны характерные углубления от разведочных «шурфов-закопущек»³, однако сведений об обследовании этого участка берега реки в археологических отчетах обнаружить не удалось. Поскольку выявить культурный слой в небольших по площади шурфах на стоянках со слабо насыщенным артефактами культурным слоем в условиях Карелии довольно затруднительно, было решено заложить на двух расположенных рядом ровных площадках на берегу р. Выг разведочные шурфы размерами 2 x 3 м. В ходе работ в шурфах были обнаружены древние находки, что позволило выявить два древних поселения, получивших названия «стоянка Золотец XXXIX» и «стоянка Золотец XL».

Культурный слой стоянки Золотец XL оказался перекрыт стерильным песчаным наносом мощностью в южной (прибрежной) части шурфа до 55 см, а в северной, наиболее удаленной от берега части, – около 20–25 см. Публикация материалов данного поселения в настоящей статье представляет несомненный научный интерес в контексте проблем датирования наскальных изображений и климатических изменений начала эпохи суббореала на территории Прибеломорья. Кроме того, некоторые находки, обнаруженные в шурфе, могут рассматриваться как свидетельства связей древнего населения Юго-Западного Прибеломорья с северо-восточными регионами Северной Европы.

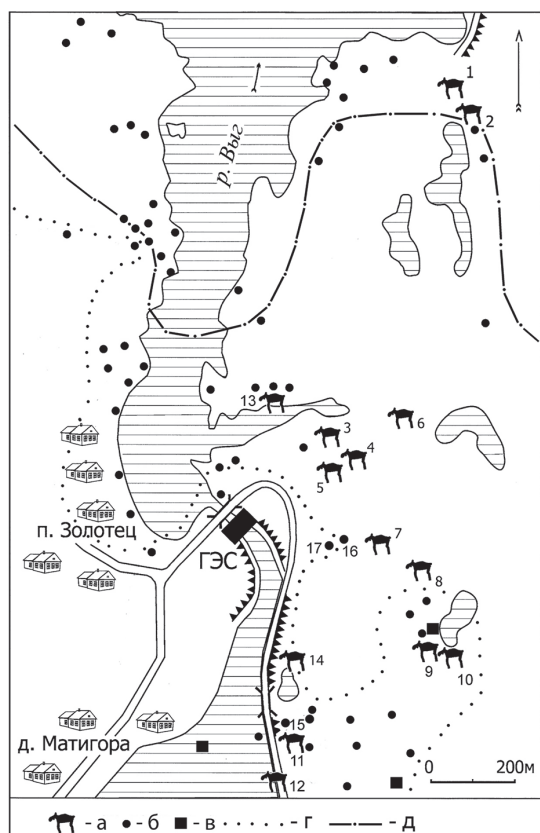

Рис. 1. Схема расположения групп наскальных изображений, древних поселений и границ распространения нео-энеолитических типов керамики в низовье реки Выг: а – группа петроглифов; б – древнее поселение; в – стоянка с раннеэнеолитической керамикой; г – граница распространения поселений с ямочно-ребенчатой керамикой; д – граница распространения поселений с ромбоямочной керамикой. 1, 2 – Старая и Новая Залавруга; 3–6 – Безымянный Остров I–IV; 7–10 – Ерпин Пудас I–IV; 11, 12 – Бесовы Следки (северная и южная группы); 13, 14 – Золотец I, II; 15 – стоянка Святислище; 16, 17 – стоянки Золотец XXXIX, XL. Все рисунки и фотографии в статье, кроме рис. 8, А. М. Жульникова

Figure 1. The layout of groups of rock carvings, ancient settlements, and the boundaries of the distribution of Neolithic types of ceramics in the lower reaches of the Vyg River: а – group of petroglyphs; б – ancient site; в – site with early Neolithic ceramics; г – border of distribution of the pit-comb ware sites; д – border of distribution of the rhomb-pit ware sites. 1, 2 – Staraya and Novaya Zalavruga; 3–6 – Bezmyannyi Ostrov I–IV; 7–10 – Erpin Pudas I–IV; 11, 12 – Besovy Sledki (northern and southern groups); 13, 14 – Zolotets I, II; 15 – Svyatilishche site; 16, 17 – Zolotets XXXIX, XL sites. All drawings and photographs in the article are courtesy of A. M. Zhulnikov, except for figure 8

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ШУРФОВ СТОЯНКИ ЗОЛОТЕЦ XL И ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Стоянки Золотец XXXIX и Золотец XL отделены друг от друга скальным выходом (рис. 2). Высота стоянки Золотец XXXIX над уровнем моря составляет около 19–19,5 м, высота залегания культурного слоя стоянки Золотец XL – 19,45–19,8 м.

Рис. 2. План поселений Золотец XXXIX, XL

Figure 2. Settlement plan of Zolotets XXXIX, XL

Стоянка Золотец XXXIX расположена недалеко от группы петроглифов Ерпин Пудас I, находящейся на противоположном берегу р. Выг. Находок в разведочном шурфе на этой стоянке обнаружено сравнительно немного. Керамика представлена фрагментами от двух сосудов с ромбоямочной орнаментацией. Примечателен почти целый кремневый наконечник стрелы, найденный в пределах продолговатого пятна красного цвета (110 x 16 см), большей частью разрушенного современной квадратной ямой (шурфом?). Данное охристое пятно интерпретировано нами как остатки грунтового захоронения энеолитического времени [7: 251]. В каменном инвентаре на стоянке Золотец XXXIX доминируют изделия из кварца. В шурфе на этой стоянке обнаружены два сланцевых окатанных отщепов, тогда как ромбоямочная керамика подобных признаков не имеет. Эти окатанные водой находки косвенно свидетельствуют о том, что до появления на мысу левого берега р. Выг поселения с ромбоямочной керамикой ранее здесь существовала иная стоянка, культурный слой которой оказался, видимо, полностью размыт.

Стоянка Золотец XL находится в 25 м юго-западнее стоянки Золотец XXXIX, на берегу протоки р. Выг (см. рис. 2), на противоположном берегу которой находится небольшой необследованный пока остров. После снятия дерна в шурфе на стоянке Золотец XL обнаружился коричневатый песок с красноватыми прослойками и пятнами, который не содержал находок. По мере углубления шурфа в его южной части в 0,4–0,5 м от поверхности начали встречаться фрагменты ромбоямочной керамики. Далее культурный слой, обнаруженный под песчаными наносами (условный горизонт 1), был разобран четырьмя горизонтами толщиной 5 см, с учетом зачисток – до 6–7 см. При разборке грунта из шурфа проводилось его контрольное просеивание. Большую часть индивидуальных находок

(каменные орудия, заготовки, нуклеусы, керамика) удалось зафиксировать в трехмерной системе координат.

После обнаружения первых находок в шурфе была проведена зачистка, которая показала почти полное отсутствие в верхней части горизонта красноватых пятен культурного слоя. В северо-западной части шурфа грунт имел темно-желтую окраску, а на большей части шурфа наблюдался песок темно-желтой окраски с коричневым оттенком или коричневыми пятнами. И лишь в юго-западной части шурфа вокруг крупного валуна отмечено пятно темно-коричневого песка. Находки в горизонте 2 оказались довольно многочисленны, равномерно распределены по площади шурфа. На кв. x101/y200 расчищен развал сосуда с ромбоямочной орнаментацией. Ромбоямочная керамика была встречена и на иных квадратах шурфа. Ямочно-гребенчатая керамика льяловского облика представлена в горизонте единственным фрагментом. Кальцинированные косточки в горизонте 2 немногочисленны, не образуют заметных скоплений.

В ходе зачистки у подошвы горизонта 3 в северо-восточном углу шурфа выявилось обширное с нечеткими очертаниями пятно (линза) песка темно-коричневого цвета с коричневым оттенком, частично расположенное за пределами шурфа. Размеры пятна составляют в пределах шурфа 1,6 x 1 м. Это пятно наблюдалось и в горизонте 4. Поскольку в пределах данного пятна видна повышенная концентрация кальцинированных косточек, включая костную труху, то выявленный объект можно интерпретировать как след от кострища. Мощность кострищной линзы, частично уходящей в стенку шурфа, достигает 12 см. Наиболее темная окраска слоя в горизонте 3 отмечена в южной части шурфа – песок темно-коричневого цвета. В центральной части шурфа находки обнаружены в слое темно-желтого песка с коричневыми пятнами, а у юго-западной части наблюдался песок темно-желтого цвета. Следует отметить, что кальцинированные косточки в горизонте 3 встречались и на остальных квадратах шурфа вне пятен слоя, которые можно было бы интерпретировать как остатки кострищ. В горизонте 3, помимо фрагментов ромбоямочной керамики и обломков сосуда, украшенного оттисками дуговидной гребенки, был обнаружен мелкий фрагмент неолитической ямочно-гребенчатой керамики льяловского облика. В центральной части кв. x100/y201 выявлено скопление кварцевых предметов: две гальки, нуклеусы, отщепы и чешуйки.

Планиграфия у подошвы горизонта 4 почти не отличается от горизонта 3. В юго-восточ-

ном и северо-западном углах шурфа находки в горизонте 4 малочисленны. Отметим крупные фрагменты сосуда с орнаментом из дуговидных оттисков гребенки у западной стенки шурфа на кв. x100/y200–201. На кв. x101/y202 расчищено скопление кальцинированных косточек, расположенное в пределах кострища, следы которого обнаружили уже в горизонте 3.

Находки в горизонте 5 встречены только в его верхней части, они немногочисленны, а у западной стенки не представлены вовсе. В этом горизонте возросло число фрагментов ямочно-гребенчатой керамики льяловского облика. В северо-западной части шурфа песок темно-желтого цвета сменился темно-желтым с коричневым оттенком грунтом, включающим небольшие валуны и гальку. В этом гравийно-галечном грунте находки не обнаружены.

Стратиграфия у южной стенки шурфа на кв. x100/y200: 1) дерн (5–9 см); 2) темно-серый песок с коричневыми пятнами – пахотный слой? (5–6 см); 3) прослойка красноватого с коричневыми пятнами песка (2–4 см); 4) светло-коричневый песок с белесыми линзами и пятнами (7–10 см); 5) линзы красноватого песка (до 7 см); 6) коричневый песок с красноватым оттенком (12–16 см); 7) темно-желтый песок с коричневыми пятнами (10–19 см); 8) темно-коричневый песок с мелкими угольками (15–35 см); 9) темно-желтый песок с коричневыми пятнами – подстилающий слой. Находки на этом квадрате были обнаружены в верхней части слоя темно-коричневого песка.

Стратиграфия у северной стенки шурфа на кв. x100/y202: 1) дерн (4–5 см); 2) темно-серый песок с коричневыми пятнами – пахотный слой? (5–7 см); 3) линзы красноватого с коричневыми пятнами песка (до 6 см); 4) светло-коричневый песок с белесыми линзами и пятнами (0–4 см); 5) коричневый песок с красноватым оттенком (10–12 см); 6) темно-желтый песок (17–21 см); 7) темно-желтый песок с коричневыми пятнами, с галькой и валунами – подстилающий слой. Находки обнаружены в слое темно-желтого песка, который не имел красноватых пятен. В нижней части слоя песка темно-желтого цвета выявлены окатанные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики льяловского облика.

Нечеткие пятна прокала от кострищ в шурфе и повсеместное обнаружение в его пределах кальцинированных косточек, как правило, не образующих заметных скоплений, косвенно указывают на использование огня для приготовления пищи вне жилых сооружений. Кроме того, эти данные свидетельствуют о многократном посещении древними людьми площадки, расположенной на этом участке левого берега р. Выг.

В шурфе на стоянке Золотец XL обнаружено 944 археологические находки. Из них индивидуальных находок 134 единицы, к категории массового материала отнесено 810 предметов. Распределение находок разных видов по горизонтам представлено в табл. 1–3.

Таблица 1. Индивидуальные находки со стоянки Золотец XL

Table 1. Individual finds from Zolotets XL site

№ п/п	Наименование артефакта	Горизонт				Итого
		2	3	4	5	
Изделия из камня						
1	Наконечник дротика (вкл. обл.), кремь	-	-	2	-	2
2	Наконечник стрелы (вкл. обл.), кремь	1	-	1	-	2
3	Нуклеус, кварц	3	2	2	1	8
4	Скобель, кремь	1	-	-	-	1
5	Скребок, кварц	-	1	-	-	1
6	Скребок, кремь	2	2	-	-	4
7	Кварцевая галька	-	-	2	-	2
Итого:		7	5	7	1	20
Керамика						
1	Керамика ромбоямочная	58	25	22	1	106
2	Керамика ямочно-гребенчатая	1	1	2	3	7
3	Фигурка (обл.)	-	-	1	-	1
Итого:		59	26	25	4	114

Таблица 2. Массовый инвентарь со стоянки Золотец XL

Table 2. Mass inventory from Zolotets XL site

№ п/п	Наименование артефакта	Горизонт				Итого
		2	3	4	5	
Изделия из камня						
1	Отщеп, кварц	85	113	71	20	289
2	Чешуйка, кварц	69	124	74	18	285
3	Отщеп, кремьень	3	2	-	-	5
4	Чешуйка, кремьень	8	23	16	-	47
5	Отщеп, сланец	1	-	-	-	1
Итого:		166	262	161	38	627
Иные находки						
4	Керамика ромбоямочная (мелкие обломки)	24	16	13	3	56
5	Керамика ямочно-гребенчатая (мелкие обломки)	-	-	-	1	1
6	Кость кальцинированная	9	67	42	8	126
Итого:		59	33	83	55	12

Таблица 3. Распределение по материалу каменных орудий и отходов их производства со стоянки Золотец XL

Table 3. Distribution of stone tools and their production waste by material from Zolotets XL site

№ п/п	Материал	Орудия	Нуклеусы, кварцевые гальки	Отщепы, чешуйки	Итого
1	Кварц	1	10	574	585
2	Кремь	9	-	52	61
3	Сланец	-	-	1	1
Итого:		10	10	627	647

Керамика, обнаруженная на стоянке, относится к двум разновидностям ямочно-гребенчатой керамической посуды: неолитическая ямочно-гребенчатая керамика, близкая к льяловскому типу (рис. 3: 1–5, 6) и ромбоямочная керамика финала неолита – начала энеолита (рис. 3: 4, 7).

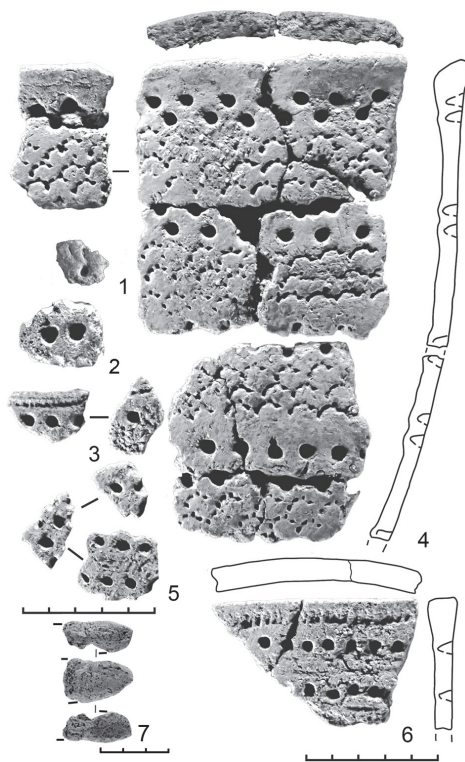

Рис. 3. Керамические изделия с поселения Золотец XL. 1–5, 6 – ямочно-гребенчатая керамика; 4 – фрагменты сосуда, украшенного округлыми ямками и оттисками дуговидного гребенчатого штампа; 7 – обломок скульптуры

Figure 3. Ceramic products from Zolotets XL site. 1–5, 6 – pit-comb ceramics; 4 – fragments of a vessel decorated with rounded pits and impressions of an arcuate comb stamp; 7 – a fragment of a sculpture

Ямочно-гребенчатая керамика льяловского облика представлена мелкими фрагментами минимум от пяти сосудов, украшенных горизонтальными рядами ямок конической формы, сочетающихся с горизонтальными линиями, составленными из оттисков гребенчатого штампа.

па (рис. 3: 3, 6), горизонтальными рядами из оттисков, напоминающих торец палочки (рис. 3: 1). На фрагментах от двух сосудов сохранились части стенок, украшенных ямками конической формы (рис. 3: 2, 5). Венчик сохранился у одного сосуда, он прямой (без профилировки), прямо-срезанный, почти не утолщен, не имеет орнамента (рис. 3: 6), что вполне типично для карельского варианта ямочно-гребенчатой керамики льяловского облика.

Ромбоямочная керамика, найденная в шурфе, принадлежит минимум семи сосудам, украшенным сочетанием ямок неправильной формы и оттисками гребенки. Ромбоямочная посуда более толстостенная по сравнению с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, найденной в шурфе. Венчики сохранились у пяти сосудов. Три из них скошены внутрь, два – прямо-срезанные. Все пять венчиков украшены оттисками гребенки. Три сосуда орнаментированы чередованием горизонтальных рядов ямок и оттисков гребенки (рис. 4: 1–2), на одном сосуде мотив вертикального зигзага из оттисков гребенки сочетается с горизонтальными рядами ямок (рис. 4: 4), один сосуд украшен горизонтальным двойным зигзагом из оттисков гребенки, сочетающимся с горизонтальным поясом из ямок неправильной формы, расставленных в шахматном порядке (рис. 4: 6). У двух сосудов ниже края венчика расположен ряд из оттисков гребенки, поставленной под углом, ниже располагаются ряды из ямок (рис. 4: 3, 5).

Один сосуд, включенный в группу ромбоямочной керамики, обломки которого в значительном числе обнаружены в шурфе, украшен гребенчато-ямочным узором. Изготовлен сосуд из глины с примесью дресвы. Венчик его прямой, утолщен изнутри, скошен внутрь, украшен оттисками гребенки. От ранней ямочно-гребенчатой керамики этот сосуд отличается не только обилием в орнаментации оттисков гребенчатого штампа, но и дуговидной формой отпечатков (см. рис. 3: 4). Такие дуговидные оттиски характерны для финала неолита европейского Северо-Востока (чужьяельская культура) и Зауралья [10]. Ямочно-гребенчатая керамика льяловского облика, найденная в шурфе, тяготеет к нижним слоям, представлена единичными фрагментами, иногда с признаками окатанности. Керамика с арочными оттисками и ямками округлой формы, напротив, найдена в виде развалов от крупных частей сосуда, следов окатанности не имеет, по условиям залегания, видимо, соотносится с комплексом ромбоямочной посуды. По форме венчика и горизонтально-зональному построе-

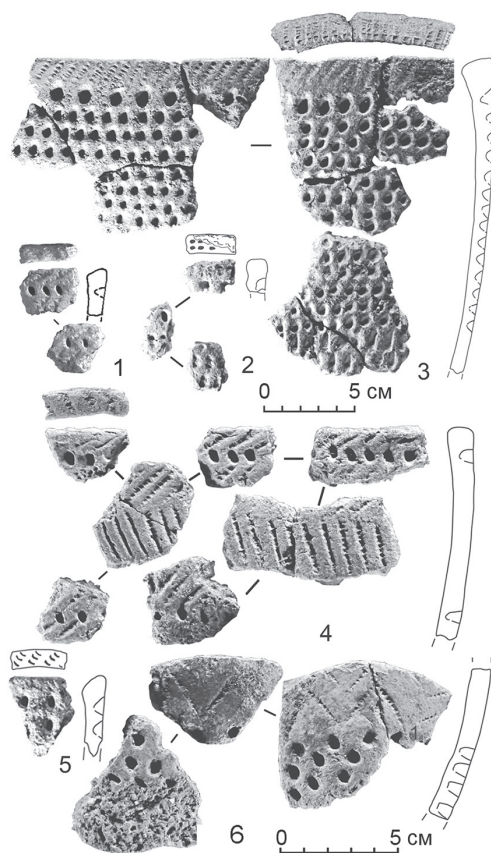

Рис. 4. Фрагменты ромбоямочной керамики с поселения Золотец XL

Figure 4. Fragments of rhomb-pit ware from Zolotets XL site

нию орнаментальной композиции сосуд с дуговидными оттисками также типичен для ромбоямочной керамики, получившей распространение на территории Прибеломорья в первой половине IV тыс. до н. э.

В шурфе обнаружен обломок керамической скульптурки (см. рис. 3: 7), связанный с комплексом ромбоямочной керамики, поскольку на стоянках с более ранней ямочно-гребенчатой керамикой Карелии подобные изделия пока не известны.

Кремневые орудия на стоянке немногочисленны (рис. 5: 1–9), что вполне обычно для стоянок с ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамикой этого микрорегиона, на которых в неолите – начале энеолита обычно доминируют кварцевые артефакты. В шурфе они представлены восемью нуклеусами (рис. 5: 12–18) и скребком (рис. 5: 10). В отходах производства на стоянке преобладают кварцевые отщепы и чешуйки. Отметим наличие в шурфе серии кремневых чешуек, что свидетельствует о том, что обитатели стоянки не только получали в ходе обмена (с низовий Онеги или Северной Двины) готовые кремневые орудия, но и сами иногда изготов-

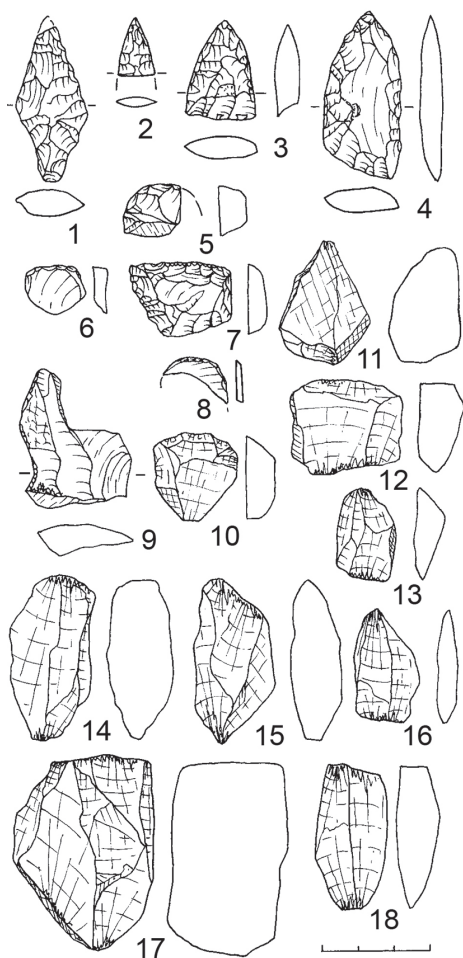

Рис. 5. Каменный инвентарь с поселения Золотец XL: 1–9 – кремнь; 10–18 – кварц. 1 – наконечник стрелы; 2 – обломок наконечника стрелы; 3 – обломок наконечника дротика, переоформленный в скребок; 4 – наконечник дротика (?); 5–8, 10 – скребки; 9 – скобель; 12–18 – нуклеусы

Figure 5. Stone tools from Zolotets XL site: 1–9 – flint; 10–18 – quartz. 1 – arrowhead; 2 – arrowhead fragment; 3 – dart tip fragment reshaped into a scraper; 4 – dart tip (?); 5–8, 10 – scrapers; 9 – scraper-knife; 12–18 – nuclei

ляли их на берегу р. Выг. В шурфе найден один сланцевый отщеп. Интерес представляют две кварцевые гальки, обнаруженные на удалении около 15 см друг от друга в горизонте 3, рядом с кварцевым нуклеусом, скоплением кварцевых отщепов и чешуек. Не вызывает сомнений, что эти гальки были принесены древним человеком в качестве материала для изготовления кварцевых орудий. Зафиксированное в шурфе скопление кварцевых артефактов, связанное с расщеплением кварца, можно интерпретировать как место работы мастера. Состав каменного инвентаря на стоянке Золотец XL имеет значительное сходство с материалами поселения Залавруга III, где представлен относительно «чистый» комплекс инвентаря, связанный с ромбо-

ямочной керамикой. На этой стоянке, раскопанной Ю. А. Савватеевым в низовье р. Выг на площади 116 кв. м, в каменном инвентаре доминируют изделия из кварца (в основном скребки и отщепы), а доля кремневых и сланцевых артефактов не превышает 5 % [14: 176].

По рассеянному в культурном слое стоянки Золотец XL углю, собранному в горизонте 4 на кв. x100/y200, была получена дата 5700 ± 70 C¹⁴ л. н. (SPb-4018), или 4708–4367 калиброванных лет до н. э., что хорошо соотносится с наиболее ранней датой для ямочно-гребенчатой керамики в низовье р. Выг: 5635 ± 70 C¹⁴ л. н. (GrA-63681), или 4542–4367 калиброванных лет до н. э. [19]. Видимо, дата со стоянки Золотец XL определяет начало формирования здесь культурного слоя населением с ямочно-гребенчатой керамикой, поскольку даты для ромбоямочной керамики Карелии, также представленной на поселении, имеют хронологический диапазон 3940–3370 калиброванных лет до н. э. [18: 374]. Имеющаяся для стоянки Золотец XL дата вполне надежно маркирует образование в середине V тыс. до н. э. на высоте около 19,5 м над уровнем моря береговой террасы, пригодной для обитания древних людей. Не позднее этого времени в низовье р. Выг обнажаются скалы, имеющие отметки от 19 до 20 м над уровнем моря, на которых расположены такие группы наскальных изображений, как Бесовы Следки (северная группа, подгруппы I, II), Ерпин Пудас III, IV (рис. 6). Полученные в ходе шурфовки стоянки Золотец XL материалы подтверждают возможность появления первых наскальных гравировок в низовье р. Выг начиная с середины V тыс. до н. э.

Поскольку оттиски уникального для Юго-Западного Прибеломорья дуговидного гребенчатого штампа, которыми украшен один из сосудов со стоянки Золотец XL, имеют сходство в орнаментации чужьяёльской посуды европейского Северо-Востока, в рамках настоящего исследования мною был предпринят поиск аналогий подобной орнаментации на стоянках, расположенных к востоку от низовьев р. Выг. По публикациям и отчетным материалам удалось выявить семь археологических памятников, расположенных к западу и северо-западу от чужьяёльской культуры, на которых имеется керамическая посуда, орнаментированная дуговидными оттисками (рис. 7). Чужьяёльская культура впервые была выделена В. С. Стоколосом на территории Северного Приуралья [16], [17]. Данная культура, по мнению исследователя, опиравшегося на анализ специфических морфо-

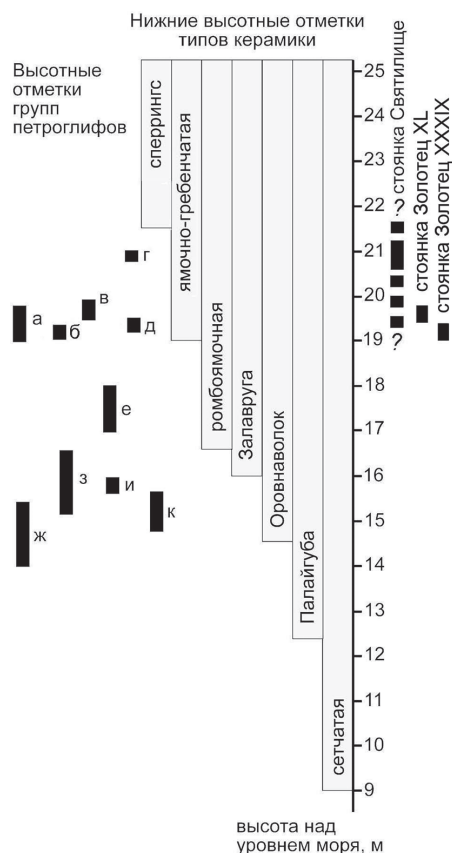

Рис. 6. Расположение стоянок Золотец XXXIX, XL, Святителище относительно высотных диапазонов групп петроглифов и типов керамики в низовье р. Выг: а, б – Бесовы Следки (северная группа) (подгруппы I, II), в – Ерпин Пудас III, г – Золотец II, д – Ерпин Пудас IV, е – Ерпин Пудас I, ж – Старая Залавруга, з – Новая Залавруга, и – Северный Безымянный Остров, к – Золотец I

Figure 6. Location of Zolotets XXXIX, XL, Svyatilishche sites relative to the ranges of heights above sea level for groups of rock carvings and types of pottery in the Lower Vyg River: а, б – Besovy Sledki (northern group, subgroups I and II), в – Erpin Pudas III, г – Zolotets II, д – Erpin Pudas IV, е – Erpin Pudas I, ж – Staraya Zalavruga, з – Novaya Zalavruga, и – Severnyi Bezymyannyi Ostrov, к – Zolotets I

логических признаков чужьяёльской керамики, имеет зауральское происхождение. Ее памятники не образуют сплошного ареала, группируясь в верховьях Мезени, частично на Вычегде, в Печорском бассейне и в Большеземельской тундре (см. рис. 7) [16: 25]. Такая керамика в Северном Приуралье, судя по недавно опубликованным данным радиоуглеродного анализа, датируется IV – первой половиной III тыс. до н. э. [9], [11] и, таким образом, отчасти синхронна ромбоямочной посуде, обнаруженной на стоянке Золотец XL.

В восточной части Карелии на стоянке Илекса I А. П. Журавлевым был найден сосуд, украшенный орнаментом (рис. 8: 1), похожий на узор

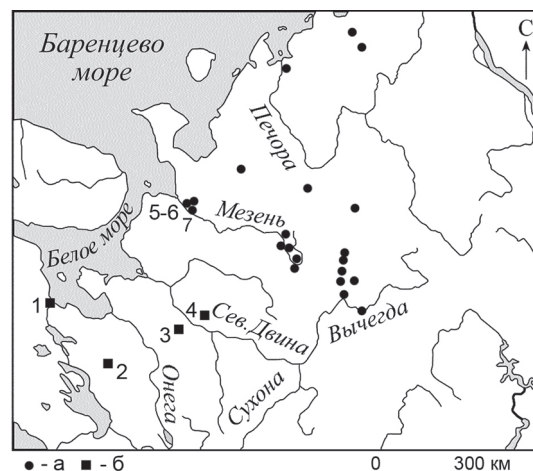

Рис. 7. Картограмма расположения стоянок с находками керамики, украшенной отпечатками дуговидного гребенчатого штампа и памятников чужьяёльской культуры: а – памятники чужьяёльской культуры; б – стоянки с находками фрагментов сосудов, украшенных отпечатками дуговидного штампа. 1 – Золотец XL; 2 – Илекса I; 3 – Кямозеро-5; 4 – Ковозеро XI; 5–6 – Пёза I, III; 7 – Заборотье II

Figure 7. A cartographic diagram of the location of sites with finds of ceramics decorated with impressions of an arc-shaped comb stamp and monuments of the Chuzhyael'skaya Culture: а – monuments of the Chuzhyael'skaya Culture; б – sites with finds of fragments of vessels decorated with impressions of an arc-shaped stamp. 1 – Zolotets XL; 2 – Ileksa I; 3 – Kamozero-5; 4 – Kovozero XI; 5, 6 – Pesa I, III; 7 – Zaborotye II

сосуда с дуговидными отпечатками со стоянки Золотец XL. На стоянке Илекса I представлен чистый комплекс ромбоямочной керамики [8], поэтому связь с ним сосуда, украшенного дуговидными отпечатками и округлыми ямками, не вызывает сомнения.

В среднем течении Северной Двины имеется два древних поселения, на которых найдена керамика, напоминающая по орнаменту чужьяёльскую (см. рис. 7). На стоянке Кямозеро-5, расположенной на берегу одноименного озера, в шурфах обнаружена керамика, украшенная ямочно-гребенчатым орнаментом, и один фрагмент стенки сосуда с отпечатками дуговидного штампа (рис. 8: 2) [1]. На стоянке Ковозеро XI Г. М. Буровым найдено два фрагмента керамики с дуговидными отпечатками (рис. 8: 3, 4) [3: рис. 42: 3, 8]. Помимо этих фрагментов на стоянке собраны обломки неолитических (с гребенчато-ямочным орнаментом) и энеолитических (с примесью раковины) сосудов [3: 77–81].

В низовье р. Мезень И. В. Гавриловой в 1976 году в ходе разведочных работ была открыта группа из трех стоянок (Заборотье II, Пёза I, III) (см. рис. 7), в инвентаре которых имеется керамика, по всем своим признакам (форма венчика и орнаментация) относящаяся к чужьяёльскому типу (рис. 8: 5–10)⁴. Наличие немногочислен-

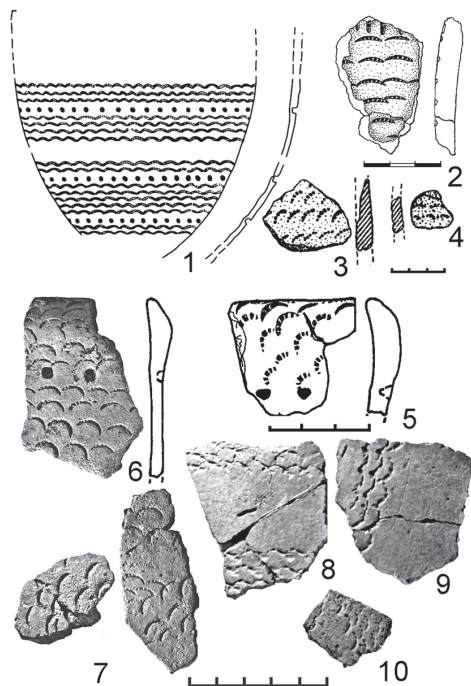

Рис. 8. Керамика с оттисками дуговидного гребенчатого штампа, обнаруженная к западу от региона распространения памятников чужьяёльской культуры: 1 – Илекса I (Журавлев, 1982, рис. 9: 1); 2 – Кямозеро-5 (Анциферов и др., 2024, рис. 4: 1); 3, 4 – Ковозеро XI (Буров, 1974, рис. 42: 3, 8); 5 – Заборотье II; 6, 7 – Пёза III; 8–10 – Пёза I (5–10 – рисунок и фото А. М. Жульникова)

Figure 8. Ceramics with impressions of an arc-shaped comb stamp discovered to the west of the region of distribution of monuments of the Chuzhyael'skaya Culture: 1 – Ileksa I (Zhuravlev, 1982, fig. 9: 1); 2 – Kamozero-5 (Antsiferov et al., 2024, fig. 4: 1); 3, 4 – Kovozero XI (Burov, 1974, fig. 42: 3, 8); 5 – Zaborotye II; 6, 7 – Pesa III; 8–10 – Pesa I (5–10 – drawing and photo by A. M. Zhulnikov)

ной группы памятников с чужьяёльской керамикой в низовье Мезени позволяет предполагать, что весь бассейн этой реки в определенный исторический период был заселен группами охотников-рыболовов зауральского происхождения.

Для керамики с дуговидными оттисками гребенчатого штампа, обнаруженной к западу от бассейна р. Мезени, характерно зонально-горизонтальное размещение орнаментальных композиций на стенках сосудов (см. рис. 3: 4; 8: 1–4), тогда как для чужьяёльской гончарной традиции обычны ячеистые «сотовые» узоры в виде треугольников, ромбов и т. п. [16: 39]. В этой связи керамику с единичными чужьяёльскими признаками, обнаруженную к западу от р. Мезень, следует отнести к разряду гибридной. В ней сочетаются черты местной ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамической традиции и зауральского гончарства. Эти данные не дают оснований предполагать миграцию зауральского населения на запад, вплоть до Юго-Западного

Прибеломорья. Влияние чужьяёльского гончарства на территории Карелии нашло отражение на памятниках с ромбоямочной керамикой, датируемой первой половиной IV тыс. до н. э. Следовательно, признаки западных контактов (брачные связи?) групп населения зауральского происхождения, проживавшего в бассейнах рек Мезень и Вычегда, относятся к начальной стадии существования данной культуры на европейском Северо-Востоке.

ВЫВОДЫ

В целом стоянка Золотец IV по аналогиям в керамике и полученной радиоуглеродной дате может быть датирована второй половиной V – первой четвертью IV тыс. до н. э. На начальной стадии появления в низовье р. Выг группы населения с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского облика площадка, занятая стоянкой, регулярно подвергалась размыву, что привело к существенному разрушению остатков керамической посуды и их частичному окатыванию. В первой четверти IV тыс. до н. э. на стоянке появляется население с ромбоямочной керамикой и посудой, украшенной дуговидными гребенчатыми оттисками. В период бытования здесь стоянки с ромбоямочной посудой происходит кратковременный довольно мощный подъем воды, видимо, в приустьевой части Выга, что привело к перекрыванию песчаными наносами культурного слоя, но без явных признаков его размывания. Наличие красноватых прослоек в верхней части шурфа, не содержащих находок, тем не менее может свидетельствовать о заселении данной территории в более позднее время, а отсутствие находок в шурфе в этих прослойках может объясняться тем, что они не попали в его пределы. Расположенная поблизости стоянка Золотец XXXIX, не имеющая признаков размывания и замывания культурного слоя с ромбоямочной керамикой, находящаяся примерно на 0,5 м ниже стоянки Золотец XL, судя по этим данным, может быть датирована второй четвертью IV тыс. до н. э. Видимо, этот хронологический период относится уже к регрессивной стадии (фазе) Белого моря. Судя по полученным в ходе исследования данным, влияние чужьяёльской керамической традиции на культуру аборигенного населения Юго-Западного Прибеломорья выразилось лишь в появлении в орнаментации специфических оттисков дуговидного гребенчатого штампа. В данном случае речь может идти о взаимовлиянии керамических традиций разнотрадиционных групп древнего населения, проживавших в южной части бассейна Белого моря.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
- ² Брюсов А. Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 169–194.
- ³ Зондаж грунта в ходе археологической разведки путем закладки небольших шурфов (максимум 50 x 50 см по площади), называемых иногда археологами «закопушками», – это обычная практика поиска признаков культурного слоя на территории Карелии вплоть до 90-х годов XX века.
- ⁴ Гаврилова И. В. Отчет о работе Мезенского отряда в 1976 г. // Архив Института археологии РАН. Фонд Ф-1, Р-1, дела № 5970, 5970а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов А. А., Потуткин Н. С., Ирха П. А. Группа первобытных стоянок на озере Кязозеро: результаты первичных исследований // Археология Севера: памятники, проблемы, гипотезы. Архангельск: Лоция, 2024. С. 90–94.
2. Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды Государственного исторического музея. Вып. IX. М.: Государственный исторический музей, 1940. 320 с.
3. Буров Г. М. Археологические культуры севера европейской части СССР. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический институт им. И. Н. Ульянова, 1974. 120 с.
4. Девятова Э. И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в Юго-Западном Беломорье. (Труды Института геологии Карельского филиала АН СССР. Вып. 33). Л.: Наука, 1976. 121 с.
5. Жульников А. М. К вопросу о хронологии наскальных изображений Белого моря // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 62–69.
6. Жульников А. М. Стоянка Святилище в контексте датирования и функционирования Беломорских петроглифов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.579
7. Жульников А. М. Могилиники и одиночные погребения древнего населения бассейна Белого моря (энеолит – эпоха бронзы) // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 244–265.
8. Журавлев А. П., Илекса И. Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1982. С. 108–118.
9. Карманов В. Н. Ваднюр I/7 – памятник финального неолита и энеолита на р. Выгегде // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 63–72.
10. Карманов В. Н. Поиск истоков традиций чужьяёльской культуры // Археология Арктики. Вып. VIII. Уфа: Книга-принт, 2023. С. 178–199.
11. Карманов В. Н., Зарецкая Н. Е. Радиоуглеродная хронология чужьяёльской культуры // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 55–69.
12. Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Часть вторая. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. 162 с.
13. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть первая. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 450 с.
14. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть вторая. Стоянки. Л.: Наука, 1977. 323 с.
15. Савватеев Ю. А., Девятова Э. И., Лийва А. А. Опыт датировки наскальных изображений Белого моря // Советская археология. 1978. № 4. С. 16–35.
16. Стоколос В. С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 192 с.
17. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
18. Тарасов А. Ю., Хорошун Т. А. Радиоуглеродная хронология периода неолита и энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 368–387.
19. Tarasov A., Nordquist K., Mökkönen T., Khoroshun T. Radiocarbon chronology of the Neolithic–Eneolithic period in Karelian Republic (Russia) // Documenta Praehistorica. 2017. Vol. XLIV. P. 98–121.

Поступила в редакцию 15.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Research Associate, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

ZOLOTETS XL SITE IN THE LOWER REACHES OF THE VYG RIVER WITH A BURIED CULTURAL LAYER

Abstract. The article publishes the materials of the Zolotets XL site discovered in 2022 by the expedition of Petrozavodsk State University in the lower reaches of the Vyg River, in the immediate vicinity of certain groups of the

White Sea petroglyphs. The data presented in the article is of considerable interest in the context of the problems of dating rock engravings of the White Sea and climatic changes at the beginning of the Subboreal epoch in the territory of the Western White Sea. Based on the results of radiocarbon dating and the search for analogies to the finds obtained during the excavations, probable periods of rising water levels in the estuary of the Vyg River were established, which led to the erosion and sometimes to the washing away of the cultural layer of ancient settlements located near the Besov Sledki group of rock carvings. In addition, during the study of the excavation materials, evidence of distant contacts of the ancient population of the southwestern White Sea region with the tribes of hunters and fishermen who inhabited the Northern Urals in the first half of the IV millennium BC.

Key words: site, Neolithic, Pit-Comb Ware, Rhomb-Pit Ware, White Sea

For citation: Zhulnikov, A. M. Zolotets XL site in the lower reaches of the Vyg River with a buried cultural layer. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1176

REFERENCES

1. Antsiferov, A. A., Potutkin, N. S., Irkha, P. A. A group of primitive sites on Lake Kamozero: the results of primary research. *Archaeology of the North: monuments, problems, hypotheses*. Arkhangelsk, 2024. P. 90–94. (In Russ.)
2. Bryusov, A. Ya. The history of ancient Karelia. *Transactions of the State Historical Museum*. Issue IX. Moscow, 1940. 320 p. (In Russ.)
3. Burov, G. M. Archaeological cultures of the north of the European part of the USSR. Ulyanovsk, 1974. 120 p. (In Russ.)
4. Devyatova, E. I. Geology and palynology of the Holocene and chronology of prehistoric epoch relics in the South-West White Sea area. (Transactions of the Institute of Geology of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 33). Leningrad, 1976. 121 p. (In Russ.)
5. Zhulnikov, A. M. On the issue of chronology of the White Sea rock carvings. *Ural Historical Journal*. 2010;1(26):62–69. (In Russ.)
6. Zhulnikov, A. M. Svyatilishche site in the context of the White Sea petroglyphs dating and functioning. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2021. 579 (In Russ.)
7. Zhulnikov, A. M. Burial grounds and solitary burials of the ancient population of the White Sea basin (Eneolithic – Bronze Age). *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2023;4:244–265. (In Russ.)
8. Zhuravlev, A. P. Ilexa I. *Settlements of the Stone Age and Early Metal in Karelia*. Petrozavodsk, 1982. P. 108–118. (In Russ.)
9. Karmanov, V. N. Vadniur I/7 – the final Neolithic and Eneolithic site of the Vychegda River. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2020;4:63–72. (In Russ.)
10. Karmanov, V. N. The search for the origins of the traditions of Chuzhyael'skaya Culture. *Archeology of the Arctic*. Issue VIII. Ufa, 2023. P. 178–199. (In Russ.)
11. Karmanov, V. N., Zaretskaya, N. E. Radiocarbon chronology of Chuzhajol Culture. *The Volga River Region Archaeology*. 2021;3(37):55–69. (In Russ.)
12. Ravdonikas, V. I. Rock paintings of Lake Onega and the White Sea. Part two. Rock paintings of the White Sea. Moscow; Leningrad, 1938. 162 p. (In Russ.)
13. Savvateev, Yu. A. Zalavruga. Archaeological relics of the Lower Vyg River. Part one. Petroglyphs. Leningrad, 1970. 450 p. (In Russ.)
14. Savvateev, Yu. A. Zalavruga. Archaeological relics of the Lower Vyg River. Part two. Sites. Leningrad, 1977. 323 p. (In Russ.)
15. Savvateev, Yu. A., Devyatova, E. I., Liyva, A. A. New experience of the White Sea rock carvings dating. *Soviet Archaeology*. 1978;4:16–35. (In Russ.)
16. Stokolos, V. S. Early settlements of the Mezen' River valley. Moscow, 1986. 191 p. (In Russ.)
17. Stokolos, V. S. Cultures of the Early Metal Epoch in the North Urals Region. Moscow, 1988. 256 p. (In Russ.)
18. Tarasov, A. Yu., Horoshun, T. A. Radiocarbon chronology of the Neolithic and Eneolithic periods in Karelia. *Radiocarbon chronology of the Neolithic era of Eastern Europe in VII–III millennia BC*. Smolensk, 2016. P. 368–387. (In Russ.)
19. Tarasov, A., Nordquist, K., Mökkönen, T., Khoroshun, T. Radiocarbon chronology of the Neolithic–Eneolithic period in Karelian Republic (Russia). *Documenta Praehistorica*. 2017;XLIV:98–121.

Received: 15 January 2025; accepted: 3 March 2025

ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА СМИРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0579-8774; esmirnova@petrsu.ru

СТАТЬИ О ДРЕВНИХ ГРЕЧАНКАХ В РУССКОЙ ПЕРИОДИКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Интерес к вопросу о положении женщин в Древней Греции стал заметным явлением в российской периодике середины XIX века начиная с публикаций 1850 года в журналах «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения». Исследование характерных черт изображения древних гречанок в статьях Б. И. Ордынского и П. В. Тихоновича предпринято с целью уточнить и дополнить представления о трактовках истории и культуры Древней Греции в двух популярных отечественных изданиях, материалы которых могли оказывать заметное влияние на читательскую публику и содержание дискуссий об античности в русской периодике. Анализ публикаций о женщинах Древней Греции приводит к выводу о том, что античные тексты используются авторами статей не как прекрасные памятники словесности, знакомство с которыми обязательно для любого образованного человека, но как исторические источники для воссоздания быта и нравов далекого прошлого и предмет занятий узкого круга специалистов. В отношении авторов к читательской аудитории обнаруживаются два подхода. Немногочисленным знатокам адресованы переводы малоизвестных фрагментов из сочинений древнегреческих писателей и размышления о неполноте и противоречивости источниковой базы для воссоздания достоверной картины жизни древних гречанок, а массовому читателю – облегченное и упрощенное повествование о положении женщин в Древней Греции. Свои произведения о гречанках авторы противопоставляют археологическому роману Ж.-Ж. Бартеlemi и в особенности «профессорскому» роману В. А. Беккера как малопригодным для решения просветительских задач: первый не вполне отражал уровень научных знаний об Элладе и идеализировал древних греков, второй изобиловал непонятными для большинства читателей учеными комментариями. На основе схожего комплекса античных текстов Ордынский и Тихонович представили читателям разительно отличающиеся ответы на вопрос о положении женщин в Древней Греции. Наличие дискуссии актуализировало античность, вовлекая в полемику новые журналы с их авторами и читателями.

Ключевые слова: античность, рецепция, Древняя Греция, женский вопрос, журнал «Библиотека для чтения», журнал «Отечественные записки», Б. И. Ордынский, П. В. Тихонович

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Для цитирования: Смирнова Е. Л. Статьи о древних гречанках в русской периодике середины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 19–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1177

ВВЕДЕНИЕ

В 1850 году сразу в двух российских журналах – «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» – были опубликованы статьи, посвященные положению женщин в Древней Греции. Автором первой из них¹ стал Борис Иванович Ордынский, увлеченный филолог-классик, преподаватель древнегреческого языка сначала в Ярославской, а затем и в III Московской гимназии². Три статьи³ были написаны Поликарпом Васильевичем Тихоновичем, магистром класси-

ческой филологии, инспектором Курской мужской гимназии, чья карьера началась с преподавания латинского языка в гимназии Харькова⁴. Своеобразие очерков о древних гречанках Ордынского и Тихоновича определяется, во-первых, тем, что с них во многом начинается история специализированного, основанного на анализе широкого круга источников, обращения к теме положения женщин в Древней Греции в отечественной литературе⁵. Во-вторых, оба автора адресовали свои труды широкой чита-

тельской аудитории, а значит, сравнительный анализ их текстов о древних гречанках имеет важное значение в рамках неоднозначно решаемого в современном антиковедении вопроса о роли античного компонента в отечественной культуре середины XIX века и особенностях восприятия греко-римского культурного наследия в русской словесности [7: 154–182], [9: 116], [14: 7], [15: 122–125, 137–158].

Цель данной статьи – выявить характерные черты изображения древних гречанок в статьях Ордынского и Тихоновича, что позволит дополнить представления о трактовках истории и культуры Древней Греции в двух весьма популярных отечественных журналах, публикации которых могли оказывать заметное влияние на читательскую публику и содержание дискуссий о греко-римской древности.

Обращаясь к вопросу о причинах всплеска интереса к проблеме положения женщин в Древней Греции в русской периодике середины XIX века, отметим, что одной из заметных тем в европейской и отечественной словесности второй трети XIX века стал так называемый женский вопрос. Истоки интереса к женской теме связывают, как правило, с идеями эпохи Просвещения, а его развитие – с изменением роли женщин как в семье, так и в хозяйственной и общественной жизни, произошедшим в ходе урбанизации, секуляризации и активизации социально-политических движений в европейских странах в первой половине XIX века [16: 1–2]. По всей видимости, именно в усилении внимания к вопросу «о взаимоотношениях мужчины и женщины как в пределах частной семьи, так и на просторе общественно-государственной жизни» в Европе Нового времени⁶ следует искать причины появления в российской периодике середины XIX века отдельных очерков о положении женщин в древности, в том числе о древних гречанках.

Дополнительным важным фактором, повлиявшим на обращение ученых, писателей и художников к вопросу о роли женщин в античном мире, стали археологические раскопки в Помпеях и Геркулануме, приоткрывшие тайны повседневной жизни итальянских городов, а также начало археологического изучения отдельных областей Греции после ее освобождения от власти Османской империи. Яркую оценку значения археологических открытий дал в 1849 году О. И. Сенковский:

«...сами римляне и греки, которых нам удалось застать врасплох под землею, в их городах, гостиных, спальнях, храмах, могилах, сказали нам о себе в эти двадцать лет, утроившие число известных памят-

ников, гораздо более любопытного и достоверного, нежели сколько сказано было в их изорванных книгах»⁷.

Превращение античных текстов и памятников искусства из нормативного образца для подражания и мерила оценки современной культуры в исторические источники для изучения подробностей быта и тонкостей нравов античности как самостоятельной завершенной эпохи, во многом не похожей на Новое время, сопровождалось в профессиональной среде антиковедов полемикой о методах работы с источниками для получения достоверного знания и способах донесения новых знаний до массового читателя [11: 1186–1188]. Эти дискуссии получали широкий отклик на страницах отечественной периодики [13: 608], в особенности тех изданий, которые провозглашали своей задачей содействие просвещению.

Осмелимся, впрочем, предположить, что публикация статей о древних гречанках в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» была не только воплощением просветительского ориентира редакторов, но также результатом коммерческой редакторской политики по расширению читательской аудитории и отражением многолетнего соперничества изданий⁸. Примечательно, что статьи о гречанках заключали в себе две представленные в каждом из журналов злободневные темы – дискуссии о характерных чертах повседневной жизни древних греков и женский вопрос – и содержали критику публикаций журнала-конкурента, хотя и завуалированную. Анализ содержания «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» за 1849–1850 годы показывает, что вниманию читателей были предложены рецензии на одни и те же труды, связанные с древнегреческой словесностью и отражением повседневности в художественных текстах древних греков: «Опыт истории театра у древних народов» М. Кублицкого⁹ и перевод «Одиссеи» В. А. Жуковского¹⁰. Отметим также, что очерк о древних гречанках был опубликован в «Отечественных записках» вскоре после издания первых трех частей романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова. История одной женщины»¹¹ и романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»¹², словно приглашая к размышлениям о положении женщин в разные исторические эпохи, но «Библиотека для чтения» познакомила российского читателя с содержанием романа Ш. Бронте на месяц раньше «Отечественных записок»¹³.

Общим для Ордынского и Тихоновича моментом в создании очерков о женщинах Древней Греции было стремление предложить читателю легкое для понимания чтение, не требующее «многих предварительных познаний, а еще боль-

ше – привычки читать» книги, наполненные цитатами на древних языках и углубленными филологическими комментариями¹⁴. Противопоставление «большинства публики» и «знатоков» особенно заметно у Ордынского, который акцентирует наличие читателей с разным уровнем подготовки и в своей статье об Аристофане. Массовому читателю автор преподносит комедии Аристофана как «главнейший источник для знания внутренней жизни Афин», сравнивая их с повестью «Нос» Гоголя по истинности и убедительности многих картин нравов, в то время как знатокам он предлагает обратить внимание «на перевод мой аристофановых мест, вошедших в мою статью»¹⁵.

Противопоставление широкой публики и знатоков-филологов знаменательно: оно показывает, что античность все больше воспринималась не как универсальная ценность и источник общих норм современной культуры, ее компонент и строительный материал, но как далекая и безвозвратно ушедшая в прошлое историческая эпоха, являющаяся предметом изучения для узкой группы специалистов [7: 155, 157, 168–169, 173], [9: 116]. Мысль о том, что «даже между образованными людьми немало тех, которые не совсем близко знают Эсхила, Софокла, Плавта», и сожаление о канувших в Лету блаженных годах, когда обсуждение вопросов «о прекрасном и об искусстве... так отрадно занимали собой разум общества», неоднократно звучит в посвященных античности публикациях «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» 1849–1850 годов¹⁶. Однако любопытен эпиграф, предпосланный Ордынским к статье об Аристофане: «Мальчиков учит учитель, взрослых – поэты»¹⁷. Эта строка из комедии Аристофана «Лягушки» (Aristoph. *Batr.*, 1055) образованному читателю могла напомнить знаменитые строки из «Искусства поэзии» Горация: «Тот совершенства достиг, кто с пользой сливает приятность / Кто, услаждая читателя, тут же его наставляет» (Hor. *Ars Poet.*, 343–344, пер. А. В. Артюшкова). На наш взгляд, выбор эпиграфа свидетельствует о продолжении характерного еще для периодики XVIII – начала XIX века убеждения [12: 138], что легкое занимательное чтение может исправлять нравы. В середине XIX века филологи-классики Ордынский и Тихонович были выразителями надежды на то, что увлекательное и доступное изложение способно привлечь широкую читательскую публику к изучению античности, пробудить неподдельный интерес к греко-римскому миру и его наследию.

Во вступительных замечаниях очерков о древних гречанках очевиден историко-литератур-

ный подход авторов к изложению. Во-первых, они обращают внимание читателей на специфику источников для изучения повседневного быта женщин в Древней Греции, отмечая неполноту и противоречивость сохранившихся письменных свидетельств. Во-вторых, оценивается состояние изученности темы:

«...о древней гречанке написано очень мало... если же что и писано, то весьма поверхностно и ошибочно»¹⁸; «...немного книг, из которых легко познакомиться с внутренним бытом греков, нет ни одной книги, из которой можно с ним познакомиться вполне»¹⁹.

Однако лейтмотивом вступительных замечаний является вопрос о предпочтительной форме повествований о греческих древностях, предназначенных для широкого круга образованной публики, в связи с чем Ордынский упоминает романы Ж.-Ж. Бартеlemi и В. А. Беккера, а Тихонович – только сочинение Беккера. Оба произведения крайне любопытны в силу специфики повествования: Бартеlemi заслужил славу основоположника «археологического» романа [10: 17–18], а Беккер – автора, стоявшего у истоков романа, получившего название «профессорского» [5: 3], [6: 91].

Роман «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» французского археолога и лингвиста Жан-Жака Бартеlemi, опубликованный в 1788 году после тридцати лет работы автора над текстом²⁰, повествовал о любознательном варваре-скифе, который странствовал по Греции за несколько лет до рождения Александра Македонского и описывал все, что увидел и с кем из славных мужей встречался. «Путешествия Анахарсиса» вызвали восторг современников²¹, и неслучайно. Бартеlemi оказался, во-первых, новатором, впервые широко используя вещественные памятники, а не только тексты, при воссоздании истории древних греков [1: 20]; во-вторых, творцом необыкновенно привлекательного и идеализированного образа Древней Греции, определяемого представлениями о гражданской свободе, разумном и прекрасном [3: 108].

Гречанки в сочинении Бартеlemi упоминаются нечасто, однако любознательный читатель, нашедший время для прочтения всех девяти томов, мог восхититься вместе с Анахарсисом как женой Перикла Аспасией, несравненной по красоте, красноречию, приятностям разума и обходительности²², так и поэтическими дарованиями Сапфо, портрет которой изображался, в знак почтения к ее памяти, на монетах города Митилены, несмотря на приписываемые ей позорные нравы²³. Бартеlemi описывает одежды, украшения и косметические предпочтения афинянок, сообщает

некоторые детали повседневной жизни замужних дам и гетер²⁴, упоминает о различиях быта афинских женщин и спартанок. Популярность «Путешествий Анахарсиса» у европейских и российских читателей конца XVIII – начала XIX века способствовала тому, что набор сведений о древних гречанках черпался во многом именно из этого романа. Примечательно, что сочинение Бартеlemi было переведено на русский язык главным образом как обширный свод сведений о Древней Греции [8: 117].

Роман немецкого филолога и профессора археологии Вильгельма Адольфа Беккера «Харикл. Сцены из греческой жизни», вышедший в 1840 году²⁵, также получил известность, и прежде всего благодаря примечаниям и приложениям-экскурсам. Комментарии составили большую часть сочинения – два тома из трех²⁶ – и были написаны с просветительской целью: разъяснить массовому читателю исторические реалии далекого прошлого на основе научных данных. Вместе с тем именно историко-филологические экскурсии и примечания в романе Беккера стали предметом критики и отправной точкой для размышлений о том, как следует излагать историю для широкой публики, в отличие от специализированных изложений для школьников и ученых, и каким должен быть исторический роман. Тихонович сетовал на то, что по-настоящему оценить комментарии профессора смогут только филологи, а не большинство читателей, потому что для их чтения «нужно кроме знания греческого и латыни еще и предварительное приготовление»²⁷. По мнению Ордынского, постоянные отсылки к примечаниям в тексте романа только вредят, уничтожая возможность впечатления, однако и публикация перевода без примечаний не выдерживает критики, так как оставляет в памяти только сюжет, а подробности быта древних греков – самую суть книги – не передает²⁸.

Критикуя перевод без примечаний, «изданный в прошлом году», Ордынский, скорее всего, имел в виду перевод, выполненный П. Ольхиным и опубликованный в 1848 году в журнале «Библиотека для чтения», конкуренте «Отечественных записок»²⁹. Свою статью – «простой рассказ о греческой жизни без всякой претензии на иллюзию романа или драмы, но с пояснением, толкованием значения каждого явления»³⁰ – Ордынский словно бы противопоставлял текстам «Библиотеки для чтения», искажающим истинное значение романа Беккера и не несущим особой пользы для читателей, которые хотели бы больше узнать о быте Древней Греции.

Предметом повествования Ордынский избрал рассказ о жизни семейных афинянок в VI–IV веках до н. э., объясняя свой выбор сохранностью в основном аттических источников и значимостью Афин среди государств Эллады. Положение афинских женщин автор охарактеризовал как абсолютно бесправное и незавидное. Находясь всю жизнь под опекой (сначала отца, а затем мужа), афинянка почти не получала образования, редко выходила из дому и была предназначена к выполнению двух функций – рождению детей и ведению хозяйства семьи. Главными женскими добродетелями считались послушание мужу и умение хранить домашнее имущество. Равнодушные мужья афинянок проводили мало времени дома, предпочитая общество кокетливых гетер³¹. Редкими исключениями в безрадостной картине жизни афинянок были, в трактовке Ордынского, разве что богатые сироты-наследницы, которые могли выбрать мужа самостоятельно и обеспечить себе первенство в семейных делах, и жены со скверным характером, умудряющиеся бессовестно помыкать своими супругами³².

Некоторым противовесом рассказу об афинянках в статье Ордынского является экскурс о поэтессе Сапфо с острова Лесбос и ученицах Пифагора в итальянском городе Кротоне. Автор называет Сапфо женщиной в высшей степени страстной и благородной, опровергает «рассказываемые о ней небылицы» и предлагает вниманию читателей собственный прозаический перевод «Молитвы к Афродите»³³. Гречанок, изучающих философию, Ордынский оценивает как поразительное явление, отмечая при этом, что еще Пифагор высоко ценил женщин и пользу, которую они могут приносить обществу³⁴. Однако спартанок автор характеризует по преимуществу уничижительно, подчеркивая, что хотя среди них встречались «истинно благородные, высокие по душе женщины, каких не встречаем в других греческих землях», тем не менее законодательство Ликурга способствовало «искажению чувств супружеских и материнских» и уничтожению в гражданах Спарты женственности³⁵.

Следует отметить, что статья Ордынского во многом повторяла идеи романа Бартеlemi, но зачастую утрировала их, подводя читателей к выводу о крайне низком и бесправном, за немногими исключениями, положении древних гречанок и в особенности афинянок. Схожие идеи автор сформулировал также в статье о комедиях Аристофана, утверждая, во-первых, что «положение афинских женщин было уничижительнее, чем даже на Востоке»³⁶, а во-вторых, что нравы многих афинянок заслуживали презрения: их частыми пороками были пьянство,

склонность к обману и крайнее сладострастие³⁷. Выводы Ордынского заметно отличались от оценок в романе Беккера, который, не соглашаясь ни с мнением о полном бесправии гречанок, ни с точкой зрения о наличии эмансипации прекрасного пола в Древней Греции, указывал, что истина, как обычно, посередине³⁸.

Риском предположить, что именно бескомпромиссность выводов Ордынского стала причиной полемического характера вводных замечаний в первой статье Тихоновича о женщинах Древней Греции:

«...о древней гречанке написано мало... если же что и писано, то весьма поверхностно и ошибочно... под влиянием одностороннего и ложного взгляда, видевшего в древней женщине рабу, безмолвное орудие желаний и воли мужа»³⁹.

Не вполне соглашался Тихонович и с концепцией Беккера:

«...ученый этот слишком строго судил о гречанке, слишком доверял некоторым древним писателям, не хотел принять в расчет того влияния, которое женщина могла иметь и действительно имела на мужа и общество»⁴⁰.

Высоко оценивая примечания и экскурсы Беккера в романе о Харикле и называя их результатом кропотливого труда, Тихонович тем не менее подчеркивает, что оценить эти уникальные материалы, в которых собраны и систематизированы «сделанные вскользь, разбросанные у поэтов, ораторов, историков, прочих писателей» сведения и упоминания о гречанках⁴¹, смогут только специалисты, а не большинство читателей.

Критикуя комментарии Беккера за излишнюю ученость, но прекрасно понимая их научную ценность, Тихонович, по всей видимости, активно использовал тексты экскурсов и примечаний немецкого антиковеда-романиста при создании своей статьи, излагая их в сокращенном и упрощенном виде для читателей, не имеющих углубленных познаний в древнегреческом и латыни. Нельзя не заметить, что последовательность повествования об одежде, обуви, прическах и украшениях древних гречанок, о браке и свадебных обрядах древних греков у Тихоновича такая же, как в трех приложениях Беккера к одиннадцатой главе романа и экскурсии о греческих женщинах, дополняющем двенадцатую главу⁴²; очевидна и зависимость содержания текста. Основой адаптации стало, во-первых, отбрасывание ряда мелких деталей, а во-вторых, полный отказ от древнегреческого шрифта. Все изобилие терминов (более 40 из них выделены в статье Тихоновича курсивом) приведено в русской транскрипции и снабжено пояснениями⁴³.

Все выдержки из произведений древнегреческих писателей, в отличие от цитат из сочинений римских авторов, даны в переводе на русский язык.

Для большей доходчивости и поддержания читательского интереса Тихонович включил в свой рассказ сопоставление греческих обычаев с современными. В повествовании о нарядах гречанок читаем:

«Одежда у древних вообще не имела того разнообразия в покрое *как у нас*... не следовала так рабски моде»; «...греки и гречанки не умели одеваться так узко и сжато, *как мы*, но имели своей простой и незамысловатой одежде придать на теле изящную нарядность и щеголеватость... они умели так драпироваться в своих легких хитонах, *как мы не можем* в наших тяжелых шинелях и шубах»; «...древние зонтики были *совершенно схожи с нашими* – раскладывались и складывались (курсив наш. – Е. С.)»⁴⁴.

В рассказе о воспитании обнаруживаем:

«Женщина у греков не получала такого воспитания, *как понимают его теперь*... ее не отдавали в женскую школу или женский пансион, *каких у нас много*»; «...девушки-гречанки далеки были от того, чтобы усвоить себе те качества, *которыми отличается молодая женщина нашего времени*... потому что у них не было ни выездов в свет, ни балов, ни концертов, ни собраний»; «...греки не знали той утонченной вежливости и предупредительности в отношении женского пола, *которыми щеголяют наши времена*, зато строго соблюдали уважение к брачным отношениям (курсив наш. – Е. С.)»⁴⁵.

Несмотря на очевидную зависимость изложения первой статьи Тихоновича о гречанках от экскурсов Беккера, выводы второй его статьи, повествующей о взглядах на гречанку самих греков, а также о правах и значении женщин Древней Греции в семье и обществе, представляются в значительной степени самостоятельными. Основу концепции Тихоновича составляет мысль о том, что положение женщин в Древней Греции не было исключительно бесправным или близким к положению рабов и в действительности женщина «могла иметь и имела значительное влияние на мужчину и общество»⁴⁶. Тихонович указывает, что в сочинениях античных авторов сохранилось достаточно свидетельств об уважительном и почтительном отношении древних греков к женщинам. В особенности автор выделяет школу Пифагора, где «впервые в Греции уважение к женщине считалось неотъемлемой чертой высокой нравственности», и Спарту, где законодатель Ликург, понимавший, «какое сильное влияние может иметь женщина на душу человека» (sic!), уравнивал спартанок с мужчинами в занятиях спортом и образе жизни, лишенном изнеженности, и «возвысил спартанку в гражданском значении», хотя некоторые последствия этой свободы (например, манера одеваться, совершен-

но неприличная женскому полу) были, по мнению Тихоновича, губительны⁴⁷. Напротив, повторяющаяся в трагедиях Еврипида оценка женщин как «самых искуснейших изобретательниц всех зол», которые губят «счастье домов»⁴⁸, а также встречающийся у Аристотеля взгляд на женщину как существо, более мужчин склонное к зависти, досаде, злословию и способное обманываться и обманывать, Тихонович объявляет не господствующими, хотя и характерными для многих древних греков, в том числе образованных⁴⁹.

Нападки на женщин в древнегреческих комедиях автор объясняет спецификой жанра, для которого свойственны преувеличения. Признавая, что по сохранившимся до наших дней сведениям источников об Афинах можно заключить, что афинянки не имели никакой самостоятельности и всю жизнь свою воспринимались как несовершеннолетние, будучи «перед законом безответны, в обществе без значения, в доме – в совершенной подчиненности», автор тем не менее задается вопросом о том, насколько эта картина соответствовала действительности⁵⁰. Он полагает, что гречанки, наделенные от природы многими дарованиями, могли воздействовать на мужей в силу, во-первых, желания, врожденного для женского пола всех стран и времен, подчинить своему влиянию мужчине; во-вторых, пользуясь способностью греков ценить красоту и «тысячами случаев» присвоить себе власть и влияние, исполняя роли распорядительницы, хозяйки, утешительницы в домашней жизни⁵¹. В подтверждение своей точки зрения Тихонович приводит целый ряд красноречивых примеров из древнегреческих комедий, романов и исторических трудов, показывающих влияние отдельных гречанок в семье и даже политической жизни, и подчеркивает, что законы, свидетельствующие, казалось бы, о замкнутом образе жизни женщин, играли скорее роль рекомендаций, нежели строгих норм, соблюдались не всеми и не всегда и имели ряд исключений, позволяя женщинам участвовать в многочисленных празднествах и не препятствуя посещению театра наряду с мужчинами⁵². Все это приводит автора к следующему заключению:

«...сравнительно с состоянием новейшей женщины положение гречанки было во многом хуже, стеснительнее, но было далеко от того, чтобы обратить женщину в покорную и безмолвную рабыню, послушное орудие привычек и капризов мужа»; «...на самом деле гречанки были гораздо свободнее и пользовались гораздо большим правом, чем по теории»⁵³.

Таким образом, Тихонович выступает категорически против выводов Ордынского (ни разу

при этом не упоминая его имени) о более принятом в древних греках положении женщин на Востоке, и допускает гораздо большую свободу женщин в Афинах, нежели Беккер. Вместе с тем автор не склонен соглашаться и с выводами немецкого антиковеда Карла Отфрида Мюллера⁵⁴ о том, что сохранившиеся у античных авторов сведения об обычаях греков-ионийцев отражают заимствования у варварских восточных народов, а принужденное состояние афинянок «есть нарос, привившийся в Греции через общение с азиатскими народами», в то время как установления дорийцев, а значит, и спартанцев, относительно женщин «являются чисто греческими, европейскими и свойственными западным народам»⁵⁵. Упоминание Тихоновичем сочинения Мюллера весьма примечательно: наука об античности преподносилась любознательному читателю как развивающаяся область знания, полная полемики, а сама греко-римская древность – как эпоха далекая, но увлекательная, открытая к диалогу с Новым временем, посвятившая и женский вопрос, и вопрос о соотношении Запада и Востока.

В целом тематика статей Тихоновича о древних гречанках гораздо шире, нежели предмет повествования Ордынского: это, во-первых, жилище, одежда, наряды, прически и украшения гречанок; во-вторых, обычаи, связанные с заключением брака, и свадебные обряды; в-третьих, взгляды самих греков на женщину, «воспитание ее, отношение к семейству и обществу, значение и права ее» в сопоставлении с действительным положением гречанок в статусе дочерей, жен, матерей, хозяек в доме и участниц общественной жизни. Нельзя исключать, что удивительно быстрая публикация серии статей Тихоновича в «Библиотеке для чтения» нарушила планы Ордынского. Заявив о своих намерениях «в следующих номерах... представить еще несколько статей в том же роде: о костюме Грека, т. е. одежде, обуви, волосах, об обедах, о доме и проч.»⁵⁶, Ордынский так и не реализовал свой замысел, а вернулся к написанию статей об Аристофане⁵⁷. Вместе с тем примечательна и некоторая схожесть подходов Тихоновича и Ордынского к отбору материалов для статей о женщинах Древней Греции: она обнаруживается во внимании авторов к положению гречанок в семье и обществе, но практически полном игнорировании, в отличие от Бартеlemi и Беккера, вопроса о гетерах.

Дискуссия о положении женщин в Древней Греции, начатая Ордынским и Тихоновичем на страницах «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения», равно как и замалчива-

ние отдельных аспектов темы, вполне очевидное для знатоков греко-римской древности, оказались благодатной почвой для развития интереса к древнегреческому варианту «женского вопроса» в русской периодике XIX века. Если ближайшей предшественницей статей 1850 года о древних гречанках была публикация 1833 года в журнале «Телескоп», то с 1851 по 1861 год были опубликованы пять статей, и в обсуждение темы оказались вовлечены авторы и читатели журналов «Пантеон», «Иллюстрация», «Русский инвалид», «Московский вестник» и «Рассвет»⁵⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что публикации о древних гречанках в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» представляют интерес в нескольких отношениях. Прежде всего в них ярко отразилось представление о том, что античность — самостоятельная историческая эпоха, а антиковедение — специализированная область деятельности, требующая как углубленной подготовки, основанной на знании классических языков, так и умения использовать тексты античных авторов в сопоставлении с вещественными памятниками для воссоздания истории греко-римского мира. По преимуществу журнальные публикации о женщинах Древней Греции были ориентированы на массовую читательскую публику с целью ее просвещения. Вместе с тем под внешним слоем адаптированного и упрощенного повествования обнаруживается и обращение авторов к профессиональным антиковедам: в переводах малоизвестных текстов древнегреческих писателей и в размышлениях относительно методов использования текстов античных авторов в качестве исторических источников и тех выводов, к которым они могут привести.

Примечательным в статьях 1850 года о древних гречанках нам представляется обращение авторов к вопросу, не утратившему актуальности и в новейшее время, — о значении жанра исторического романа как способа познакомить массового читателя с ушедшими в прошлое историческими эпохами, не принося в жертву историческую достоверность. «Археологический» роман-путешествие Бартеlemi и в особенности «профессорский» роман Беккера о повседневной жизни в Древней Греции были признаны не слишком удовлетворительными для решения просветительских задач: первый не вполне отражал уровень научных знаний об Элладе и идеализировал древних греков, второй оставлял желать лучшего с точки зрения литературных достоинств текста и излишней сложности примечаний к нему. В качестве альтернативы Ордынский и Тихонович представили на суд читателя облегченные научно-популярные повествования, основанные на исторических источниках, но не требующие углубленной подготовки в области классической филологии, однако вопрос о степени удачности их попыток остался открытым⁵⁹.

В трактовках вопроса о положении женщин в Древней Греции, ответы на который у Ордынского в «Отечественных записках» и Тихоновича в «Библиотеке для чтения» разительно отличаются, нашли отражение не только научные дискуссии увлеченных филологов-классиков, но и многолетнее соперничество двух популярных у российского читателя журналов. Наличие полемики, несомненно, актуализировало античность, вовлекая в обсуждение «женского вопроса» в Древней Греции знатоков классической древности и расширяя представления о древнегреческой повседневности у широкой читательской публики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины. Б. И. Ордынского // Отечественные записки. 1850. Т. 68. № 1. Отд. 2. С. 31–48.

² Петров А. Ордынский, Борис Иванович // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 12. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1905. С. 305.

³ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая. П. Тихоновича // Библиотека для чтения. 1850. Т. 103. Отд. 3. С. 65–100; [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья вторая // Там же. С. 127–160; [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья третья и последняя // Библиотека для чтения. 1850. Т. 104. Отд. 3. С. 177–199.

⁴ [Б. а.] Тиханович, Поликарп Васильевич // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 20. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. С. 571–572.

⁵ Предшествующие отечественные журнальные публикации о древнегреческих женщинах были представлены либо переводами статей из европейских журналов, либо собраниями фрагментов из сочинений древнегреческих писателей по отдельным узким сюжетам «женской темы». См.: Прозоров П. И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 год на русском и иностранном языках: С прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1898. С. 206.

⁶ Варнеке Б. В. Женский вопрос на афинской сцене: Речь, составленная для годовичного акта Императорского Казанского университета 5 ноября 1905 года. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1905. С. 1.

- ⁷ [Сенковский О. И.] То же <Новые стихотворения В. А. Жуковского. Санкт-Петербург, 1849. Два тома.>. Статья вторая. О. И. Сенковского // Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Отд. 5. С. 59.
- ⁸ Подробнее см.: [2: 325–326], [4: 522–523]
- ⁹ [Б. а.] Опыт истории театра у древних народов. С рисунками и планом театра. М. К. В тип. Готье. Москва, 1849. В 8 д. л. III и 596 с. // Отечественные записки. 1849. Т. 65. № 7. Отд. VI. С. 13–18; [Майков А.] Опыт истории театра у древних народов. С рисунками и планом театра. Сочинение М. К. Москва, 1849 // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97. Отд. 5. С. 1–32.
- ¹⁰ Новые стихотворения В. Жуковского. Два тома: «Одиссея» I–XII песни // Отечественные записки. 1849. Т. 65. № 8. Отд. 5. С. 1–36; [Сенковский О. И.] Новые стихотворения В. А. Жуковского. Санкт-Петербург, 1849. Два тома. Статья первая // Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Отд. 5. С. 1–56; [Сенковский О. И.] То же. Статья вторая. О. И. Сенковского // Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Отд. 5. С. 57–138.
- ¹¹ [Достоевский Ф. М.] Нечотка Незванова. Роман Ф. М. Достоевского. Часть первая // Отечественные записки. 1849. Т. 62. № 1. Отд. 1. С. 1–52; [Достоевский Ф. М.] Нечотка Незванова. Роман Ф. М. Достоевского. Часть вторая // Отечественные записки. 1849. Т. 62. № 2. Отд. 1. С. 307–352; [Достоевский Ф. М.] Нечотка Незванова. Роман. Часть III // Отечественные записки. 1849. Т. 64. № 5. Отд. 1. С. 81–130.
- ¹² [Бронте Ш.] Дженни Эйр. Роман. Часть I // Отечественные записки. 1849. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 175–250; [Бронте Ш.] Дженни Эйр. Роман. Часть вторая // Отечественные записки. Т. 65. № 7. Отд. 1. С. 67–158; [Бронте Ш.] Дженни Эйр. Роман. Часть третья // Отечественные записки. 1849. Т. 65. № 8. Отд. 1. С. 179–262; [Бронте Ш.] Дженни Эйр. Роман. Часть четвертая // Отечественные записки. 1849. Т. 66. № 9. Отд. 1. С. 65–132; [Бронте Ш.] Дженни Эйр. Роман. Часть пятая и последняя // Отечественные записки. 1849. Т. 66. № 10. Отд. 1. С. 193–330.
- ¹³ Литературные новости в Англии: Дженни Ир: автобиография // Библиотека для чтения. 1849. Т. 94. Отд. 7. С. 151–172.
- ¹⁴ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины... С. 32; [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая... С. 66.
- ¹⁵ [Ордынский Б. И.] Аристофан. Б. Ордынского // Отечественные записки. 1849. Т. 62. № 1. Отд. 2. С. 1–2.
- ¹⁶ [Б. а.] Опыт истории театра ... С. 13; [Сенковский О. И.] Новые стихотворения... С. 1.
- ¹⁷ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины... С. 31.
- ¹⁸ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая... С. 65.
- ¹⁹ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины... С. 35.
- ²⁰ Бартеlemi указывает во вступлении к роману, что начал работу над текстом в 1757 году и «с того времени не переставал над ним трудиться»: [Бартеlemi Ж.-Ж.] Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до рождества Христова. Переведено с французского П. Страховым. Т. 1. М.: В Университетской типографии, 1803. С. IV.
- ²¹ Приведем отзыв Н. М. Карамзина: «Если спросим у знающего литератора: какая книга есть славнейшая из всех, вышедших в последнюю четверть осьмагонадесять века, то он конечно назовет Путешествие Анахарсиса. Бартеlemi оживил для нас Грецию со всеми ее великими мужами и происшествиями, со всеми памятниками геройства, ума, философии, искусства и талантов; со всеми законами, обычаями и нравами, столь любопытными. Читая книгу его, мы видим и слушаем греков; пространство времен исчезает, и глубокая древность является нам в блеске и в свежести настоящего»: [Карамзин Н. М.] О русском переводе Анахарсиса // Вестник Европы. 1803. Ч. 10, № 13. С. 57; Подробнее см.: [3: 110], [10: 18–19].
- ²² [Бартеlemi Ж.-Ж.] Путешествие... Т. 1. С. 414.
- ²³ [Бартеlemi Ж.-Ж.] Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Рождества Христова. Переведено с французского П. Страховым. Т. 2. М.: В Университетской типографии, 1803. С. 71–73.
- ²⁴ Там же. С. 370–379.
- ²⁵ Becker W. A. Charikles. Bilder altgriechischer Sitte. Zur genauer Kenntniss der griechischen Privarlebens. Bd. 1–3. Leipzig, F. Fleischer, 1840.
- ²⁶ Приведем для примера заглавия некоторых из 17 экскурсов: Образование; Гетеры; Греческий дом; Книготорговля и библиотеки; Рынки и торговля; Гимназии; Еда; Симпозиумы; Игры; Похороны; Одежда; Обувь; Прически; Женщины.
- ²⁷ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая... С. 66.
- ²⁸ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины... С. 33.
- ²⁹ [Ольхин П. М.] Семейная жизнь римлян при Августе и греков при Перикле. Статья третья // Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. 3. С. 127–148; [Ольхин П. М.] Семейная жизнь римлян при Августе и греков при Перикле. Статья четвертая // Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. 3. С. 1–40; [Ольхин П. М.] Семейная жизнь римлян при Августе и греков при Перикле. Статья пятая и последняя // Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. 3. С. 45–65.
- ³⁰ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины... С. 33.
- ³¹ Там же. С. 34–36, 38.
- ³² Там же. С. 41.
- ³³ Там же. С. 44–45.
- ³⁴ Там же. С. 46.
- ³⁵ Там же. С. 46–48.
- ³⁶ [Ордынский Б. И.] Аристофан. С. 4.
- ³⁷ Там же. С. 38.
- ³⁸ Becker W. A. Charikles... Bd. 3. S. 308–309.
- ³⁹ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая. С. 65.

- ⁴⁰ Там же. С. 66.
- ⁴¹ Там же. С. 67.
- ⁴² Becker W. A. Charikles... Bd. 3. S. 137–249, 250–328.
- ⁴³ Так, рассказывая об одежде гречанок, Тихонович указывает: «Нередко носили хитон без пояса и в таком случае называли его *орфостадиос*, подпоясанный же хитон известен был под именем *сиртос*. Иногда хитон обшивали снизу фалбарою, и тогда он назывался *столидо'тос*. Пояс, которым подпоясывались женщины, назывался собственно *зонион* или *строфион*»: [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая. С. 71. Повествуя об обычаях, связанных с выбором невесты, автор приводит пословицу: «...бери по себе (*тен ката саутон гела*), которая часто встречается у Платона и особенно заметна из многих мест у комиков»: Там же. С. 89.
- ⁴⁴ Там же. С. 69, 86.
- ⁴⁵ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья вторая. С. 136, 137–138, 154.
- ⁴⁶ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья первая. С. 66.
- ⁴⁷ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья вторая. С. 131, 132.
- ⁴⁸ Там же. С. 134–135.
- ⁴⁹ Там же. С. 127–128, 136.
- ⁵⁰ Там же. С. 144.
- ⁵¹ Там же. С. 144–145.
- ⁵² Там же. С. 147–151.
- ⁵³ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья третья... С. 186, 191.
- ⁵⁴ Müller K. O. Geschichten hellenischer Stämme und Städte. Bd. 1–2. Breslau, 1820–1824.
- ⁵⁵ [Тихонович П. В.] Древние гречанки. Статья третья... С. 192.
- ⁵⁶ [Ордынский Б. И.] Греческие женщины... С. 33.
- ⁵⁷ [Ордынский Б. И.] Аристофан. Статья II // Отечественные записки. 1850. Т. 70. Отд. 2. С. 123–160.
- ⁵⁸ См. Прозоров П. И. Систематический указатель... С. 206.
- ⁵⁹ Так, в начале XX века Н. А. Рубакин утверждал: «Исторический роман как пособие при ознакомлении читателя с культурной историей положительно незаменим»: Рубакин Н. А. Исторические романы и преподавание истории // Мезьер А. В. Указатель исторических романов оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. С. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амальрик А. С., Монгайт А. Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1966. 279 с.
- Гинзбург Л. Я. «Библиотека для чтения» в 1830-х годах. О. И. Сенковский // Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. С. 324–341.
- Гуминский В. М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 74–145.
- Дементьев А. Г. Отечественные записки 1840-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. С. 521–551.
- Золина Е. Н. Исторический роман и его гуманитарно-образовательный потенциал (на материале немецкой исторической беллетристики второй половины XIX века) // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2006. Вып. 1. С. 1–5.
- Золина Е. Н. Немецкая художественно-историческая проза второй половины XIX века и российский читатель // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 87–99.
- Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Российск. гос. гум. ун-т, 2000. 240 с.
- Костин А. А. О проекте А. А. Нартова по переводу классических авторов в Российской академии // Чтения отдела русской литературы XVIII века. 2009. № 5. С. 107–131.
- Любжина И. И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 221 с.
- Немировский А. И. Нить Ариадны. В лабиринтах археологии. М.: Вече, 2007. 432 с.
- Смирнова Е. Л. Греко-римская древность на страницах журнала «Библиотека для чтения» в 1834–1840 гг. // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2023. Т. 17, № 2. С. 1161–1195.
- Трахтенберг Л. А. Антропология иного: проблема личности в журнале Н. П. Осипова «Что-нибудь от безделья на досуге» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 2. С. 137–148.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 452 с.
- Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 544 с.
- Fraisse G., Perrot M. Orders and liberties (A. Goldhammer, Trans.) // A history of women in the West: In 5 volumes. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1992. Vol. 4. P. 1–7.

Поступила в редакцию 09.09.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Ekaterina L. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0579-8774; esmirnova@petrsu.ru

ARTICLES ABOUT ANCIENT GREEK WOMEN IN RUSSIAN JOURNALS OF THE MID-NINETEENTH CENTURY

Abstract. Interest in the issue of the status of women in ancient Greece became a noticeable phenomenon in Russian journals of the mid-nineteenth century, starting with publications in 1850 in the journals *Domestic Notes* and *The Library for Reading*. The study of the characteristic features of the image of ancient Greek women in the articles by P. V. Tikhonovich and B. I. Ordynsky aims to clarify and supplement the ideas about the interpretations of the history and culture of ancient Greece in two popular Russian journals that had a noticeable impact on readers and the content of discussions about antiquity in Russian periodicals. The analysis of the publications about ancient Greek women leads to the conclusion that ancient texts were used by the authors as historical sources for reconstructing the way of life and customs of the distant past and a subject of study for a narrow circle of specialists, rather than as beautiful masterpieces of literature and must-reads to any educated person. Two approaches are found in the authors' attitudes to the audience. Translations of little-known fragments from the writings of ancient Greek writers and reflections on the incompleteness and inconsistency of the source base for reconstructing a reliable picture of the life of ancient Greek women are addressed to a few experts, while a simplified and reductive narrative about the situation of women in ancient Greece is addressed to the mass reader. The authors contrapose their narratives about Greek women to the archaeological novel by J. J. Barthelémy and, in particular, the "professorial" novel by W. A. Becker deeming them unsuitable for solving educational tasks. The former did not fully reflect the level of scientific knowledge about Hellas and idealized the ancient Greeks, while the latter was replete with scientific comments incomprehensible to the majority of readers. Based on a similar set of classical texts, Ordynsky and Tikhonovich presented readers with strikingly different answers to the question of the status of women in ancient Greece. The presence of a discussion undoubtedly gave relevance to antiquity, involving new journals with their authors and readers into debate.

Keywords: antiquity, reception, ancient Greece, woman question, *The Library for Reading* journal, *Domestic Notes* journal, B. I. Ordynsky, P. V. Tikhonovich

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF) as part of the project No 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Smirnova, E. L. Articles about ancient Greek women in Russian journals of the mid-nineteenth century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):19–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1177

REFERENCES

1. Amalrik, A. S., Mongayt, A. L. In search of lost civilizations. Moscow, 1966. 279 p. (In Russ.)
2. Ginzburg, L. Ya. Library for Reading journal in the 1830s. O. I. Senkovsky. *Essays on the history of Russian journalism and criticism: In 2 vols.* Vol. 1. Leningrad, 1950. P. 362–341. (In Russ.)
3. Guminskiy, V. M. "Letters of a Russian Traveler" in the context of Russian travel literature. *The Journal of Literary History and Theory*. 2017;40:74–145. (In Russ.)
4. Dementyev, A. G. *Domestic Notes* journal in the 1840s. Essays on the history of Russian journalism and criticism: In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, 1950. P. 521–551. (In Russ.)
5. Zolina, E. N. Historical novel and its humanitarian and educational potential (based on German historical fiction of the latter half of XIX). *Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University*. 2006;1:1–5. (In Russ.)
6. Zolina, E. N. German belle-lettres historical prose of the second part of the XIX century and the Russian reader. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2005;11:87–99. (In Russ.)
7. Knabe, G. S. Russian antiquity. The content, role and fate of the ancient heritage in the culture of Russia. Moscow, 2000. 240 p. (In Russ.)
8. Kostin, A. A. About A. A. Nartov's project on translating classical authors at the Russian Academy. *Readings at the Department for the Studies of the 18th Century Russian Literature*. 2009;5:107–131. (In Russ.)
9. Lyubzhin, A. I. Roman literature in Russia from the XVIII to early XX centuries. Moscow, 2007. 221 p. (In Russ.)
10. Nemirovsky, A. I. Ariadne's thread. In the labyrinths of archeology. Moscow, 2007. 432 p. (In Russ.)
11. Smirnova, E. L. Greco-Roman antiquity in *The Library for Reading* Journal of 1834–1840. *Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2023;17(2):1161–1195. (In Russ.)
12. Trakhtenberg, L. A. Anthropology of the other: the problem of personality in N. P. Osipov's journal "Chto-nibud' ot bezdel'ia na dosuge". *Lomonosov Philology Journal*. 2014;2:137–148. (In Russ.)
13. Tunkina, I. V. Russian science of the classical antiquities of the South of Russia (XVIII – mid-XIX centuries). St. Petersburg, 2002. 676 p. (In Russ.)
14. Uspenskaya, A. V. Antiquity in Russian Poetry of the Second Half of the 19th Century: Diss. Dr. Sc. (Philology). St. Petersburg, 2005. 452 p. (In Russ.)
15. Frolov, E. D. Russian science of antiquity: Historiographical essays. St. Petersburg, 1999. 544 p. (In Russ.)
16. Fraisse, G., Perrot, M. Orders and liberties. (A. Goldhammer, Trans.). *A history of women in the West: In 5 volumes*. Cambridge, 1992. Vol. 4. P. 1–7.

Received: 9 September 2024; accepted: 3 March 2025

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕРНОНОЖКИН

аспирант кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

(Омск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0009-7624-8196; cernonozkinaleksandr@mail.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ВАРИАНТОВ ПЕРИОДИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Представлен анализ результатов исследований, посвященных вариантам периодизации Гражданской войны в России, которые осуществлялись отечественными историками на протяжении 1990-х – начала 2020-х годов. Рассматриваются дискуссионные проблемы периодизации Гражданской войны, причины различий и расхождений в интерпретации ее хронологии, политический и эпистемологический исследовательские подходы, повлиявшие на создание периодизаций в 1990-е – середине 2000-х годов и во второй половине 2000-х – начале 2020-х годов. С этой целью привлекаются историографические труды отечественных историков, изданные за последние тридцать лет в рамках исследуемой проблематики. Анализируя имеющиеся подходы в отечественной историографии, автор подчеркивает, что историография периодизации Гражданской войны к началу 2020-х годов выделилась в самостоятельное направление исследований, о чем свидетельствует наличие работ, специально посвященных ее содержанию. Проведенное исследование имеет практическое значение с точки зрения изучения того, каким образом менялся функционал знаний о Гражданской войне в современной отечественной историографии.

Ключевые слова: революционный процесс, периодизация, современная отечественная историография, этапы Гражданской войны

Для цитирования: Черноножкин А. В. К изучению вариантов периодизации Гражданской войны в современной отечественной историографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 29–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1178

ВВЕДЕНИЕ

В 1990-е годы вслед за распадом СССР наступает качественно отличный от предыдущих этап изучения Гражданской войны в России. С самого начала он характеризовался существенным разнообразием подходов и концепций. Утверждение в отечественной историографии методологического плюрализма привело к формированию нового видения феномена Гражданской войны. Наряду с усложнением и расширением проблематики научных исследований происходила переоценка роли и значения тех или иных событий и процессов, знаменовавших собой рубежи, важные вехи в истории войны. В результате отечественная историография пополнилась целым рядом оригинальных вариантов периодизации Гражданской войны в России, которые, однако, продолжали и продолжают сосуществовать с прежними подходами к определению ее хронологических рамок. Получила свое развитие

и традиционная для советской исторической науки историография, относящаяся к исследованию самого процесса изучения феномена Гражданской войны, включая проблему ее периодизации, которая, безусловно, учитывала как имеющиеся наработки историков по данной проблеме, нашедшие распространение в советской историографической традиции, так и новаторские, связанные с расширением проблематики научных исследований. В это же время в отечественной историографии началось активное внедрение исследований Гражданской войны историками-эмигрантами. В результате к настоящему времени сформировался целый комплекс соответствующих трудов, который, в свою очередь, требует анализа и оценки.

Целью нашего исследования является подведение итогов историографического изучения вариантов периодизации Гражданской войны,

получившей отражение в отечественной исторической литературе 1990-х – начала 2020-х годов.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1990-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2000-х ГОДОВ

Знаковым событием для сообщества ученых – специалистов в области истории Гражданской войны стало проведение весной 1992 года двух заседаний круглого стола по теме «Гражданская война в России». В ходе данного научного мероприятия обсуждались важнейшие вопросы историографии этого направления исторических исследований, в том числе и проблема периодизации [8]. Круглый стол был организован по инициативе ученого совета ИРИ РАН, на одном из заседаний которого был представлен доклад члена-корреспондента РАН Ю. А. Полякова по актуальным вопросам изучения войны, где главной проблемой стала ее периодизация [15]. В процессе работы круглого стола ряд исследователей выразили свое несогласие с предложенной периодизацией (февраль 1917 года – 1922 год), опираясь на определенное понимание того, что же Гражданская война собой представляла. Относительно наблюдений над процессом выдвижения и обоснования ее периодизации некоторые ученые высказали ряд принципиальных суждений, свидетельствовавших о наличии серьезных проблем в этом вопросе.

В опубликованной в 1994 году статье «Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления» наряду с обоснованием собственных взглядов на ряд дискуссионных вопросов Ю. И. Игрицкий обнародовал и результаты своих размышлений по поводу особенностей сложившейся на тот момент историографической ситуации. В частности, он попытался вскрыть причину активизации обсуждений проблемы установления точки отсчета в истории войны [10: 63].

Обозначив наличие в исторической литературе нескольких вариантов датировки периода Гражданской войны (прежде всего времени ее начала), А. И. Ушаков и В. П. Федюк в статье «Гражданская война. Новое прочтение старых проблем» [17: 206] солидаризировались с мнением Ю. И. Игрицкого об актуализации вопроса о точке отсчета в войне.

В связи с обостренным интересом ученых к истории «белой России», характерным для 1990-х годов, появляются и историографические исследования, подводящие итог результатам, полученным на начальном этапе постсо-

ветской эпохи. В монографии Г. А. Бордюгова, А. И. Ушакова и В. Ю. Чуракова «Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки» авторы коротко остановились на изучении вопроса о периодизации Белого движения в России. Но самое важное, что они обозначили проблему отсутствия в современной отечественной историографии четкого представления о том, как согласуются существующие периодизации «Белого дела» и Гражданской войны [1].

Небольшой объем проанализированного материала, относящегося к проблеме периодизации, в указанной выше монографии вовсе не означал недостаточного внимания ее авторов к данной проблеме. Последние сюжеты нашли довольно основательное освещение в монографии В. Д. Зиминой [9]. Фиксируя наличие серьезных расхождений в датировке этапов Белого движения, а также деятельности сил контрреволюции в научных исследованиях и мемуаристике русской эмиграции, автор пришел к важному заключению о том, что вооруженное противостояние началось в октябре 1917 года, когда сформировалось антибольшевистское движение в противовес советской власти. Гражданская война рассматривалась как закономерный итог Октябрьской революции. В целом осуществленный В. Д. Зиминой анализ эмигрантской историографии показывал, что периодизация Гражданской войны в России во многих случаях отождествлялась с периодизацией истории Белого движения или контрреволюции.

В 2000 году вышла монография В. И. Голдина «Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы)» [7]. Наряду с анализом масштабного комплекса историографических проблем, включая исследовательские дискуссии, методологические и концептуальные новации, автор остановился и на вопросах периодизации Гражданской войны. Он описал особенности вариантов соответствующих периодизаций, связывая наличие тех или иных различий в датировке с представлениями историков о содержании понятия «гражданская война», конкретными авторскими концепциями и влиянием либо неприятием предшествующей историографической традиции. Таким образом, в монографии В. И. Голдина объектом внимания стала давняя и достаточно устойчивая периодизация, согласно которой начало Гражданской войны относят к весне – началу лета 1918 года (когда решение коренных вопросов жизни России связывалось с тотальным доминированием военных практик). Окончание войны в данной периодизации датируется ноя-

брем – декабрем 1920 года – временем занятия Крыма Красной армией и ликвидации масштабного фронта вооруженной борьбы в Европейской России. Наконец, В. И. Голдин обратился к периодизации Ю. А. Полякова, где начальной датой войны считается Февральский революционный взрыв, а ее завершением – 1922 год (время затухания военных действий на территории России). Общая периодизация Ю. А. Полякова включает деление ее на шесть этапов, отличающихся собственной спецификой.

Описав наиболее знаковые для российской историографии 1990-х годов варианты периодизации Гражданской войны, В. И. Голдин указал на наличие принципиально отличных вариантов, бытовавших тогда в зарубежной историографии (например, связанных с признанием нескольких гражданских войн в рамках общего потока вооруженного социального противостояния) [7: 67]. Заметим, что в последующие годы в отечественных исследованиях результаты зарубежных научных изысканий нередко учитывались при анализе вопросов периодизации Гражданской войны.

В результате к середине 2000-х годов в отечественной историографии наметился ряд тенденций, направленных на переосмысление хронологических рамок Гражданской войны. Значительная часть трудов носила монографический характер. Их авторы охарактеризовали исторический контекст появления новых вариантов периодизации, выявили наиболее оригинальные подходы к их разработке, во многом обусловленные методологическим и концептуальным плюрализмом. Кроме того, анализу подверглось и само понятие «Гражданская война», называемая историками «гражданским противостоянием». Однако недостатком российской историографии являлась «политизация» Гражданской войны. Это было связано как с политическим кризисом советской государственности, так и с исследованием антибольшевистского движения, с которым историки связывали и периодизацию Гражданской войны, пытаясь в значительной мере уйти от «традиционных» временных рамок военных действий. Вместе с тем они активно внедряли в отечественные историографические исследования наработки, принятые в эмигрантской среде, что существенно влияло на функционал знаний о ней. В этот период произошел окончательный переход от представления военных действий в контексте «героического прошлого трудового народа», отраженного в более ранних, советских исследованиях, к мифу о «трагедии» русского народа, который подкреплялся событиями

1993 года и последующим кризисом российской государственности.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ СЕРЕДИНЫ 2000-х – НАЧАЛА 2020-х ГОДОВ

Во второй половине 2000-х годов изучение истории исследований Гражданской войны в России, включая проблему разработки ее периодизации, продолжилось и нашло отражение в публикациях преимущественно статейного формата. На первых порах особого продвижения на данном направлении не наблюдалось. Историографические тексты, где затрагивались вопросы периодизации Гражданской войны, характеризовались минимумом аналитики, их авторы ограничивались лишь констатацией общей неясности и разногласия в исследовательских подходах; иногда в них в той или иной форме воспроизводились некоторые результаты историографических изысканий предшествующего периода, исследовавших в том числе разнообразные политические аспекты Гражданской войны. Но со временем в исторических исследованиях стал прослеживаться эпистемологический подход, характеризующийся более глубоким и всесторонним научным осмыслением проблемных вопросов Гражданской войны, в том числе и проблемы определения ее периодизации. Так, спустя 12 лет после выхода в свет упомянутой выше монографии В. И. Голдина была опубликована его новая книга «Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы» [5]. В ней серьезно расширена проблематика рассматриваемых историографических сюжетов, подчеркнут рост числа новых методологических подходов и результаты этого процесса; масштабное отображение получили многочисленные дискуссионные вопросы. Что касается периодизации Гражданской войны, то значительное внимание автор уделил вариантам датировки начала войны в связи с изучением ее истоков и предпосылок. Как и при анализе других историографических аспектов темы, В. И. Голдин сопроводил полученные выводы изложением собственной исследовательской позиции. Вместе с тем автор признал наличие и использование в исследовательской практике наиболее распространенных и устойчивых вариантов датировок общей хронологии Гражданской войны, что, по его мнению, сегодня означает «суждение о Гражданской войне в России в узком и широком смысле» [5: 169].

В серии историографических статей конца 2010-х – начала 2020-х годов В. И. Голдин фактически повторил рассмотренные выше выводы

относительно состояния разработки проблемы периодизации Гражданской войны в России¹. Стоит отметить, что автор в своих трудах проанализировал множество подходов относительно определения временных рамок гражданского противостояния как в общероссийском, так и в региональном аспекте военных действий. В качестве важного фактора современных исследований он отметил усиливающийся интерес историков к концепции множественности гражданских войн на постимперском пространстве. Более того, В. И. Голдин показал, как эта концепция работает применительно к периодизации событий и процессов на территории отдельных регионов страны. К примеру, он выделил несколько типов гражданских войн, имевших свои хронологические рамки на Русском Севере: между англо-американскими войсками и Красной армией в 1918–1919 годах, между «красными» и «белыми» вооруженными силами при поддержке последних из-за рубежа в 1918–1920 годах, между финскими отрядами «добровольцев» в Карелии и на Мурмане и «красными» финнами в марте – июне 1918 года, между подразделениями Красной армии и карельскими сепаратистами в 1918–1920 годах, между войсками стран Антанты и карельскими сепаратистами в 1918 – сентябре 1919 года, между карельскими сепаратистами (при поддержке Финляндии) и русскими белогвардейцами в 1919 – феврале 1920 года, партизанские и повстанческие движения [6: 27]. Тем самым В. И. Голдин еще и актуализировал вопрос о возможности создания локальных периодизаций, необязательно совпадающих с общероссийской, определяя «традиционный» характер периодизации Гражданской войны в ее локальном измерении. Проблема заключалась в том, что в данной концепции понятия «Гражданская война» и «интервенция» смешивались, обозначая одно явление в истории России. Однако по характеру военных действий их следует относить к разным событиям, которые, безусловно, «протекали» друг из друга и были взаимосвязаны, но не могли считаться одним явлением.

100-летие Гражданской войны в России ознаменовалось ростом общественного интереса к ее истории и активизацией научных исследований, включая историографические изыскания. В работах историографов, как и ранее, предпринимались попытки выделить наиболее продуктивные основания для построения периодизации войны. Так, согласно точке зрения В. Ж. Цветкова, Гражданская война являлась противостоянием двух государственных систем и брала свое начало с момента свержения Временного правитель-

ства в октябре 1917 года [18: 5]. Несмотря на это, точной даты ее окончания автор не указал.

Е. Ю. Прокофьева в качестве критериев датировки называет своего рода «переломные моменты», характеризовавшиеся резкими изменениями в соотношении политических сил, причем точкой отсчета «стал насильственный захват государственной власти большевиками 25–26 октября 1917 года, давший толчок к формированию белого движения» [16: 19].

Ю. А. Петров поддерживает существующий в историографии подход, согласно которому 1917–1922 годы составляли период Великой российской революции, а Гражданская война наряду с Февральской и Октябрьской революциями являлась одним из ее этапов [14: 19]. Схожей точки зрения придерживается и С. В. Леонов, который фактически объединяет обе близкие по смыслу исследовательские позиции [13: 29].

Р. Г. Гагкуев, отметив, что указанный выше подход относительно соотношения революции 1917 года и Гражданской войны в последние годы стал набирать силу, подчеркнул, что влияние 1917 года на последующие события Гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга. По мнению автора, события февраля 1917–1922 годов относятся к вооруженному противостоянию, а сам подход заслуживает право на существование [3: 41].

Ряд исследователей скептически относятся к возможности достичь согласия в определении ключевых дат хронологии Гражданской войны в России. «Когда началась Гражданская война в России? На этот вопрос до сих пор нет (и не может быть) однозначного ответа», – пишет М. В. Брянцев [2: 10]. Подобной точки зрения придерживается Б. И. Колоницкий, который указывает на многоаспектность проблемы периодизации Гражданской войны и на дискуссии, которые ведутся относительно данного вопроса [12: 5]. Действительно, разброс мнений отечественных авторов по поводу периодизации Гражданской войны сегодня достаточно велик. Эта ситуация была даже зафиксирована в специальном опросе, проведенном среди ведущих специалистов [12].

Было бы неверно, однако, ограничить итоги второго этапа постсоветской историографии периодизаций Гражданской войны в России только освещением конкретных, по большей части спорных выводов как относительно отдельных вариантов периодизации, так и существования историографического контекста их появления. Кропотливая работа над соответствующими источниками привела к формированию более

или менее целостной картины разработки периодизации Гражданской войны (прежде всего последних тридцати с лишним лет), основанной на глубоком анализе развития проблематики, методологических и концептуальных составляющих конкретно-исторических исследовательских практик. Все это, несомненно, способствовало продвижению в освоении учеными крайне актуального и особо значимого для отечественной науки направления – истории Гражданской войны в России. В частности, усилия, предпринятые историками и историографами, позволили создать приемлемую для большинства исследователей концептуальную схему периодизации. В основу данного подхода были положены представления о возможности использовать понятия «малая» и «большая» гражданские войны, соответственно расширяя хронологические рамки от конца весны 1918 – конца осени 1920 года до октября 1917 – октября 1922 года. Таким образом, историки обозначили два варианта определения времени ее начала и окончания, применив в исследовании «традиционный» и «интегрирующий» подходы анализа военных действий.

По свидетельству В. И. Голдина, дополнение общей схемы периодизации признанием правомерности взгляда на начало войны как на последовательность фаз вхождения, «вползания» в войну в течение февраля 1917 – начала лета 1918 года стало «неким компромиссом в понимании» проблемы ее нижней хронологической границы [4: 18].

Сегодня в историографических исследованиях российских ученых периодизация Гражданской войны относительно определения ее критериев рассматривается преимущественно в контексте эпистемологического подхода. Вместе с тем историки предпринимают попытки уточнить определение понятия «Гражданская война», пытаясь преодолеть миф о трагедии русского народа, и дать научно-объективное представление о Гражданской войне, тем самым расширяя источниковую базу историографических исследований, проводя углубленный анализ оте-

чественной историографии как советских историков, так и историков-эмигрантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, характеризуя постсоветскую историографию периодизации Гражданской войны в России, можно утверждать, что она практически выделилась в самостоятельное направление исследований. Об этом свидетельствует не только наличие соответствующего по содержанию обширного комплекса концептуальных положений и обобщений, но и появление к началу 2020-х годов работ, специально посвященных изучению проблемы периодизации войны (Р. Г. Гагкуев, Б. И. Колоницкий, С. В. Леонов, В. Ж. Цветков). Прежняя концепция определения хронологических рамок Гражданской войны была подвержена влиянию политических факторов и претерпевала изменения, связанные не только с ее толкованием, но и с определением содержания, движущих сил и характера вооруженного противостояния. В связи с этим сегодня существует разброс мнений относительно определения периодизации гражданского противостояния, от «традиционных» до «интегрирующих».

Таким образом, проведенное в рамках статьи исследование проблемы определения периодизации Гражданской войны в отечественной историографии 1990-х – начала 2020-х годов позволяет выделить преобладающее влияние политического и эпистемологического подходов на определение хронологических рамок гражданского противостояния. При этом политический подход определял направленность исследований в 1990-х – середине 2000-х годов. Эпистемологический подход проявился в трудах исследователей второй половины 2000-х – начала 2020-х годов.

На наш взгляд, происходящее в настоящее время изменение научных знаний о Гражданской войне в последующем позволит точнее определить хронологические рамки вооруженного противостояния и будет способствовать демифологизации общественного мнения об исторических событиях.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Голдин В. И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 758–774; Он же. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121; Он же. Гражданская война в России в современной отечественной и зарубежной историографии: осмысление через столетие // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 41. С. 15–42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М.: Русский Мир, 1998. 320 с.

2. Брянцев М. В. Гражданская война в России (трудности понимания) // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2018. Т. 5, № 1. С. 8–15. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-8-15
3. Гагкуев Р. Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // *Российская история*. 2019. № 1. С. 37–42.
4. Голдин В. И. Гражданская война в России. 1917–1922. Итоги работы над XII томом 20-томной академической «Истории России» // *Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: Сборник научных трудов*. Новосибирск: Параллель, 2022. С. 8–22.
5. Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012. 333 с.
6. Голдин В. И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2018. Т. 2, № 4. С. 16–49.
7. Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000. 280 с.
8. Гражданская война в России: «круглый стол» // *Отечественная история*. 1993. № 3. С. 102–115.
9. Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы гражданской войны 1917–1920 гг. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 2006. 467 с.
10. Игрицкий Ю. И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М.: Наука, 1994. С. 55–70.
11. Калашников В. В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // *Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии*. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 184–252.
12. Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // *Российская история*. 2019. № 1. С. 3–24.
13. Леонов С. В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // *Российская история*. 2019. № 1. С. 24–36.
14. Петров Ю. А. Гражданская война в России: современные историографические тренды (интродукция) // *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2023. № 41. С. 7–14.
15. Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 32–41.
16. Прокофьева Е. Ю. Поиск исторической преемственности в оценках Гражданской войны в России // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2018. № 5 (1). 2018. С. 16–25. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-16-25
17. Ушаков А. И., Федюк В. П. Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М.: АИРО-XX, 1996. С. 206–221.
18. Цветков В. Ж. Гражданская война в России – определение, причины, периодизация // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 2018. № 5 (1). С. 3–7. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-3-7

Поступила в редакцию 18.07.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Alexander V. Chernonozhkin, Postgraduate Student, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0009-7624-8196; chernonozkinaleksandr@mail.ru

A STUDY OF THE CIVIL WAR PERIODIZATION OPTIONS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. This article presents an analysis of research on the various periodizations of the Russian Civil War, conducted by Russian historians from the 1990s to the early 2020s. The study aims to identify key controversial issues in the periodization of the Civil War and to explore the underlying causes of discrepancies and divergent interpretations of its chronology in contemporary historiography. It examines the political and epistemological research approaches that influenced the development of different periodizations during the 1990s to mid-2000s and from the second half of the 2000s to the early 2020s. To achieve this, the article analyzes a range of Russian historiographical works published over the past thirty years within this thematic context. Through this review, the author highlights that by the early 2020s, the historiography of the periodization of the Civil War had evolved into a distinct field of research, as evidenced by the emergence of specialized publications dedicated solely to this topic. The research offers valuable practical insights into how the conceptualization and functional role of knowledge about the Civil War have transformed within modern Russian historiography.

Key words: revolutionary process, periodization, modern Russian historiography, stages of the Civil War

For citation: Chernonozhkin, A. V. A study of the Civil War periodization options in modern Russian historiography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):29–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1178

REFERENCES

1. Bordyugov, G. A., Ushakov, A. I., Churakov, V. Yu. The White cause: ideology, foundations, regimes of power. Historiographical essays. Moscow, 1998. 320 p. (In Russ.)
2. Bryantsev, M. V. The Civil War in Russia (problems of understanding). *Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. 2018;5(1):8–15. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-8-15 (In Russ.)
3. Gagkuev, R. G. Civil War. Conflict without chronology? *Russian History*. 2019;1:37–42. (In Russ.)
4. Goldin, V. I. The Civil War in Russia. 1917–1922. The results of work on volume XII of the twenty-volume academic collection *The History of Russia. The Civil War in Russia: problems of exit, historical consequences, lessons for modernity: Collection of research papers*. Novosibirsk, 2022. P. 8–22. (In Russ.)
5. Goldin, V. I. The Civil War in Russia through the prism of years: historiographical processes. Murmansk, 2012. 333 p. (In Russ.)
6. Goldin, V. I. Civil War and Intervention in Russia and the Russian North: current and debatable problems. *Historia provinciae – The Journal of Regional History*. 2018;2(4):16–49. (In Russ.)
7. Goldin, V. I. Russia in the Civil War. Essays on modern historiography (the second half of the 1980s and the 1990s). Arkhangelsk, 2000. 280 p. (In Russ.)
8. The Civil War in Russia: “round table”. *Russian History*. 1993;3:102–115. (In Russ.)
9. Zimina, V. D. The White cause in rebellious Russia: political regimes of the Civil War. 1917–1920. Moscow, 2006. 467 p. (In Russ.)
10. Igriksky, Yu. I. The Civil War in Russia: imperatives and guidelines for rethinking. *The Civil War in Russia: crossroads of opinions*. Moscow, 1994. P. 55–70. (In Russ.)
11. Kalashnikov, V. V. Contemporary historiography of the Civil War in Russia: express analysis. *The Civil War in Russia: perspective at 100 years. Problems of history and historiography*. St. Petersburg, 2018. P. 184–252. (In Russ.)
12. Kolonitsky, B. I. From the First World War to civil wars (1917?–1922?). *Russian History*. 2019;1:3–24. (In Russ.)
13. Leonov, S. V. The Civil War in Russia: essence, periodization, features. *Russian History*. 2019;1:24–36. (In Russ.)
14. Petrov, Yu. A. The Civil War in Russia: modern trends in historiography (introduction). *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 2023;41:7–14. (In Russ.)
15. Polyakov, Yu. A. The Civil War in Russia: emergence and escalation. *Russian History*. 1992;6:32–41. (In Russ.)
16. Prokofieva, E. Yu. The search for historical continuity in the assessment of the Civil War in Russia. *Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. 2018;5(1):16–25. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-16-25 (In Russ.)
17. Ushakov, A. I., Fedjuk, V. P. The Civil War. New reading of old problems. *Historical research in Russia. Trends of recent years*. Moscow, 1996. P. 206–221. (In Russ.)
18. Tsvetkov, V. Zh. The Civil War in Russia – definition, causes, and periodization. *Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. 2018;5(1):3–7. DOI: 10.18413/2312-3044-2018-5-1-3-7 (In Russ.)

Received: 18 July 2024; accepted: 3 March 2025

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ НИКИТИН

доктор исторических наук, доцент кафедры востоковедения
факультета исторических и политических наук
Национальный исследовательский Томский государственный
университет
(Томск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8621-8072; nikitds33@gmail.com

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЙ ЧАРЛЬЗ БРЭДЛО И ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС

А н н о т а ц и я . Целью статьи является исследование сотрудничества Индийского национального конгресса с британским парламентарием-радикалом Чарльзом Брэдли в конце 1880-х – начале 1890-х годов. Актуальность темы связана с тем, что на исследуемом этапе существования Индийского национального конгресса формировались его программа и методы, оказавшие большое влияние на развитие национально-освободительного движения в Индии. В этот период Конгресс стремился к расширению связей с либеральными и радикальными политиками в метрополии, чтобы обратить внимание британской общественности и парламента на выдвигаемые им требования. Одним из его наиболее активных сторонников в Палате общин стал радикал Чарльз Брэдли, который считал, что британская власть в Индии должна исправить ошибки, допущенные в управлении колониями, и с этой целью увеличить долю индийцев в государственном аппарате. На основе историко-генетического метода и анализа исторических источников рассматривается участие Брэдли в работе Индийского политического агентства, посещение им сессии Конгресса в 1889 году и парламентская борьба за принятие закона об индийских советах. Брэдли внес на рассмотрение Палаты общин законопроект о реформировании законодательных советов в Индии, который предполагал увеличение числа членов в советах и введение в них выборного элемента, что отражало представления индийской интеллигенции о необходимых изменениях в системе управления страной. Хотя законопроект Брэдли не был принят, он стимулировал процесс реформирования государственного аппарата, что выразилось в принятии закона об индийских советах 1892 года. Сотрудничество Брэдли с Индийским национальным конгрессом стало для последнего важным этапом на пути становления, поскольку продемонстрировало руководству возможности и недостатки избранного им курса на сотрудничество с колониальной администрацией и конституционных методов деятельности, составлявших основу программы Конгресса в конце XIX – начале XX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Чарльз Брэдли, Индийский национальный конгресс, национальное движение, Британская Индия, колониализм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитин Д. С. Британский парламентарий Чарльз Брэдли и Индийский национальный конгресс // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 36–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1179

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX века требования национального движения в Индии, переживавшего период становления, носили умеренный характер; основные из них заключались в относительном и постепенном увеличении доли индийцев в управлении страной путем расширения состава законодательных советов, введения в них выборного элемента, проведения конкурсных испытаний на соискание государственных должностей одновременно в Индии и Англии. Важным средством достижения этих целей Индийский националь-

ный конгресс (ИНК) – ведущая организация в движении, объединившая представителей различных патриотических ассоциаций, – считал обращение к британской общественности и парламенту. Парламент – высший законодательный орган Великобритании – играл большую роль в жизни колоний и прочих зависимых территорий, и Конгресс в первые годы своего существования стремился найти союзников в Палате общин. В условиях отсутствия индийского представительства в парламенте сторонниками национального движения становились радика-

лы, выступавшие с широкой демократической программой. В конце 1880-х годов, в преддверии принятия закона об индийских советах, главным союзником Конгресса в Палате общин стал известный радикальный политик Чарльз Брэдло (1833–1891), активно отстаивавший предложенную ИНК схему реформ законодательных советов. Целью настоящей статьи, таким образом, является исследование сотрудничества Чарльза Брэдло с ИНК в 1889–1891 годах в контексте становления Конгресса и формирования программы умеренного крыла этой организации.

«СВОБОДОМЫСЛЯЩИЙ» ПАРЛАМЕНТАРИЙ

В истории британского парламентаризма XIX века Чарльз Брэдло занимает особое место. Выходец из бедной семьи восточного, рабочего района Лондона, свою общественную деятельность он начал в конце 1840-х годов в рядах «свободомыслящих» – немногочисленной группы секуляристов, выступавших за ограничение влияния религии в жизни общества. «Свободомыслящие» придерживались разных взглядов на религию, но Брэдло был одним из немногих, кто открыто объявил себя атеистом¹. В 1866 году он основал Национальное светское общество [5: 194], проводившее лекции по всей стране, благодаря чему известность Брэдло росла, а последующее участие в деятельности Лиги реформы, боровшейся за расширение избирательного права в Великобритании, сделало его популярным в кругах радикалов. С конца 1860-х годов Брэдло регулярно участвовал в парламентских выборах в качестве кандидата от Нортгемптона², однако успешной оказалась лишь четвертая попытка – в 1880 году, с общей победой либералов на выборах и назначением кабинета Гладстона.

Для Британской Индии эти выборы также ознаменовали серьезные перемены – ее вице-королем был назначен лорд Рипон, бывший сторонником приобщения индийского населения к управлению страной. Правление Рипона стимулировало рост национального движения и центристские тенденции среди патристически настроенной интеллигенции, воплотившиеся в проведении Национальной конференции в 1883 году [4: 293] и создании ИНК двумя годами позже. Однако многие начинания Рипона сталкивались с сопротивлением консервативной бюрократии и британских поселенцев в Индии. Ярким примером такого рода стал законопроект (билль Илберта) о внесении поправок в индийский Уголовно-процессуальный кодекс в 1883 году [7]. Законопроект предполагал наделить индийских судей правом судить европейцев по уголов-

ным делам. Эта мера, расценивавшаяся британскими радикалами как демократическая, вызвала резко отрицательную реакцию живших в Индии англичан и консервативных кругов в метрополии³. Бурное обсуждение билля Илберта привлекло внимание и Чарльза Брэдло, который посвятил разбору этого вопроса статью⁴ и лекцию, прочитанную перед избирателями Нортгемптона⁵. В них он проводил мысль о том, что Великобритания добилась контроля над Индией «средствами, которых мы должны искренне стыдиться»⁶, и потому «деспотическая власть Англии» должна использоваться таким образом, чтобы «искупить прошлое» и создать условия для того, чтобы индийские подданные империи желали находиться под управлением Великобритании. Брэдло склонялся к идее сохранения британского правления в Индии [6: 142] с исправлением недостатков в государственном аппарате, что сближало его позицию со взглядами индийской интеллигенции.

ИНДИЙСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО

Еще до созыва первой сессии ИНК в декабре 1885 года его будущие лидеры стремились заручиться поддержкой влиятельных либеральных политиков в Англии и создать британское отделение, которое знакомило бы британскую общественность с положением дел в Индии и позицией Конгресса. В 1887 году для этой цели было создано Индийское политическое агентство, в котором активно работали старейший деятель национального движения Дадабхаи Наороджи и первый президент ИНК У. Ч. Бонерджи. Секретарем агентства стал либеральный журналист и писатель У. Дигби [1: 118]. Ему удалось привлечь Брэдло к работе агентства на платной основе [11: 33], и тот, в частности, выступал в поддержку махараджи Кашмира Пратапа Сингха, власть которого в 1885 году была ограничена британским правительством. Вице-король Индии Дафферин настоял на размещении в Дхамму британского резидента с широкими полномочиями, что шло вразрез с положениями Амритсарского договора 1846 года, предоставлявшего княжеству широкую автономию в составе владений Ост-Индской компании [9: 348]. Пратап Сингх пытался оспорить решение Дафферина, и для обретения поддержки в британском обществе финансировал Брэдло и Дигби; первый поднимал кашмирский вопрос в Палате общин⁷, а второй опубликовал книгу, где освещал историю проблемы и указывал на неправомерность действий индийского правительства⁸, однако это не принесло успеха. Более того,

они вызывали недовольство руководства Конгресса [2: 132], вследствие чего в 1889 году был создан Британский комитет ИНК, заменивший политическое агентство и сосредоточившийся исключительно на положениях конгрессистской программы. Тем не менее лидеры Конгресса высоко оценивали деятельность Брэдло, и потому именно ему было предложено представить в Палате общин от имени ИНК схему реформ законодательных советов.

СЕССИЯ ИНК 1889 ГОДА

Во второй половине 1880-х годов индийское правительство рассматривало возможность проведения в Индии реформ, которых требовала образованная прослойка общества [10: 86]. Главной из них Конгресс считал реформу законодательных советов путем их расширения и введения выборного элемента⁹ [3: 83]. На первых четырех сессиях делегаты ИНК неизменно принимали соответствующую резолюцию, дополненную примерной схемой реформ. Однако это требование вызывало возражения как англо-индийского чиновничества, так и формировавшейся оппозиции Конгрессу. Вице-король Дафферин, который в 1885 году поддержал идею создания ИНК, в последние годы своего правления критиковал Конгресс и сообщал в Лондон о том, что его сторонники «не представляют аристократическую часть индийского общества и не имеют особых связей или симпатий к широким массам населения; они не понимают их нужд»¹⁰. В 1888 году в Северной Индии возникла Объединенная индийская патриотическая ассоциация под руководством мусульманского просветителя Саида Ахмад-хана, оппозиционная Конгрессу. Ассоциация развернула активную деятельность в Индии, призывала мусульман отказаться от участия в сессиях ИНК, обращалась с петициями в парламент против реформы, чтобы «сохранить мир в Индии и укрепить британское правление»¹¹. Ассоциация получила поддержку англо-индийской прессы и многочисленных мусульманских организаций, но тем не менее декабрьская сессия Конгресса прошла с большим успехом.

В преддверии сессии 1889 года, президентом которой был избран руководитель Британского комитета У. Уэддерберн, приглашение в Индию получил и Брэдло. Он в это время испытывал проблемы со здоровьем, и врачи полагали, что путешествие пойдет ему на пользу [13: 279]. По просьбе Конгресса он подготовил предварительный план законопроекта об индийских советах, который был опубликован в индийской прессе и содержал дополненную и переработанную схему ИНК. Эта схема, в поддерж-

ку которой на сессии выступали как видные лидеры Конгресса (С. Банерджи, Субраманья Айяр), так и молодые деятели (М. М. Малавия), отражала главное требование умеренного крыла ИНК тех лет – расширение круга индийских подданных, имеющих полномочия участвовать в законотворческой деятельности, строго конституционным, легальным путем. Вместе с тем она включала в себя и ряд других требований ИНК. Поэтому Брэдло считал, что законопроект должен быть посвящен исключительно законодательным органам и выдвигаться как поправка к закону об индийских советах 1861 года, тогда как требование ИНК о проведении одновременных испытаний на соискание государственных должностей в Англии и Лондоне следовало представить в ином законопроекте [12: 525]. Выступая на сессии с речью, Брэдло просил делегатов «не ждать слишком многого и не ждать всего сразу»¹², однако в феврале 1890 года внес законопроект на рассмотрение Палаты общин. В поддержку законопроекта в парламент были поданы многочисленные петиции¹³, но билль был отклонен в первом чтении. Брэдло подготовил новый законопроект, содержащий более умеренные требования, однако его рассмотрение совпало с принятием закона об аграрной реформе в Ирландии. Для британской общественности этот вопрос был более важным, и потому новому биллю Брэдло не удалось обратить на себя внимание прессы и парламента [8: 59]. Кроме того, в ответ на предложение Брэдло государственный секретарь по делам Индии Р. Кросс внес в парламент свой законопроект, который, в отличие от билля Брэдло, не предполагал введение выборного элемента в советах. Противники Конгресса в Индии поддерживали законопроект Кросса¹⁴, и проект Брэдло вновь не был принят. Смерть «свободомыслящего» парламентария в 1891 году помешала продолжению парламентской борьбы, но тем не менее принятие закона об индийских советах в 1892 году способствовало усилению конгрессистской конституционной агитации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чарльз Брэдло стал первым членом британского парламента, выступившим с речью перед Индийским национальным конгрессом. Хотя его работа в качестве «члена парламента от Индии» продолжалась всего несколько лет и не принесла значительных результатов, для умеренного руководства Конгресса его участие в деятельности организации было важным свидетельством того, что избранный курс, предполагавший медленную, эволюционную смену

статуса Индии в составе Британской империи, является действенным, и потому «английское» направление деятельности ИНК необходимо развивать дальше. Поэтому лидеры Конгресса настаивали на финансировании Британского комитета и его печатного органа – журнала «Индия», а также продолжили попытки провести в Палату общин индийского парламентария. Вместе с тем принятие закона об индийских советах показало, что правительство Индии и государственный секретарь не видят опоры в немногочисленной прослойке индийской интеллигенции,

полагая, что она не представляет интересы большинства населения Индии. Поэтому сделанные в 1892 году уступки больше отвечали взглядам аристократических кругов и казались рядовым членам ИНК недостаточными, что способствовало росту радикальных настроений в Конгрессе. В конце XIX века умеренное течение внутри ИНК оставалось доминирующим, однако уже в начале следующего века противоречия между двумя направлениями станут причиной раскола в Конгрессе и выхода радикальной фракции из его состава.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh: a record of his life and work. London: T. Fisher Unwin, 1894. Vol. 1. P. 125.
- ² Robertson J. M. Charles Bradlaugh. London: Watts & Co., 1920. P. 39.
- ³ The Ilbert Bill: a collection of letters, speeches, memorials, articles, etc. stating the objections to the Bill. London, 1884. 165 p.
- ⁴ Bradlaugh C. India and the Ilbert Bill // Our corner. 1884. Vol. 3. P. 77–82.
- ⁵ Bradlaugh C. India: how we obtained it, how we have ruled it, and how it should be ruled // Speeches / C. Bradlaugh. London, 1890. P. 31–46.
- ⁶ Ibid. P. 31.
- ⁷ Bradlaugh C. The Maharaja of Kashmir // Speeches / C. Bradlaugh. P. 158–171.
- ⁸ Digby W. Condemned unheard: The Government of India and His Highness the Maharaja of Kashmir. London: Indian Political Agency, 1890. 226 p.
- ⁹ Report of the Fourth Indian National Congress. [S. l.], 1889. P. 60, 64.
- ¹⁰ Private Memorandum by Lord Dufferin // The National Archives (United Kingdom). CAB 37–25–33. P. 9.
- ¹¹ Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions held by eminent natives of India who are opposed to the movement. Allahabad: Pioneer Press, 1888. P. I.
- ¹² Bradlaugh C. Indian National Congress, Bombay, December 29th, 1889 // Speeches / C. Bradlaugh. P. 153.
- ¹³ India. London, 1890. 11th April. P. 78.
- ¹⁴ Englishman's Overland Mail. Calcutta, 1890. 17th June.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин Д. С. Возникновение отделений ИНК в Великобритании в 1885–1889 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 117–120. DOI: 10.17223/15617793/404/18
2. Никитин Д. С. «Индийский чемпион»: Индия и Англия Чарльза Брэдли. Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2022. 172 с.
3. Никитин Д. С. Политические требования Индийского национального конгресса в 1885–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 83–86. DOI: 10.17223/19988613/71/12
4. Палишева Н. В. У истоков антиколониального национализма: политические взгляды и идеология первых лидеров Индийского национального конгресса // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 4 (43). С. 290–300.
5. Семенова М. В. О свободомыслящем феминизме: XIX век, Англия. Историко-правовой аспект // Закон. Право. Государство. 2021. № 4 (32). С. 187–197.
6. Симонов А. В. Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX – начале XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 138–146.
7. Hirschmann E. "White Mutiny": The Ilbert Bill crisis in India and genesis of the Indian National Congress. Columbia: South Asia Books, 1980. 331 p.
8. Kaushik H. P. The Indian National Congress in England (1885–1920). Delhi: Research Publications in Social Sciences, 1972. 204 p.
9. Lone A. S. British relations with the princely state of Jammu and Kashmir // Proceedings of the Indian History Congress. 2016. Vol. 77. P. 348–357.
10. Martin B. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885–1888 // Journal of British Studies. 1967. Vol. 7, № 1. P. 68–96.
11. Owen N. The British Left and India: metropolitan anti-imperialism, 1885–1947. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 352 p.
12. Sajunlal K. A. Mr. Charles Bradlaugh, M. P. and the Indian National Congress // Proceedings of the Indian History Congress. 1958. Vol. 21. P. 523–535.

13. Tribe D. President Charles Bradlaugh, M. P. London: Elek Books, 1971. 391 p.

Поступила в редакцию 03.03.2025; принята к публикации 07.04.2025

Original article

Dmitry S. Nikitin, Dr. Sc. (History), Associate Professor,
National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian
Federation)
ORCID 0000-0002-8621-8072; nikitds33@gmail.com

BRITISH PARLIAMENTARIAN CHARLES BRADLAUGH AND THE INDIAN NATIONAL CONGRESS

Abstract. This article examines the collaboration between the Indian National Congress and the British radical parliamentarian Charles Bradlaugh in the late 1880s and early 1890s. The significance of this study lies in the fact that during the studied period the Congress was shaping its program and strategies, elements that would profoundly influence the development of the Indian independence movement. During this time, the Congress sought to broaden its connections with liberal and radical politicians in Britain to garner greater support and visibility of its demands among the British public and Parliament. One of its most prominent allies in the House of Commons was the radical MP Charles Bradlaugh, who believed that British governance in India should rectify administrative errors and work towards increasing Indian participation in the colonial governance structure. Utilizing a historical-genetic approach and analysis of primary sources, this paper explores Bradlaugh's involvement with the Indian Political Agency, his attendance at the Congress session of 1889, and the parliamentary struggle for passing the Indian Councils Act. Notably, Bradlaugh introduced the draft bill for reforming the legislative councils of India in the House of Commons, advocating for an expanded membership and the inclusion of elected representatives, reflecting Indian intellectuals' perspectives on necessary changes in the country's system of government. Although the bill was not enacted, it played a significant role in catalyzing subsequent state apparatus reforms, culminating in the Indian Councils Act of 1892. Bradlaugh's collaboration with the Indian National Congress marked a pivotal moment, since it provided valuable insights for Congress leadership and illustrated both the possibilities and limitations of the Congress's approach to working within the colonial administration, as well as the constitutional methods that formed the basis of the Congress's program in the late XIX and early XX centuries.

Key words: Charles Bradlaugh, Indian National Congress, national movement, British India, colonialism

For citation: Nikitin, D. S. British parliamentarian Charles Bradlaugh and the Indian National Congress. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):36–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1179

REFERENCES

1. Nikitin, D. S. Emergence of the branches of the Indian National Congress in Great Britain (1885–1889). *Tomsk State University Journal*. 2016;404:117–120. DOI: 10.17223/15617793/404/18 (In Russ.)
2. Nikitin, D. S. “Indian champion”: India and England of Charles Bradlaugh. Novosibirsk, 2022. 172 p. (In Russ.)
3. Nikitin, D. S. Political demands of the Indian National Congress (1885–1907). *Tomsk State University Journal of History*. 2021;71:83–86. DOI: 10.17223/19988613/71/12 (In Russ.)
4. Palisheva, N. V. At the origins of anti-colonial nationalism: political views and ideology of the first leaders of the Indian National Congress. *Issues of National and Federative Relations*. 2018;8(4(43)):290–300. (In Russ.)
5. Semenova, M. V. About free-thinking feminism: XIX century, England. Legal historical aspect. *Lex. Jus. Civitas*. 2021;4(32):187–197. (In Russ.)
6. Simonov, A. V. Empire and colonialism in polemics among the British intellectuals in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Intelligentsia and the World*. 2014;2:138–146. (In Russ.)
7. Hirschmann, E. “White Mutiny”: The Ilbert Bill crisis in India and genesis of the Indian National Congress. Columbia, 1980. 331 p.
8. Kaushik, H. P. The Indian National Congress in England (1885–1920). Delhi, 1972. 204 p.
9. Lone, A. S. British relations with the princely state of Jammu and Kashmir. *Proceedings of the Indian History Congress*. 2016;77:348–357.
10. Martin, B. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885–1888. *Journal of British Studies*. 1967;7(1):68–96.
11. Owen, N. The British Left and India: metropolitan anti-imperialism, 1885–1947. Oxford; New York, 2007. 352 p.
12. Sajunlal, K. A. Mr. Charles Bradlaugh, M.P. and the Indian National Congress. *Proceedings of the Indian History Congress*. 1958;21:523–535.
13. Tribe, D. President Charles Bradlaugh, M. P. London, 1971. 391 p.

Received: 3 March 2025; accepted: 7 April 2025

СОФИЯ АНДРЕЕВНА СИЛАКОВА-МАКАРОВА

соискатель ученой степени кандидата наук
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
старший преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7931-6432; silakova.sa@mail.ru

СОСТОЯНИЕ АПТЕЧНОГО ДЕЛА В КИТАЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (по материалам работ российских врачей)

А н н о т а ц и я . Описаны принципы устройства и работы столичных аптек в Китае XIX века, собранные из рукописных материалов врачей, работавших в Пекине при Православной миссии и российском посольстве на протяжении XIX – начала XX века. Китайские аптеки, согласно запискам российских врачей, заметно отличались от европейских принципом работы, уровнем ответственности перед клиентом и видами предлагаемых лекарств. Научная актуальность исследования связана с недостаточной изученностью вопросов развития и особенностей медицины в Китае. Новизна заключается в уникальности исторических источников – неопубликованных архивных документов медиков и их введении в научный оборот. Цель статьи – охарактеризовать работу различных видов китайских аптек XIX века и принципов приготовления наиболее популярных форм лекарств. Делается вывод о том, что принципы китайской фармацевтики и основ организации работы аптек в Китае, описанные врачами П. А. Корниевским, А. А. Татариновым и др., заметно отличаются от европейских, что зачастую объяснялось влиянием особенностей китайской культуры, философии и верований на повседневную жизнь и развитие медицины.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Пекинская духовная миссия, российское посольство в Китае, традиционная китайская медицина, аптека, А. А. Татаринов, П. А. Корниевский

Д л я ц и т и р о в а н и я : Силакова-Макарова С. А. Состояние аптечного дела в Китае второй половины XIX века (по материалам работ российских врачей) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 41–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1180

ВВЕДЕНИЕ

Официально должность врача при Пекинской духовной миссии была утверждена при отправке в Китай X миссии (1821–1830), однако в истории России уже были случаи, когда в состав дипломатических посольств и торговых караванов включали медиков. Так, аптекарь Христосфор Картенс был в посольстве Идеса Избранта в 1683 году [3: 22–24], в 1716 году в дипломатическую миссию Лоренца Ланга для лечения императора Канси вошел врач Томас Гарвин [6: 221], лекарь Джон Белл работал в посольстве Льва Измайлова [5: 37], а доктор Франц Елачич побывал в Китае трижды [9: 38–49]. Несмотря на эти прецеденты, а также хорошее отношение маньчжурского правительства к приезжавшим медикам, с момента организации Пекинской духовной миссии в 1715 году не существовало практики вклю-

чения врачей в ее состав. Однако и члены миссии, и опекаемые ими потомки русских казаков-албазинцев часто нуждались в медицинской помощи. Переезд в Китай, непривычный климат, стесненность в средствах, плохие бытовые условия приводили к высокому уровню смертности среди миссионеров, особенно младших церковных служащих и учеников [8: 140].

При формировании X миссии в число участников был включен врач О. П. Войцеховский, с которого началась история работы медиков в составе Православной миссии в Пекине [12: 218]. Кроме О. П. Войцеховского в миссии работали врачи П. Е. Кирилов, А. А. Татаринов, С. И. Базилевский, П. А. Корниевский. Практика отправки медиков в Китай продолжилась при организации российского посольства в Пекине, куда для работы был перенаправлен

П. А. Корниевский, а затем врач Э. В. Бретшнейдер [1: 471–474].

Следуя специальным инструкциям, полученным от Азиатского департамента Министерства иностранных дел, во время пребывания в Китае медики не только занимались лечением больных, но и собирали информацию о ботанике, зоологии, географии Китая, а также о системе здравоохранения, медицине и аптекарском деле, что отвечало интересам европейской науки, искавшей новые методы изготовления лекарств и лечения различных болезней [7: 190].

Ввиду практической занятости, нехватки финансов и других трудностей были изданы лишь немногие труды медиков, работавших в Китае, большая их часть осталась в виде рукописей, сохранившихся в государственных архивах и библиотеках, однако они требуют изучения как образцы портретов китайских аптекарей и аптек, какими их видели наши соотечественники в середине – второй половине XIX века.

Согласно заметкам врачей при Пекинской духовной миссии, аптеки на улицах Пекина встречались довольно часто: открыть такое заведение мог каждый, требовались лишь деньги и умение разнести молву об отличной работе и эффективных лекарствах в ней. В Китае XIX века отсутствовало государственное регулирование медицинской и фармакологической деятельности. Несмотря на то что в стране существовали государственные медицинские школы, их количество было ничтожно мало, а практика получения научных знаний не была институализирована [4: 134].

Аптеку можно было увидеть издалека: по обе стороны от входа в помещение располагались яркие посеребренные или позолоченные доски, на которых писали название, имя ее владельца, адрес (чаще всего город и провинцию), а также наиболее популярные продававшиеся там лекарства. Это напоминало оформление входа в дом, где принимал врач: на досках писали имя врача и болезни, которые он успешнее всего лечил¹. В случае спасения знатного пациента врачу могли установить памятную доску с цитатой о его таланте в искусстве врачевания и описанием лечения болезни. Подобные доски были подарены врачам Православной миссии Осипу Павловичу Войцеховскому и Порфирию Евдокимовичу Кирилову [10: 36–38].

В аптечной лавке среднего достатка работало много людей: один записывал каждую продажу и отвечал за расчет с клиентами, двое отпускали покупателям лекарства, несколько аптекарей готовили сложные рецепты на заказ, а мальчишки-подмастерья растирали кости, ре-

зали корни растений, подготавливали ингредиенты для лекарств, заворачивали покупки и подерживали чистоту в помещении².

Врач А. А. Татаринов писал, что в аптеках старались поддерживать чистоту, воскурляли свечи перед изображениями святых – покровителей медицины и аптечного дела (например, перед изображением Яо-вана 药王) [13: 64]. Лекарства хранили в фарфоровых и глиняных сосудах, корни растений высушивали на солнце, заворачивали в ткань и клали в деревянные ящики³.

Содержать аптечную лавку было недорого, необходимые ингредиенты закупались напрямую или через посредников у крестьян из провинций, лекарства готовились из средств растительного, животного и минерального происхождения. Корни, стебли и листья растений чаще всего закупались в южных провинциях, привозились из Тибета, Индии и Персии, в северных провинциях приобретали женьшень. Лекарства животного происхождения подбирались по принципу «какая часть тела болит – из такой части тела животного должно быть изготовлено лекарство». Также выбор лекарственного сырья мог быть обусловлен поверьями. Например, считалось, что желчный пузырь и желчь дикого животного способны избавить от трусости и ее физиологических проявлений (нервного тремора, потливости, слабости) [2: 7]. Особенно ценились рога оленей и изюбрей и безоары⁴, поставляемые из Монголии. Также фармацевты использовали пауков, гусениц шелковичных червей, шпанских мух, скорпионов⁵. Лекарства минерального происхождения представляли собой различные сочетания ртути, меди, мышьяка, серебра, толченых драгоценных камней – аметистов, гранатов, топазов. Минеральный порошок часто смешивали с водой или вином [2: 8].

При выборе лекарства, как правило, руководствовались концепцией «пяти первоэлементов» (五行), согласно которой первоэлементам (дереву, огню, земле, металлу, воде) соответствуют пять вкусов (五味), пять запахов (五臭), пять цветов (五彩) и пять органов (五脏). На основе соответствия подбирались необходимые лекарства, подходящие по цвету, вкусу и запаху. Так, при слабости в сердце могло быть изготовлено горькое лекарство из растений красного цвета (например, с добавлением китайского финика-ююба 枣树)⁶.

Для изготовления лекарственных средств использовался широкий арсенал аптекарских инструментов: колб, дробилок, пестиков, пиал, серпов, крючков, лопаточек, сверл и давилков⁷. Любопытно, что на приеме у врача больной получал рецепт, в котором содержалась не привычная европейцу информация о том, как принимать лекарство, а рекомендации аптекарям по изготовле-

нию препарата⁸. Рекомендации чаще всего были приблизительными, то есть один и тот же рецепт мог быть приготовлен по-разному в разных аптеках города. В лекарствах из разных аптек, например, могли отличаться дополнительные ингредиенты или способы разведения порошка. Чаще всего больные приобретали смешанные наборы из трав, кореньев, минералов, которые нужно было приготовить самому – растворить в жидкости, нагреть, растолочь и т. д.

Лекарства могли быть изготовлены в разных формах: порошки, пилюли, декокты⁹, пластыри *гао-яо* (膏药) и столбики *динцзы-яо* (錠子药). Если первые три формы лекарств были похожи на европейские, то последние две были непривычны западной публике, но популярны среди простых людей в Китае. Для изготовления пластырей *гао-яо* травы, кости или минералы растирались до порошкообразного состояния, в них добавлялись кунжутное масло и окись свинца, после чего полученное вещество разводилось водой и выпаривалось на медленном огне. Получалась кашеобразная масса, которую, подсушив, смешивали с рыбьим или мучным клейстером или иным клейким веществом и выкладывали на тонкую ткань или промасленную бумагу. Полученные пластыри продавали в рулоне, от которого можно было отрезать кусок необходимого размера, смочить рисовым вином или водой и приложить на больное место¹⁰.

Столбики *динцзы-яо* также изготавливались из растертых растительных, животных или минеральных препаратов, в которые добавлялся клейстер. Получалось тестообразное вещество, которое заливали в формы в виде цилиндров, затем запекали на слабом огне. На получившиеся столбики ставили печать с названием изготовившей их аптеки и названием лекарства, далее заворачивали в бумагу. *Динцзы-яо* не употребляли внутрь, а растирали, порошок смешивали с водой и наносили на больное место получившуюся кашеобразную массу¹¹.

Столбики и пластыри были популярны среди простого населения из-за удобства их хранения и невысокой цены. Пилюли, порошки и декокты были распространены среди более состоятельных людей и продавались только в аптеках, в то время как пластыри и столбики можно было купить у лавочников и коробейников на рынке и ярмарках.

При Православном подворье в Пекине (Бэйгуане 北官) во времена работы XI миссии (1830–1840 года) стараниями врача П. Е. Кирилова была организована аптека, в которой в качестве помощников были устроены дети потомков казаков-албазинцев. Известно, что аптека функционировала

силами Православной миссии, однако обратиться в нее могли и простые китайцы [11: 132].

В работе П. А. Корниевского есть небольшое упоминание об одном из отделов Императорского Медицинского приказа Тай-и-юань (太医院) в Пекине – Дворцовой аптеке. Медицинский приказ занимался здоровьем членов императорского двора, а в аптеке работали аптекари-евнухи, которые занимались изготовлением лекарств для императора, его семьи и придворных чиновников по рецептам врачей Приказа¹². Лекарства при лечении высоких особ применялись те же, что и при лечении простых больных, однако ингредиенты для них евнухи собирали сами в окрестностях Пекина или же покупали у купцов, предварительно проверив покупки – сырье толкли, поджигали, растирали и т. д. За процессом изготовления лекарства для императора и его семьи лично следили начальник аптеки и начальник Медицинского приказа. Во избежание отравления или ошибок в приготовлении готовое жидкое лекарство разливалось в два сосуда, из одного отпивал выписавший рецепт врач, из второго пил приготовивший отвар или декокт евнух. Только по истечении некоторого времени, когда становилось ясно, что лекарство безопасно, жидкость из обоих сосудов сливалась в один и относилась больному¹³.

Несмотря на то что Медицинский приказ должен был лечить и заключенных в тюрьме Уголовной палаты (大理寺), изготовлением лекарств для этого императорская аптека не занималась. Лечили узников и изготавливали рецепты студенты (医生) и магистры медицины (医士), выполнявшие роль младшего медицинского персонала при Медицинском приказе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство российских врачей, работавших в Китае, в своих трудах указывают на то, что китайская фармацевтика, равно как и китайская традиционная медицина, начала развиваться довольно рано. Китайская медицина древности по праву могла считаться достоянием китайцев, однако современное (на момент работы российских медиков при Миссии и посольстве) положение аптекарского дела имело определенные недостатки. Несмотря на раннее развитие китайская медицина подверглась процессу окостенения, когда основной задачей врача и аптекаря стало следование устаревшим медицинским трактатам, зачастую основанным на философских понятиях о теле, применении лекарств и соответствии концепции «первозлементов», а не на эффективности и отсутствии вреда для организма¹⁴. Нехватка широкой экспериментальной практики приводила к тому, что в народе не применя-

лись новые рецепты, врачи выписывали те же варианты лечения, что и за много веков до этого. Так как ответственность за лечение простых китайцев и ошибки при применении препарата нес только врач, аптекарь был освобожден от каких-либо обязательств в случае ухудшения здоровья больного. Такой подход приводил к тому, что единственным надзором при изготовлении лекарств становились совесть аптекаря и необходимость поддерживать репутацию аптеки.

Однако положительные стороны в работе китайских аптек все же имелись. Так как составление традиционных лекарств базировалось на натуральных веществах, чаще всего растительного происхождения, без проведения дополнительных химических реакций, было легко

достать требовавшееся сырье самостоятельно или купить по довольно низкой цене. Отсутствие новых методов лечения и изготовления препаратов приводило к тому, что простой народ был хорошо осведомлен о том, что должно было представлять собой прописанное в рецепте, а это давало возможность приготовить лекарство самому или проконтролировать работу в аптеке.

Несмотря на указанные отрицательные черты китайского аптечного дела, западная медицина позаимствовала из Китая некоторые рецепты лечения болезней. Так, в Европе распространились лекарства из женьшеня, а в Россию в середине XIX века стали завозить пластыри и столбики из растительных и минеральных веществ, которые заняли свою нишу в отечественной медицине.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Корниевский П. А. О китайских медиках. ОР РНБ. Ф. 376. Д. 3. Л. 20 об.–25.
- ² Татаринов А. А. О китайских лекарствах и аптеках в Пекине. ФБ ВМА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 22–24.
- ³ Там же. Л. 20.
- ⁴ Безоар – инородное тело, плотный камень из плотно сваленных волос и волокон растений, чаще всего возникающий в желудке у жвачных животных. Традиционно считался средством, применяемым при отравлениях, мочекаменных и детских болезнях.
- ⁵ Татаринов А. А. О китайских лекарствах и аптеках в Пекине. ФБ ВМА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 19 об.–21.
- ⁶ Татаринов А. А. Анатомо-физиологические понятия китайцев. Труды общества русских врачей. СПб., 1856. Т. 6. С. 353–356.
- ⁷ Татаринов А. А. Рисунки аптекарских китайских инструментов. ФБ ВМА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 47. 19 л.
- ⁸ Корниевский П. А. Форма китайских рецептов. ОР РНБ. Ф. 376. Д. 13. Л. 1–2.
- ⁹ Декокт – отвар из лекарственных трав, довольно густой и насыщенный.
- ¹⁰ Татаринов А. А. О китайских лекарствах и аптеках в Пекине. ФБ ВМА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 23.
- ¹¹ Там же. Л. 23–23 об.
- ¹² Корниевский П. А. Медицинский приказ в Пекине в 1862 г. ОР РНБ. Ф. 376. Д. 5. Л. 15–16.
- ¹³ Корниевский П. А. Медицинский приказ в Китае. ОР РНБ. Ф. 376. Д. 5. Л. 6 об.–12 об.
- ¹⁴ Татаринов А. А. Начало медицины в Китае. ФБ ВМА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 38. Л. 2–5 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. О., Одинак М. М., Цыган В. Н., Литвиненко И. В., Мамаева С. А. Событие I. Развитие восточной медицины в России в XVIII–XIX вв. Роль ученых Императорской Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии // Известия Российской военно-медицинской академии. 2023. Т. 42, № 4. С. 469–477. DOI: 10.17816/rmmar607433
2. Корсаков В. В. Пять лет в Пекине. Из наблюдений над бытом и жизнью китайцев. М.: URSS, 2015. 182 с.
3. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь Мир, 2022. 432 с.
4. Самойленко В. В. Современное состояние традиционной китайской медицины: история формирования // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (2). С. 133–142. DOI: 10.31857/S013128120007512-4
5. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (Особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_12_35
6. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2014. 367 с.
7. Силакова-Макарова С. А., П. А. Корниевский о китайских медиках XIX в. // Россия – Китай: история и культура: Сб. ст. и докладов участников XVII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во АН РТ, 2023. С. 189–193.
8. Силакова-Макарова С. А. Пекин XIX в. в медицинских и топографических заметках П. А. Корниевского // Россия – Китай: история и культура: Сб. ст. и докладов участников XVII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2024. С. 139–142.
9. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 504 с.
10. 郭文深. 俄国东正教驻北京传教士团医生考略. // 世界宗教文化, 第6期, 2012, 36–40页 (Го Вэньшэн. Обзор врачей Русской православной миссии в Пекине) // Мировые религиозные культуры. 2012. № 6. С. 36–40.)
11. 欧阳哲生. 俄国东正教传教团在京活动述评 (1716–1859). // 安徽史学, 第01期, 2016. 124–133页 (Оуян Чжэшэн. Обзор деятельности Русской православной миссии в Пекине (1716–1859) // Историческая наука Аньхой. 2016. № 1. С. 124–133.)

12. 肖玉秋。俄国传教团与清代中俄文化交流。天津: 天津人民出版社, 2009。310页 (Сяо Юйцю. Русская миссия и культурный обмен между Китаем и Россией в период династии Цин. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное изд-во, 2009. 310 с.)
13. 肖玉秋。俄罗斯对传统中国医学的研究 (七至十九世纪)。中国学术期刊电子出版社。历史月刊。第3期, 2014。60–67 页 (Сяо Юйцю. Российские исследования традиционной китайской медицины VII–XIX веков) // Электронное издательство академических журналов Китая. Ежемесячный выпуск по истории. 2014. № 3. С. 60–67.)

Поступила в редакцию 16.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Sofiya A. Silakova-Makarova, Cand. Sc. Applicant, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7931-6432; silakova.sa@mail.ru

THE STATE OF PHARMACY IN CHINA DURING THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (a study of Russian doctors' works)

Abstract. The article describes the principles of organization and operation of various urban pharmacies in China during the XIX century, gathered from the manuscript materials of physicians who worked in Beijing under the Orthodox Mission and the Russian Embassy throughout the XIX and early XX centuries. According to the notes of Russian doctors, Chinese pharmacies significantly differed from European ones in their operational principles, level of responsibility to clients, and the types of medicines offered. The scientific relevance of the article is connected to the insufficient study of the development and specific characteristics of medicine in China. The originality lies in the uniqueness of historical sources – unpublished archival documents of medical practitioners – and their introduction into the scientific discourse. The aim of the article is to characterize the operation of various types of Chinese pharmacies in the XIX century and the principles of preparing the most popular forms of medicine. The findings lead to the conclusion that the principles of Chinese pharmacology and the organization of pharmacy operations in China, as described by physicians P. A. Kornievsky, A. A. Tatarinov, and others, differ significantly from European practices, which is often explained by the influence of specific features of Chinese culture, philosophy, and beliefs on everyday life of Chinese people and the development of Chinese medicine.

Keywords: Beijing Orthodox Mission, Russian Embassy in China, traditional Chinese medicine, pharmacy, A. A. Tatarinov, P. A. Kornievsky

For citation: Silakova-Makarova, S. A. The state of pharmacy in China during the second half of the XIX century (a study of Russian doctors' works). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):41–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1180

REFERENCES

1. Andreeva, G. O., Odinak, M. M., Tsygan, V. N., Litvinenko, I. V., Mamaeva, S. A. Event I. The development of oriental medicine in Russia in the XVIII–XIX centuries. The role of scientists of the Imperial Medico-Surgical (Military Medical) Academy. *Russian Military Medical Academy Reports*. 2023;42(4):469–477. DOI: 10.17816/rmmar607433 (In Russ.)
2. Korsakov, V. V. Five years in Beijing: Observations on the daily life and lifestyle of the Chinese. Moscow, 2015. 182 p. (In Russ.)
3. The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
4. Samoylenko, V. V. The current state of traditional Chinese medicine: the history of formation. *Far Eastern Studies*. 2019;5(2):133–142. DOI: 10.31857/S013128120007512-4 (In Russ.)
5. Samoylov, N. A. Lev Izmailov's mission to the Qing Empire (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great). *Klio*. 2021;12(180):35–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_12_35 (In Russ.)
6. Samoylov, N. A. Russia and China between the XVII and early XX centuries: trends, forms, and stages of socio-cultural interaction. St. Petersburg, 2014. 367 p. (In Russ.)
7. Silakova-Makarova, S. A. P. A. Kornievsky's notes about Chinese medical practitioners of the XIX century. *Russia – China: history and culture: Proceedings of the XVII international research and practical conference*. Kazan, 2023. P. 189–193. (In Russ.)
8. Silakova-Makarova, S. A. Beijing in the XIX century in P. A. Kornievsky's medical and topographical notes. *Russia – China: history and culture: Proceedings of the XVII international research and practical conference*. Kazan, 2024. P. 139–142. (In Russ.)
9. Skachkov, P. E. Essays on the history of Russian sinology. Moscow, 1977. 504 p. (In Russ.)
10. 郭文深。俄国东正教驻北京传教士团医生考略。// 世界宗教文化, 第 06 期, 2012, 36–40 页
11. 欧阳哲生。俄国东正教传教团在京活动述评 (1716–1859)。// 安徽史学, 第 01 期, 2016。124–133 页
12. 肖玉秋。俄国传教团与清代中俄文化交流。天津: 天津人民出版社, 2009。310 页
13. 肖玉秋。俄罗斯对传统中国医学的研究 (七至十九世纪)。中国学术期刊电子出版社。历史月刊。第 3 期, 2014。60–67 页

Received: 16 January 2025; accepted: 3 March 2025

АННА СЕРГЕЕВНА ЛИЗОГУБ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

(Омск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5101-6334; LizogubAS@omsu.ru

ЕГОР ВАЛЕРЬЕВИЧ ШЕСТОПАЛОВ

преподаватель кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

(Омск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0007-8740-126X; egor_shestopalov07@mail.ru

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Воссозданы особенности отражения Семилетней войны в пространстве памяти Российской империи начала XX века. Выдвигается гипотеза о том, что из-за неоднозначных итогов войны 1756–1763 годов ряд побед русской армии попал в разряд забытых или неудобных, оставаясь на периферии пространства памяти и в начале XX столетия. Исследование выполнено на основе анализа делопроизводственной документации, полковых историй, материалов периодической печати и публицистики. Сделан вывод о том, что государственной властью в 1900–1914 годах осуществлялся отбор вспоминаемых событий, несмотря на общий подъем интереса к военной истории. Коммеморативный бум начала XX столетия не затронул 150-летие сражения под Гросс-Егерсдорфом, Кунерсдорфом и другие победы русской армии в ходе Семилетней войны. Политика памяти Российского государства была направлена в рассматриваемый период на увековечение событий, отражающих величие самодержавного строя или героизм населения. Несмотря на отсутствие юбилейных торжеств в 1907–1910 годах, полного забвения Семилетней войны не произошло благодаря деятельности других акторов. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение мобилизационного потенциала исторической памяти о конфликте 1756–1763 годов в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, Российская империя, Семилетняя война, битва при Кунерсдорфе

Благодарности . Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-01190 «Военные события в исторической памяти российского общества в начале XX века».

Для цитирования: Лизогуб А. С., Шестопалов Е. В. Семилетняя война в пространстве памяти Российской империи начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 46–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1181

ВВЕДЕНИЕ

В Российской империи времен Николая II одним из приоритетных направлений символической политики являлось сохранение памяти о событиях военной истории. Несмотря на повышенное внимание к героическому прошлому со стороны государства и общества в 1900–1914 годах, некоторые сюжеты попадали в разряд «забытых» или «неудобных», оставаясь на периферии пространства памяти.

В современной историографии исследователи неоднократно обращались к изучению феномена забвения в истории [14], [17]. М. Коннелли и С. Гебель отметили перспективность разработки методологических проблем в данной области [16: 5]. А. Ассман сосредоточила свое внимание на анализе переходных состояний и техник забвения [2: 17]. В монографии «Молчание и умолчание в истории» были выделены условно объективные и условно субъективные виды молчания,

отличающиеся между собой целью умолчания [10: 5].

В научной литературе утвердилось представление о Первой мировой войне как забытой [12: 218], но достаточно часто данный конструкт применялся и по отношению к Семилетней войне. Авторы, признавая значимость конфликта 1756–1763 годов для мировой истории [7: 17], подчеркивали его скромное место в исторической памяти российского общества¹. М. Ю. Анисимов констатировал, что в России незамеченным прошло 250-летие Кунерсдорфской битвы, «как и вообще все остальные юбилейные даты Семилетней войны» [1: 869]. Д. А. Сдвижков при публикации писем с Прусской войны во введении подчеркивал, что «в России эта война по-прежнему остается в числе “незнаменитых”» [15: 7].

Российское государство в начале XX столетия готовилось отпраздновать длинный перечень памятных годовщин военной истории, в числе которых значились и сражения Семилетней войны. По мнению В. С. Бешкинской, такая активность вокруг юбилеев исторических событий и символов прошлого использовалась Романовыми для формирования и поддержания имперской и национальной идентичностей [4: 157]. В то же время разнообразие коммеморативных поводов создавало условия для проведения отбора вспоминаемых сюжетов, наиболее соответствующих целям государства.

Семилетняя война проходила удачно для русской армии, но, несмотря на общий успех боевых действий, итоги конфликта имели неоднозначный характер. Мирный договор с Пруссией нивелировал все территориальные приобретения, за что получил негативные оценки современников. В условиях поиска символов, способных обеспечить единение монархии и народа после первой русской революции, события 1756–1763 годов имели основания для актуализации в пространстве памяти Российской империи начала XX столетия. Приближение 150-летия отдельных сражений Семилетней войны требовало от государственной власти решения вопроса о возможностях и способах использования данного коммеморативного повода, поскольку юбилейные дни сопровождались «концентрированной проекцией официальных образов и символов прошлого на общественное сознание» [5: 8].

150-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ: МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ

Полуторавековая годовщина битвы под Гросс-Егерсдорфом (1907) осталась незамеченной в Российской империи, еще не успевшей оправиться от революционного взрыва. Вспоминание об од-

ной из первых крупных побед русской армии в Восточной Пруссии осуществлялось только в контексте празднования юбилеев полков, принимавших участие в сражении. В 1908 году в преддверии 200-летия 63-го пехотного Углицкого генерал-фельдмаршала Апраксина полка указывалось, что в 1757 году его 3-я гренадерская рота под Гросс-Егерсдорфом прошла боевое крещение².

Одним из инструментов сохранения памяти о войнах и традициях императорской армии являлось составление полковых историй [8: 522]. Они включали в себя систематизированные сведения о службе, героических подвигах и сражениях. Кропотливая работа составителей по отбору и фиксации в полковых летописях событий, значимых для формирования коллективной идентичности, позволяла обеспечить динамику памяти. Данный процесс, по мнению А. Ассман, базировался на взаимообмене между двумя институциональными областями – накопительной памятью (архивом) и активным памятованием (канон) [2: 37]. В начале XX века почти ежегодно выходили в свет произведения, в которых описывались участие русской армии в войне 1756–1763 годов и предыстория конфликта. Только в 1900 году было издано три исторических очерка³, в общей сложности в рассматриваемый период вышло более десяти сочинений. Таким образом, отобранные и зафиксированные полковыми историками события из жизни воинских формирований получали особый статус в коллективной памяти. Публикация этих материалов создавала условия для их дальнейшего осмысления и использования в будущем.

Из всех победных дат войны с Пруссией в России удостоился воспоминания только разгром Фридриха II при Кунерсдорфе [6: 169]. В 1909 году по случаю этой яркой победы в периодической печати вышел ряд заметок. Первым, кто обратил внимание на приближающуюся «круглую дату», стал генерал-лейтенант в отставке Л. Л. Драке. В статье «К предстоящему 150-летию битвы при Кунерсдорфе» автор признавался, что цель его публикации заключалась не в пересказывании истории сражения, а в напоминании современникам о предстоящей годовщине⁴. Рассуждая о возможных причинах забвения, Л. Л. Драке подчеркивал значение временной и пространственной отдаленности от сражения. По его мнению, события, в том числе закончившиеся победой, но произошедшие за пределами России, имели меньше шансов остаться в памяти потомков⁵. Продолжая викториальную тематику, полковник В. К. Судравский опубликовал в «Русском инвалиде» список вой-

сковых частей, «принимавших участие в этом незабвенном для русской армии сражении»⁶.

Несмотря на попытки военных историков актуализировать память о битве, со стороны органов государственной власти не последовало никаких указаний об учреждении комитета по подготовке к торжеству, как это происходило по отношению к другим значимым годовщинам военной истории [11: 227]. 150-летие Кунерсдорфской баталии стало предметом обсуждения только особой комиссии по разработке порядка чествования юбилеев знаменательных исторических событий, которая 30 марта 1909 года приняла решение не праздновать эту дату⁷. В ходе дальнейшей работы данного органа битва при Кунерсдорфе не попала ни в одну из четырех категорий военных событий, ранжированных по своей значимости для истории государства и армии. При этом другой эпизод Семилетней войны — капитуляция Берлина 1760 года оценивался комиссией как «не представляющий собой никакой исторической ценности»⁸. Результатом такой характеристики стало решение о нецелесообразности организации торжеств по случаю указанной даты. Таким образом, специальная комиссия не подтверждала и не опровергала значение Кунерсдорфского сражения. Из-за отсутствия официальных обоснований исключения битвы при Кунерсдорфе из перечня чествуемых годовщин можно предположить, что одной из причин такого решения выступила финансовая сторона вопроса. Торжественные церемонии при своей эффективности воздействия на население сопровождались существенными денежными растратами [9: 445]. На празднование Полтавской виктории, которое состоялось также в 1909 году, было выделено 268 тыс. руб.⁹, поэтому организация других торжеств являлась обременительной для империи.

В августе 1909 года в «Русском инвалиде» были размещены заметка об истории Кунерсдорфского сражения¹⁰, а также ответ Николая II на поздравительную телеграмму от 12-го гренадерского Астраханского полка¹¹. Благодаря этим публикациям читатели имели возможность узнать о памятной годовщине. Об «особом» положении этого события свидетельствовало помещение исторической справки на 3-й и 4-й страницах номера. Тем не менее данная публикация привела к оживленной дискуссии в периодической печати.

Офицер, военный историк и публицист А. А. Свечин раскритиковал историческую справку, автором которой, по всей видимости, являлся полковник А. К. Баиов. Александр Андреевич с сожалением отмечал отсутствие интереса к юбилею данной баталии со стороны научного сообщества¹². Причиной его возму-

щения послужило ошибочное, по его мнению, описание положения русской армии накануне сражения. Он настаивал на том, что П. С. Салтыков в битве у Кунерсдорфа не разворачивал союзные войска, а сразу расположил их фронтом на юг¹³. А. А. Свечин упрекал автора исторической справки в переписывании ошибок из-за недостаточного уровня владения информацией. Его критические замечания были расценены оппонентом как «поспешные выводы на почве предвзятых суждений»¹⁴. А. К. Баиов для обоснования своей позиции ссылался на авторитетное мнение Д. Ф. Масловского, который в 1886–1891 годах опубликовал трехтомный труд «Русская армия в Семилетнюю войну». В этой работе, удостоенной Макарьевской премии, автор писал о развороте армии под командованием П. С. Салтыкова незадолго до битвы¹⁵. Немецкий историк И. В. Архенгольц в «Истории Семилетней войны», впервые опубликованной в 1788 году, этот вопрос обошел стороной, упомянув только большие обходы прусской армии и глубокие пропасты перед фронтом¹⁶. Французский исследователь А. Рамбо, занимавшийся изучением истории России, в своем труде 1895 года также писал о круговом маневре русских [13: 181]. Данная точка зрения сохранялась в историографической традиции и в последующее время. Известный советский специалист в области военной истории Л. Г. Бескровный также придерживался этого мнения [3: 278].

В полемике 1909 года по вопросу расположения союзных войск А. К. Баиову не удалось убедить А. А. Свечина, который с иронией отмечал, что «при такой разработке истории, вероятно, мы повторяли бы ее к 200, 300, 1000-летию юбилею»¹⁷. Он надеялся на появление «хотя бы к 200-летию юбилею оригинального труда по Кунерсдорфу»¹⁸. В этой дискуссии приняли участие и другие военные историки, что свидетельствовало об исследовательском интересе к данной проблематике.

После того как отгремели полтавские торжества, в декабре 1909 года победа при Кунерсдорфе вспоминалась в контексте 200-летия со дня рождения Елизаветы Петровны¹⁹. Кроме того, продолжились изучение и публикация материалов о битве²⁰. В апреле 1912 года предметы и свидетельства периода Семилетней войны стали достоянием грандиозной выставки «Ломоносов и елизаветинское время». Помимо военных трофеев, захваченных у пруссаков, посетители могли увидеть монеты²¹, документы, карты, портреты П. С. Салтыкова, С. Ф. Апраксина, В. В. Фермора, а также гравюры с изображением формы войск²².

К наследию Семилетней войны неоднократно обращались в годы мирового конфликта²³.

При разработке в сентябре 1914 года концепции выставки «Боевые трофеи нашей армии» планировалось обустроить отдельный зал с экспонатами из Артиллерийского исторического музея, в котором хранились более 200 знамен противника, мундир и гардероб прусского короля Фридриха II²⁴. Таким образом, несмотря на то что со стороны государственной власти 150-летний юбилей битвы при Кунерсдорфе был проигнорирован, наблюдался всплеск внимания к этому событию в контексте празднования других сюжетов, в особенности после начала Первой мировой войны. По мнению А. Ассман, игнорирование как техника забвения не исключала возможности возвращения в центр внимания предмета в том числе и после долгого пребывания в тени [2: 22]. Соглашаясь с данной точкой зрения, необходимо отметить, что в начале XX столетия потенциал символического значения битвы при Кунерсдорфе не был использован. Только война с Германией позволила переосмыслить роль этой победы и вернуть данное событие на непродолжительное время в пространство памяти Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, необходимо отметить, что коммеморативный бум начала XX столетия не затронул 150-летие сражения под Гросс-Егерсдорфом, Кунерсдорфом и другие победы русской армии в ходе Семилетней войны. Несмотря на повышенный интерес со стороны государства и общества к викториальной тематике, полуторавековой юбилей Семилетней войны находился на периферии пространства памяти. В символической политике начала XX столетия государство сделало акцент на увековечение событий, наиболее значимых для истории государства и армии. В то же время избранные коммеморативные поводы должны были олицетворять величие самодержавного строя и (или) героизм населения.

Несмотря на отсутствие юбилейных торжеств в 1907–1910 годах, полного забвения Семилетней войны не произошло благодаря деятельности других акторов политики памяти. Битва при Кунерсдорфе вспоминалась на страницах периодической печати, а также в контексте празднования других памятных годовщин.

Причины периферийного положения Семилетней войны в пространстве памяти в рассматриваемый период можно объяснить рядом факторов. Среди них необходимо отметить удаленность территорий, на которых разворачивались основные события военного противостояния, что делало их малозначимыми для общественного сознания. Кроме того, отсутствие сложившихся традиций вспоминания данного конфликта на протяжении длительного времени не позволяло ему занять достойное место в национальном нарративе. Не менее значимой причиной являлся тот факт, что в 1909 году осуществлялось празднование 200-летия Полтавской битвы, 100-летия присоединения Финляндии и 50-летия взятия Гуниба, поэтому финансирование еще одного мероприятия являлось весьма проблематичным.

Определенную роль сыграла и внешнеполитическая обстановка рассматриваемого периода. Отношения с Германией, несмотря на некоторое охлаждение, оставались стабильными, что не способствовало актуализации памяти о конфликте с Пруссией, имеющем неоднозначные оценки. Подобная стратегия российского правительства занять позицию нейтралитета в символической политике прослеживалась и по отношению к Франции при праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 года. Только после начала мирового конфликта обращение к сюжетам Семилетней войны получило новый импульс, что свидетельствовало не о забвении, а о воздействии фактора отложенной памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каменский А. Б. «Бесславное окончание славной войны». Как Россия впервые взяла Берлин и почти победила в самой страшной войне XVIII века // Lenta.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2023/06/09/seven_years_war/?utm_medium=social&utm_source=copy (дата обращения 12.10.2024).

² П. П. Духовная связь в армии. К 200-летию Углицкого полка // Вестник военного духовенства. 1908. № 22. С. 696.

³ Михайлов М. В. История 131-го пехотного Тираспольского Генерал-Адъютанта Ванновского полка, бывшего Пермского, а также в составе Московского и Волынского пехотных полков. Киев: Тип. Штаба Киевского военного Округа, 1900. 367 с.; Николаев Н. Н. История 17-го пехотного Архангелогородского Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полка. 1700–1900 гг. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 588 с.; Очерки из 200-летнего прошлого Выборгского полка, составленные офицерами под редакцией командира полка. П. Новгород: Типография Н. И. Богдановского, 1900. 504 с.

⁴ Драке Л. Л. К предстоящему 150-летию битвы при Кунерсдорфе // Русский инвалид. 1909. 20 января.

⁵ Там же.

⁶ Судравский В. К. К предстоящему 150-летию сражения при Кунерсдорфе // Русский инвалид. 1909. 9 апреля. С. 5.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 9 об.

- ⁸ Там же. Д. 3338. Л. 30 об.
- ⁹ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1059. Л. 15 об.
- ¹⁰ Б-ов А. Сражение под Кунерсдорфом 1759–1909 // Русский инвалид. 1909. 1 августа. С. 3–4.
- ¹¹ Внутренние известия // Русский инвалид. 1909. 23 августа. С. 2.
- ¹² Свечин А. А. К минувшему юбилею Кунерсдорфского сражения // Русский инвалид. 1909. 12 сентября. С. 4.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Б-ов А. Поспешные выводы на почве предвзятых суждений // Русский инвалид. 1909. 30 сентября. С. 2–3.
- ¹⁵ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну: В 3 вып. Вып. 3. М.: Типография Окружного штаба, 1891. С. 101.
- ¹⁶ Архенгольц И. В. История семилетней войны. К.; СПб.; Харьков: Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1901 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3070/9678/> (дата обращения 13.10.2024).
- ¹⁷ Свечин А. А. Урок военной истории // Русский инвалид. 1909. 9 октября. С. 3.
- ¹⁸ Свечин А. А. Архивные данные // Русский инвалид. 1909. 23 октября. С. 3.
- ¹⁹ Евдокимов Л. В. Императрица Елизавета I (1709–1909) // Русский инвалид. 1909. 5 декабря. С. 3.
- ²⁰ Кунерсдорф / Пер. А. Я. Шайбле // Военный сборник. 1910. № 11. С. 1–20.
- ²¹ Состоявшая под Высочайшим Его Императорского величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и елизаветинское время»: Путеводитель и каталоги. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1912. С. 11–12.
- ²² Там же. С. 31.
- ²³ Соколовский М. Война // Русский инвалид. 1914. 8 октября. С. 3.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2401. Л. 30б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М.: Академический проект, 2020. 885 с.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
3. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот XVIII в. (Очерки). М.: Воениздат, 1958. 646 с.
4. Бешкинская В. С. Символическая политика (в) Российской империи: состояние теоретического и историографического поля // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 155–168. DOI: 10.17072/2219-3111-2024-3-155-168
5. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / Под ред. О. С. Поршневой, Н. Н. Барановой, В. Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 551 с.
6. Лапин В. В. Трехсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013 / Отв. ред. В. В. Лапин, Ю. А. Сафронова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. С. 164–180.
7. Ливен Д. Россия и Европейские великие державы: Семилетняя война в глобальном контексте / Пер. Н. Эдельмана // Величие и язывы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 17–34.
8. Лизогуб А. С. Воспоминания подполковника К. Н. Игнатьева о службе в 12-м пехотном Сибирском Барнаульском полку. 1910 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 522–535. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-522-535
9. Лиманова С. А. Особенности организации столичных торжеств в позднеимперский и раннесоветский периоды: пространство, время, идеология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, № 4. С. 445–453. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453
10. Молчание и умолчание в истории / Сост. и общ. ред. О. В. Воробьевой. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2023. 420 с.
11. Павленко В. В. Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6 (86). С. 225–234.
12. Поршнева О. С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 216–235. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235
13. Рамбо А. Русские и пруссаки: История Семилетней войны / Пер. и коммент. Д. В. Соловьева. М.: Воениздат, 2004. 303 с.
14. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004. 728 с.
15. Сдвижков Д. А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 688 с.
16. Connolly M., Goebel S. Forgetting the Great War? The Langemarck myth between cultural oblivion and critical memory in (West) Germany, 1945–2014 // The Journal of Modern History. 2022. Vol. 94, No 1. P. 1–41. DOI: 10.1086/718269
17. Winter J. Thinking about silence // Shadows of war: A social history of silence in the twentieth century / E. Ben-Ze'ev, R. Ginio, J. Winter, Eds. New-York: Cambridge University Press, 2010. P. 3–31. DOI: 10.1017/S009780511676178

Поступила в редакцию 06.11.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Anna S. Lizogub, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5101-6334; LizogubAS@omsu.ru

Egor V. Shestopalov, Lecturer, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0007-8740-126X; egor_shestopalov07@mail.ru

THE SEVEN YEARS' WAR IN THE MEMORY SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XX CENTURY

Abstract. The article recreates the features of the reflection of the Seven Years' War in the memory space of the Russian Empire in the early XX century. The authors hypothesize that due to the ambiguous results of the war of 1756–1763, a number of victories of the Russian army fell into the category of forgotten or inconvenient, remaining on the periphery of memory space during the early XX century. The study was carried out on the basis of an analysis of office records, regimental histories, periodical materials, and opinion-based publications. It was concluded that from 1900 to 1914, the state authorities carried out the selection of recalled events, despite the general rise in the interest in military history. The commemorative boom of the early XX century did not affect the 150th anniversary of the Battle of Gross-Jägersdorf, the Battle of Kunersdorf, and other victories of the Russian army during the Seven Years' War. During the period under review, the memory policy of the Russian state was aimed at perpetuating events reflecting the greatness of the autocratic system or the heroism of the population. Despite the absence of jubilee celebrations in 1907–1910, the complete oblivion of the Seven Years' War did not happen, thanks to the activities of other actors. A promising area for further research is the study of the mobilization potential of the historical memory of the 1756–1763 war conflict during the First World War.

Key words: historical memory, memory policy, Russian Empire, Seven Years' War, Battle of Kunersdorf

Acknowledgements. The article was supported by the Russian Science Foundation grant No 23-78-01190 “Military events in the historical memory of Russian society in the early XX century”.

For citation: Lizogub, A. S., Shestopalov, E. V. The Seven Years' War in the memory space of the Russian Empire in the early XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):46–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1181

REFERENCES

1. Anisimov, M. Yu. Russian diplomacy and the Seven Years' War. Moscow, 2020. 885 p. (In Russ.)
2. Assman, A. Oblivion of history – obsession with history. Moscow, 2019. 552 p. (In Russ.)
3. Beskrovniy, L. G. Russian army and navy in the XVIII century (Essays). Moscow, 1958. 646 p. (In Russ.)
4. Beshkinskaya, V. S. Symbolic politics (in/of) the Russian Empire: the state of theoretical and historiographic fields. *Perm University herald. History*. 2024;3(66):155–168. DOI: 10.17072/2219-3111-2024-3-155-168 (In Russ.)
5. War, politics, memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the space of anniversaries. (O. S. Porshneva, N. N. Baranova, V. N. Zemtov, Eds.). Moscow, 2020. 551 p. (In Russ.)
6. Lapin, V. V. The tercentenary of the House of Romanov and military anniversaries of the early XX century. *The quarter century of the House of Romanov: memory policy and monarchical idea, 1613–2013*. (V. V. Lapin, Yu. A. Safronova, Eds.). St. Petersburg, 2016. P. 164–180. (In Russ.)
7. Lieven, D. Russia and the European great powers: The Seven Years' War in a global context. *Greatness and ills of the Russian Empire: International collection of research papers dedicated to the 50th anniversary of O. R. Ayrapetov*. Moscow, 2012. P. 17–34. (In Russ.)
8. Lizogub, A. S. Memoirs of lieutenant colonel K. N. Ignat'ev about his service in the 12th Siberian Barnaul Infantry Regiment. 1910. *Herald of an Archivist*. 2024;2:522–535. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-522-535 (In Russ.)
9. Limanova, S. A. Special aspects of organizing celebrations in St. Petersburg (Petrograd) and Moscow in 1894–1924: space, time, ideology. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2020;20(4):445–453. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453 (In Russ.)
10. Silence and silencing in history. (O. V. Vorobyova, Ed.). Moscow, 2023. 420 p. (In Russ.)
11. Pavlenko, V. V. Celebrations dedicated to the 200th anniversary of the Poltava Battle in Russia. *RSUH / RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*. 2012;6(86):225–234. (In Russ.)
12. Porshneva, O. S. The politics of Russian Memory: The Great War in the European context. *RUDN Journal of Russian History*. 2021;20(2):216–235. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235 (In Russ.)
13. Rambaud, A. The Russians and Prussians: The history of the Seven Years' War. Moscow, 2004. 303 p. (In Russ.)
14. Ricoeur, P. Memory, history, oblivion. Moscow, 2004. 728 p. (In Russ.)
15. Sdvizhkov, D. A. Letters from the Prussian War. The people of the Russian Imperial Army in 1758. Moscow, 2019. 688 p. (In Russ.)
16. Connelly, M., Goebel, S. Forgetting the Great War? The Langemarck myth between cultural oblivion and critical memory in (West) Germany, 1945–2014. *The Journal of Modern History*. 2022;94(1):1–41. DOI: 10.1086/718269
17. Winter, J. Thinking about silence. *Shadows of war: A social history of silence in the twentieth century*. (E. Ben-Ze'ev, R. Ginio, J. Winter, Eds.). New-York, 2010. P. 3–31. DOI: 10.1017/CBO9780511676178

Received: 6 November 2024; accepted: 3 March 2025

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОДЛЕСНЫХ

кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук лесного факультета

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

(Воронеж, Российская Федерация)

ORCID 0009-0001-2613-5777; agera3@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЗАКРЫТИЯ ОЛОНЕЦКОГО СОВЕСТНОГО СУДА

А н н о т а ц и я . На основе неопубликованных документов из Российского государственного исторического архива и законодательных актов предпринята попытка проанализировать причины закрытия совестного суда в Олонецкой губернии в 1848 году. Актуальность темы исследования, с одной стороны, обусловлена отсутствием в отечественной историографии работ, посвященных упразднению совестных судов Российской империи, с другой стороны, рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью отечественных совестных судов, помогает глубже проанализировать состояние всей дореформенной судебной системы. В сравнении с закрытыми в 1828 году Астраханским совестным судом и в 1847 году Архангельским совестным судом проводится анализ причин закрытия Олонецкого совестного суда в 1848 году. Делается вывод о том, что в Олонецкой губернии основной причиной закрытия совестного суда было малое количество дел, находящихся в производстве данного судебного учреждения. Инициатором закрытия Олонецкого совестного суда был министр юстиции В. Н. Панин, что делает отличным механизм закрытия этого суда от механизмов закрытия совестных судов в Астрахани и Архангельске, где инициаторами выступали местные власти (начальники губерний). Кадровый и финансовый вопрос в Олонецком совестном суде не стоял так остро, как, к примеру, в соседней Архангельской губернии. Закрытие Олонецкого совестного суда проходило не только как реорганизация судебной системы Олонецкой губернии, но и как государственное мероприятие, направленное на экономию бюджетных средств.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Олонецкая губерния, Архангельская губерния, совестный суд, министерство юстиции, судейский корпус, дореформенный суд, судебная система Российской империи

Д л я ц и т и р о в а н и я : Подлесных С. Н. К вопросу о причинах закрытия Олонецкого совестного суда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 52–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1182

ВВЕДЕНИЕ

Главнейшим законодательным источником для судебной системы Российской империи в 1770–1860-е годы были «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года [7: 118]. Судостроительство образца 1775 года было построено на сословном принципе [1: 27]. Наряду с губернскими судебными местами (палаты уголовного и гражданского суда) был учрежден еще один всесословный судебный орган – совестный суд [5: 24]. В целом судебный процесс в совестном суде был направлен на защиту частного интереса [11: 458].

В Олонецкой губернии, которая была восстановлена именным указом от 9 сентября 1801 года¹, в судостроительстве были свои особенности. С 1835 года здесь действовала одна судебная палата – уголовного и гражданского суда. Пред-

седатель Олонецкой палаты уголовного и гражданского суда определялся от правительства, а не по выборам местным дворянством².

На наш взгляд, в современной отечественной историографии недостаточно уделяется внимания истории учреждения, деятельности и упразднению совестных судов. Отдельные статьи по данной теме в основном посвящены вопросам функционирования совестных судов [2], [4], [13]. Причины закрытия совестных судов не получили самостоятельного изучения в отечественной историографии. В работе А. Н. Сабанцева [12], посвященной судебным учреждениям Олонецкой губернии, также не рассматривается упразднение местного совестного суда.

* * *

В начале 1848 года министр юстиции граф В. Н. Панин сообщал:

«Имея постоянное наблюдение за течением дел в судебных местах министр юстиции усмотрел, что в минувшие три года производилось в Олонецком совестном суде дел:

В 1844 – 8;

1845 – 12;

1846 – 19, всего 39, а по трехлетней сложности выходит по 13 дел на год»³.

Ввиду такого незначительного количества дел Панин

«предположил закрыть Олонецкий совестный суд, а дела оного присоединить к тамошней Палате уголовного и гражданского суда с учреждением при оной для сих дел одного стола, подобно тому как в минувшем 1847-м году закрыт Архангельский совестный суд»⁴.

В сравнении с иными совестными судами России в Олонецком совестном суде рассматривалось мало дел. К примеру, в Архангельской губернии в совестный суд за период 1844–1846 годов поступило 81 дело⁵.

Именно В. Н. Панин являлся инициатором закрытия Олонецкого совестного суда⁶, тогда как в Астрахани (1828 год) [10] и Архангельске (1847 год) – сами местные власти⁷. Свои предложения по этому вопросу министр сообщил гражданскому губернатору Олонецкой губернии Х. Х. Повало-Швейковскому. Со своей стороны губернатор указал, что

«не встречает препятствия, а признает только неудобным возложить производство дел совестного суда в Палате на секретаря уголовной части, потому что нередко в суде этом случаются дела гражданские, на секретаря же по гражданской части потому, что производятся и дела уголовные»⁸.

По мнению губернатора, при судебной палате необходимо учредить

«особое отделение в составе секретаря, столоначальника и писца среднего разряда, назначив особую сумму на отопление, освещение и канцелярские расходы сего отделения, так как по штату Палаты отпускается весьма ограниченная на этот предмет сумма, и одновременно на омебелирование: ибо в суде приличной мебели ныне нет»⁹.

Основная цель, которую преследовало министерство юстиции, закрывая Олонецкий совестный суд, – оптимизация финансирования судебной системы Российской империи. Министерство юстиции, на которое еще со времен Александра I была возложена функция судебного управления [3], [6], не учитывало специфики видов судопроизводства (уголовного и гражданского), для которых готовятся «свои кадры». Губернатора волновал вопрос эффективности судопроизводства, министра юстиции – вопрос экономии денег.

В своем предложении о закрытии Олонецкого совестного суда Панин приводит статистику рассмотренных дел в Олонецкой палате уголовного и гражданского суда за период 1844–1846 годов. Так, в 1844 году в местной судебной палате производилось 732 дела, в 1845 году – 688 дел, в 1846 году – 750 дел¹⁰. Министр отмечал, что в Архангельской губернии дел в судебной палате за период 1844–1846 годов производилось меньше, чем в Олонецкой судебной палате: в 1844 году было рассмотрено 419 дел, в 1845 году – 554 дела, в 1846 году – 553 дела¹¹. Дел, производимых в Архангельском совестном суде до 1847 года, было больше, чем дел, производимых в Олонецком совестном суде¹². В этой связи Панин писал, что

«при ограниченности числа дел, производившихся в Олонецком совестном суде (по 13 дел ежегодно), весьма достаточно для дел оного открыть при Олонецкой палате уголовного и гражданского суда один стол»¹³.

По поводу неудобства подчинить одного столоначальника двум секретарям В. Н. Панин отвечал олонецкому губернатору следующее:

«Оное легко может быть устранено поручением заведывания делами совестного суда одному секретарю, который имеет менее другого занятий, причем не встречается никакого неудобства, если секретарь, заведывающий гражданской частью, будет по делам совестного суда заниматься делами уголовными, или наоборот»¹⁴.

При закрытии Архангельского совестного суда в 1847 году вновь открытому столу в Архангельской судебной палате не было назначено «ни особой суммы, ни канцелярские материалы, ни пособия на устройство мебели». Министр юстиции, принимая во внимание ходатайство губернатора Повало-Швейковского о выделении денег, а также учитывая то, что в Олонецкой судебной палате дел производится больше, чем в соседней Архангельской судебной палате, просьбу олонецкого губернатора удовлетворил. Вновь открываемому столу при Олонецкой судебной палате в 1848 году были назначены особые суммы на отопление, освещение и канцелярские расходы¹⁵. В. Н. Панин считал, что

«все вообще причины и обстоятельства, служившие поводом к закрытию Архангельского совестного суда, могут быть отнесены и к Олонецкому совестному суду, где также председатель и члены назначаются не по выборам, а от Правительства»¹⁶.

Основными причинами, послужившими к закрытию Архангельского совестного суда, были два обстоятельства: малое количество дел, поступающих на рассмотрение в совестный суд, и отсутствие штатного количества служащих

в суде, вызванное недостаточным государственным финансированием¹⁷.

Необходимо отметить, что финансовая составляющая как причина закрытия Олонецкого совестного суда не совсем состоятельна. В соседней Архангельской губернии жалование чиновникам не поднимали с 29 января 1780 года¹⁸. Хотя архангельский губернатор в 1806 году ходатайствовал перед правительством об увеличении жалования в губернии, его просьба осталась без удовлетворения¹⁹. Напротив, жалование в Олонецкой губернии чиновникам было увеличено указом от 23 февраля 1804 года²⁰. По состоянию на 1848 год олонецкий совестный судья к моменту упразднения должности получал 214 руб. 43 коп.²¹ По состоянию на 1847 год архангельский совестный судья к моменту упразднения должности имел жалование 171 руб. 59 коп.²²

Вопрос низкого материального обеспечения совестных судей и их канцелярии в Олонецкой губернии не был таким острым, как, к примеру, в Архангельской губернии²³. Вероятно, в Олонецкой губернии кадровый вопрос сглаживали льготы, которые устанавливались для лиц, желающих отправиться сюда на службу [9: 61]. В целом Олонецкая губерния для службы была более привлекательной, чем соседняя Архангельская губерния [8: 28–29].

1 ноября 1848 года в Департаменте законов Государственного совета представление Панина о закрытии Олонецкого совестного суда было удовлетворено²⁴. Все дела, как решенные, так и нерешенные, передавались в местную судебную палату, при которой учреждался особый стол из одного столоначальника и двух писцов среднего и низшего разряда. Разово были вы-

делены средства в размере 50 руб. на приобретение мебели²⁵.

До закрытия Олонецкого совестного суда государство в год тратило на него 897 руб. 57 коп. (жалование, канцелярские расходы)²⁶. По итогу его закрытия министерство юстиции хорошо сэкономило на этой реорганизации. Часть денег (414 руб. 40 коп.) шла на содержание вновь открывшегося стола в Олонецкой судебной палате. Остальные деньги (483 руб. 17 коп. серебром) ежегодно причислялись к запасным суммам министерства юстиции²⁷.

Расходы на содержание нового стола, призванного в местной судебной палате отвечать за делопроизводство упраздненного совестного суда, в размере 414 руб. 40 коп. шли из бюджета, ранее направлявшегося на содержание Олонецкого совестного суда²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам исследования не были выявлены явные проблемы с кадровым составом Олонецкого совестного суда, как, к примеру, это подчеркивалось в случаях при закрытии Астраханского совестного суда и Архангельского совестного суда. Фактически единственной причиной закрытия Олонецкого совестного суда в 1848 году явилось малое количество дел, производящихся в этом судебном учреждении. Вопрос материального обеспечения совестного суда в Олонецкой губернии не являлся явной причиной его закрытия. Инициатором закрытия был министр юстиции В. Н. Панин. В 1848 году государство не просто реорганизовало судебную систему Олонецкой губернии, но еще и выиграло на экономии денег более чем в два раза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Именной, данный Сенату Указ от 9 сентября 1801 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XXVI. Отд. 1. № 20004. СПб.: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 775.

² Учреждение палат уголовного и гражданского суда // СЗРИ. Т. II. Ч. I. СПб.: Типогр. II отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. С. 474.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 3. Д. 76. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2–2 об.

⁵ Там же. Д. 75. Л. 11.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 39. Л. 2 об.; Там же. Оп. 3. Д. 75. Л. 9.

⁷ Там же. Д. 76. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 2 об.–3.

⁹ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁰ Там же. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 4 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁶ Там же. Л. 6 об.

¹⁷ Там же. Д. 75. Л. 9.

- ¹⁸ Там же. Л. 7 об.
¹⁹ Там же. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 38. Л. 5–5 об.
²⁰ Там же. Д. 99. Л. 28–28 об.
²¹ Там же. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 76. Л. 4.
²² Там же. Д. 75. Л. 11.
²³ Там же. Л. 6 об.–8.
²⁴ Там же. Д. 76. Л. 10.
²⁵ Там же. Л. 8.
²⁶ Там же. Л. 4.
²⁷ Там же. Л. 8.
²⁸ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амплеева Т. Ю. Судебная реформа Екатерины Великой // Право и государство: теория и практика. 2007. № 9 (33). С. 22–28.
2. Баранов Ю. В. Судебная практика Московского совестного суда (1782–1861 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 67–73. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73
3. Доронин А. М. Исторические предпосылки создания Министерства юстиции Российской империи (историко-правовой очерк) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 13–15. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_8_13
4. Ефремова И. С. «Охота на ведьм» в курском наместничестве в XVIII веке (по материалам Городового магистрата и совестного суда) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 1–5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/137> (дата обращения 10.01.2025).
5. Илюхина В. А., Агафонов С. Ю. Институт совестного суда в Российской империи (1775–1852) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 1. С. 23–32. DOI: 10.24412/2309-152-2024-1-23-32
6. Карих А. В., Самусевич А. Г. Предпосылки образования Министерства юстиции в Российской империи в 1802 г. // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 28–35.
7. Петров К. В. Правовые механизмы обеспечения эффективности работы судебных органов Российской империи в законе от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 118–122.
8. Плех О. А. Состав чиновничества Архангельской губернии в первой половине XIX века // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 1. С. 16–63. DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-1-1
9. Плех О. А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 2. С. 58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450
10. Подлесных С. Н. Астраханский совестный суд: история присоединения к палате уголовного и гражданского суда (1828 год) // Кавказология. 2024. № 4. С. 40–53. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53
11. Подлесных С. Н. Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775–1866 годы // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 10. С. 445–462. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462
12. Сабанцев А. Н. Судебные учреждения Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 161 с.
13. Самсонов А. А. Новгородский совестный суд // История государства и права. 2015. № 6. С. 42–47.

Поступила в редакцию 10.02.2025; принята к публикации 07.04.2025

Original article

Sergey N. Podlesnykh, Cand. Sc. (Law), Associate Professor,
Voronezh State University of Forestry and Technology named
after G. F. Morozov (Voronezh, Russian Federation)
ORCID 0009-0001-2613-5777; agera3@yandex.ru

REVISITING THE REASONS FOR THE CLOSING OF THE OLONETS COURT OF CONSCIENCE

Abstract. Based on unpublished documents from the Russian State Historical Archive and legislative acts, an attempt was made to analyze the reasons for the dissolution of the court of conscience in the Olonets Province in 1848. The relevance of the research topic is due to the absence of domestic historiographical works examining the abolition of courts of conscience in the Russian Empire. Moreover, consideration of issues related to the activities of domestic courts of conscience helps to analyze more deeply the state of the entire pre-reform judicial system. The article analyzes the reasons for the dissolution of the Olonets Court of Conscience in 1848 in comparison with the Astrakhan Court of Conscience closed in 1828 and the Arkhangelsk Court of Conscience closed in 1847. It is concluded that in the Olonets

Province, the main reason for the closing of this court was a small number of cases pending in this judicial institution. The closing of the Olonets Court of Conscience was initiated by the Minister of Justice, V. N. Panin, while in the Astrakhan and Arkhangelsk provinces different administrative mechanism was used and the closing of their respective courts was initiated by local authorities (the heads of provinces). The personnel and financial issues in the Olonets Court of Conscience were not as challenging as, for example, in the neighboring Arkhangelsk Province. The closing of the Olonets Court of Conscience took place not only as part of the reorganization of the judicial system of the Olonets Province, but also as a state event aimed at saving budget funds.

Key words: Olonets Province, Arkhangelsk Province, court of conscience, Ministry of Justice, judicial corps, pre-reform court, judicial system of the Russian Empire

For citation: Podlesnykh, S. N. Revisiting the reasons for the closing of the Olonets Court of Conscience. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):52–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1182

REFERENCES

1. Ampleeva, T. Yu. Judicial reform of Catherine the Great. *Law and State: Theory and Practice*. 2007;9(33):22–28. (In Russ.)
2. Baranov, Yu. V. Judicial practice of the Moscow Court of Conscience (1782–1861). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2020;1:67–73. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73 (In Russ.)
3. Doronin, A. M. Historical background of the creation of the Ministry of Justice of the Russian Empire (historical and legal essay). *Law and State: Theory and Practice*. 2022;8(212):13–15. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_8_13 (In Russ.)
4. Efremova, I. S. “Witch hunt” in the Kursk Viceroyalty in the XVIII century (based on the materials of the City Magistrate and the Court of Conscience). *Uchyonye zapiski. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2019;1(49):1–5. Available at: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/137> (accessed 10.01.2025). (In Russ.)
5. Ilyukhina, V. A., Agafonov, S. Yu. The institute of the court of conscience in the Russian Empire (1775–1852). *Historical and Legal Problems: A New Perspective*. 2024;1:23–32. DOI: 10.24412/2309-152-2024-1-23-32 (In Russ.)
6. Karikh, A. V., Samusevich, A. G. Prerequisites for the formation of the Ministry of Justice in the Russian Empire in 1802. *Legal Science: History and the Presence*. 2022;6:28–35. (In Russ.)
7. Petrov, K. V. Legal means for giving effective work to the Russian Empire judicature stated in the Law of “Institutions for Governance of the Provinces” dated by 7 November 1775. *Leningrad Legal Journal*. 2008;4:118–122. (In Russ.)
8. Plekh, O. A. Composition of the Arkhangelsk Governorate officialdom in the first half of the 19th century. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*. 2021;5(1):16–63. DOI: 10.23859/2587-8344-2021-5-1-1 (In Russ.)
9. Plekh, O. A. Staff composition of civil service institutions in the Olonets Province during the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(2):58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450 (In Russ.)
10. Podlesnykh, S. N. Astrakhan Conscientious Court: history of accession to the Chamber of Criminal and Civil Courts (1828). *Caucasology*. 2024;4:40–53. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-40-53 (In Russ.)
11. Podlesnykh, S. N. Justices of peace in Russian Empire as an alternative to formal judicial proceedings: 1775–1866. *Scientific Dialogue*. 2024;13(10):445–462. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462 (In Russ.)
12. Sabantsev, A. N. Judicial institutions of the Olonets Province from the late XVIII to the early XX centuries. Petrozavodsk, 2005. 161 p. (In Russ.)
13. Samsonov, A. A. Novgorod Court of Conscience. *History of State and Law*. 2015;6:42–47. (In Russ.)

Received: 10 February 2025; accepted: 7 April 2025

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8240-6703; profitens@yandex.ru

ПОИСК ИСАКОВСКОГО ОСТРОВА НА ВЫГОЗЕРЕ

А н н о т а ц и я . Впервые предпринимается попытка локализации острова на Выгозере, на котором находилось поселение Исакия Богомолова, а позднее возникла староверческая часовня. На основании анализа письменных источников были определены два направления возможного поиска острова: 1) в северной оконечности Выгозера, недалеко от деревни Койкиницы и 2) напротив устья реки Сиговец. Выяснено, на каком расстоянии искомый остров находился от Выгозерского погоста, располагавшегося на современном острове Погост. Так как ландшафт территории вокруг Выгозера был изменен в результате строительства Беломорско-Балтийского канала, для его реконструкции были привлечены старые карты 1727–1728, 1745, 1788, 1896, 1930 годов, а также лоция Беломорско-Балтийского канала 1959 года. На основе изучения картографического материала были восстановлены утраченные названия некоторых островов и рек. Произведена ландшафтная реконструкция Выгозерской округи до 1932 года. Выдвинуто предположение, что остров, лежащий напротив устья исчезнувшей реки Сиговец, имеет современное название Малый Бабий.

Ключевые слова: старообрядчество, Выгозеро, локализация острова, карты Беломорско-Балтийского канала, антропогенное воздействие на природу, ретроспективная ландшафтная реконструкция

Для цитирования: Старицын А. Н. Поиск Исаковского острова на Выгозере // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 57–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1183

ВВЕДЕНИЕ

На одном из островов Выгозера в первой половине XVIII века существовала староверческая часовня, местоположение которой, как и самого острова, в настоящее время неизвестно. Из источников следует, что остров называли Березовый или Исаковский по имени погибшего на нем подвижника древнего благочестия Исакия Богомолова. Многие поселения и памятные места, находившиеся на берегах и островах Выгозера и соседних водоемов, исчезли при строительстве Беломорско-Балтийского канала в 1932–1933 годах. После ввода в эксплуатацию Надвоицкой плотины уровень воды в Выгозере поднялся на 6,35 м, было затоплено 703 км² суши. Исчезли десятки деревень, островов, прекратили существование многие озера и реки. Образовавшееся водохранилище стало частью трассы Беломорско-Балтийского канала [2: 419–421, 428]. Неизвестно, сохранился ли Исаковский остров при затоплении или исчез, как исчезли многие острова. Названия как искомого острова, так и других топонимов и гидронимов могли с течением времени измениться. Попытаемся уста-

новить предполагаемое место существования часовни и современное название острова, на котором она находилась. Очевидно, что для локализации Исаковского острова необходимо реконструировать ландшафт Выгозерской округи, существовавший до создания Выгозерского водохранилища, и сопоставить географические реалии XVIII века с современными.

СВЕДЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ОБ ОСТРОВЕ

Как отмечалось в научной литературе, изменение природного ландшафта в результате вмешательства человека является одной из значительных проблем исторической географии при ретроспективных ландшафтных реконструкциях [1: 29], [3: 55]. Чтобы сфокусировать внимание на конкретных участках при реконструкции, попытаемся выявить географическую информацию из всех известных на сегодня письменных источников, упоминающих об Исакии Богомолове и острове, на котором он погиб.

1) В сочинении «Извещение праведное о расколе беспоповщины», написанном бывшим старовером Григорием Яковлевым, перешед-

шим в лоно официальной церкви, сообщается, что во второй половине XVII века новгородец Исакий Богомоллов ушел со своей семьей на Выгозеро и поселился «на Березове острове»¹. Поселенцы не смогли справиться с тяжелыми лишениями и умерли от голода. Староверы, обнаружившие и похоронившие их тела, стали почитать их святыми и построили часовню над могилой Богомолловых. По утверждению Г. Яковлева, сами староверы разобрали часовню во время работы комиссии О. Т. Квашнина-Самарина по доносу И. Круглого². Была ли она восстановлена впоследствии, неизвестно.

2) В староверческом помяннике, составленном в Выговском общежительстве в начале XIX века и получившем название «Синодик Выгорецкий», в главе «Вскрай Выгозера гладом скончав[шиеся]» кроме Исакия названы три женских имени: Ксении, Феодоры и Ксении девицы³. Издавший этот памятник известный литературовед и этнограф А. Н. Пыпин отмечал, что его главный интерес составляет отдел, где перечислены (иногда по именам) подвижники, пострадавшие за старую веру, с указанием места и года гибели. Хронологический диапазон зафиксированных в «Синодике Выгорецком» событий ученый определил с 1676 по 1738 год⁴.

3) В 60-х годах XVIII века выговский писатель Василий Данилов Шапошников на основе бытовавшего на Выгу устного предания о подвижнике благочестия, поселившемся на необитаемом острове Выгозера, составил «Повесть об Исакии Богомоллове» [4: 560]. В повести приводятся более подробные сведения о Богомоллове. Он был богатым соляным промышленником из Старой Руссы. Его сын Иоанн был схвачен в Великом Новгороде по обвинению в староверии и казнен. Исакий, его жена Ксения, дочь Ксения и сноха Феодора решили уйти в отдаленные труднодоступные места, чтобы избежать принудительного отречения от веры и сохранить старое благочестие. Беглецы, выдававшие себя за паломников, следовавших в Соловецкий монастырь, через Шунгу и Повенец добрались до села Телекино, стоявшего на так называемой морской дороге. Там они купили лодку, но не поплыли к Белому морю на Соловки, а высадились на одном из островов Выгозера. По прошествии нескольких лет их поселение было обнаружено охотниками – крестьянами из деревни Койкиницы Выгозерского погоста. Все поселенцы к тому времени уже умерли. В повести говорится, что Исакий проплыл на север озера и пристал к одному из островов, нахо-

дившемуся в северной стороне озера. Здесь же приводится рассказ старца Сергия от 1692 года, что до принятия иноческого пострига он вместе с товарищем охотился зимой на оленей в северной части Выгозерского погоста. Возвращаясь в деревню Койкиницы, охотники проходили на лыжах по льду через озеро мимо острова, на котором они заметили неизвестное им строение. В доме они обнаружили четыре мертвых тела, которые предали погребению. Позднее, оказавшись на Шунгской ярмарке, койкиницкие охотники рассказали жителям Шунги о своей находке. А те, догадавшись, что это был Исакий Богомоллов со своей семьей, в свою очередь поведали им о подвижнике благочестия, раздавшем нищим свое имущество и удалившемся на пустынный остров. Один из охотников, вдохновившись поступком Богомоллова, тоже ушел в леса на реку Выг. Он принял постриг от инок Корнилия с именем Сергия. Когда уже было основано Выгорецкое общежительство, староверы разыскали остров, получивший название Исаковский, и над могилой Богомолловых поставили часовню [4: 186–193].

4) В следственном деле о выговских староверах по доносу крестьянина Выгозерского погоста Ивана Круглого содержатся важные свидетельства очевидца событий. Иван Круглый во время допроса в Синоде в июле 1738 года заявил, что Семен Денисов на острове, недалеко от устья реки Сиговец, поставил часовню над могилой, где погребены «умершие раскольники новгородцы мужеский пол и женский»⁵. В часовне имелись образа, в ней никто не жил, но туда приезжал Семен Денисов и пел панихиды. Часовню строили крестьяне Выгозерского погоста, нанятые Семеном Денисовым⁶. Так как Г. Яковлев и В. Д. Шапошников называли Богомоллова новгородцем, не вызывает сомнения, что в своем доносе И. Круглый имел в виду именно Исакия и его семью. Ни о каких других новгородцах, погибших на Выгозере от голода, в источниках не сообщается. Поскольку И. Круглый давал показания против староверов, желая нанести им наибольший урон, очевидно, что он предоставил в распоряжение Синода точные координаты острова, на котором находилась часовня. В ходе работы комиссии О. Т. Квашнина-Самарина староверы были вынуждены разобрать часовню⁷.

ВЕРСИИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ОСТРОВА

Суммируя сведения из письменных источников, получаем довольно ясное представление

о первой половине пути Исакия Богомолова. Он двигался от села Телекино до Выгозера, где на одном из островов высадился со своей семьей. Село Телекино находилось на берегу озера Телекинское, из которого вытекала река Телекинская (Телекинка), впадавшая в Выгозеро. И село, и река исчезли в результате строительства Беломорско-Балтийского канала в 1933 году, но установить их местонахождение в XVIII веке представляется возможным, если произвести ретроспективную ландшафтную реконструкцию при помощи старых карт. Вторая половина пути Исакия Богомолова и его конечная цель, приведшая к высадке на необитаемый остров, вызывают вопросы, так как источники содержат противоречивую информацию. Возникают две версии расположения острова.

1) Первая версия опирается на «Повесть об Исакии Богомолове», в которой говорится, что Исакий двигался по Выгозеру в северную сторону и высадился на острове, предположительно лежащем в северной стороне озера. Из повествования следует, что остров располагался на севере от деревни Койкиницы, и его нельзя было миновать, возвращаясь в деревню с севера. Действительно, на севере от Койкиниц находился остров (обозначен на плане генерального межевания 1788 года⁸), от которого после затопления в 1933 году остался риф, называемый Березовым. Важно отметить, что в сообщении Григория Яковлева остров, где погиб Исакий Богомолов, назван Березовым. Однако представляется сомнительным, что остров, находящийся вблизи (меньше 1 км) от жилой деревни (10 дворов в 1678 году⁹), не посещался крестьянами, и люди, поселившиеся на нем, никак не обнаружили себя и оставались в течение года незамеченными. В «Повести об Исакии Богомолове» говорится, что охотники, возвращаясь с северной стороны, проходили мимо лежащего на их пути острова и заметили на нем незнакомое им строение. Выходит, поселение Исакия очень просто было обнаружить, но за все время проживания новгородцев на острове крестьяне из расположенной поблизости деревни только один раз сходили на охоту, не говоря о том, что на ближайших к выгозерским деревням необитаемых островах в условиях скудной северной природы, как правило, устраивались покосы или другие сельскохозяйственные угодья. Крестьяне тщательно отслеживали все удобные места, за которые шла постоянная конкурентная борьба между жителями соседних деревень и волостей. Несмотря на высказанные

сомнения, мы не располагаем основательными доказательствами, чтобы отвергнуть эту версию и обвинить В. Д. Шапошникова в злонамеренном искажении фактов. «Повесть об Исакии Богомолове» – литературное произведение, но, создавая его, В. Д. Шапошников опирался на воспоминания (50-летней давности) многочисленных современников описываемых событий.

2) Другая версия основывается на указании Ивана Круглого, что река, по которой Исакий приплыл на Выгозеро, называлась Сиговец и что недалеко от устья этой реки располагался остров, где находилась построенная староверами часовня над могилой Богомоловых. Данные указания ограничивают пространство поиска устьем реки Сиговец и ближайшими к нему островами. Но реку с таким названием на современных картах не удалось обнаружить. Можно предположить, что И. Круглый так называл реку Телекинскую, на которой недалеко от устья находился порог Сиговец, а остров, образовавшийся в районе устья реки Телекинской после подъема уровня воды, тоже получил название Сиговец. Действительно, на картах Олонецкого уезда 1727¹⁰ и 1728¹¹ годов, изготовленных геодезистом Акимом Клешниним, река, вытекающая из Маткозера¹² (на его берегу обозначена деревня Телекинская) и впадающая в Выгозеро, названа Сиговец. Следовательно, в 1730-е годы, когда И. Круглый жил в Выгозерском погосте и когда он давал показания в Синоде, река именовалась Сиговец. Такое же название реки присутствует на карте № 2, входящей в Атлас Российской империи 1745 года¹³. Версия И. Круглого исходит от непосредственного очевидца и участника событий, который своими глазами видел часовню и достаточно хорошо ориентировался на местности, чтобы указать, где она находилась.

Местоположение деревни Койкиницы, исчезнувшей после затопления берегов Выгозера в 1933 году, несложно установить при помощи планов генерального межевания 1788 года¹⁴. Также с высокой долей вероятности определяется предполагаемый остров Березовый.

Сложнее оказалось отыскать устье реки Сиговец = Телекинская. Карта 1930 года, хранящаяся в НА РК¹⁵, которую использовали авторы статьи «Антропогенная трансформация и хозяйственное использование озера Выгозеро», дает приблизительное представление о месте впадения реки в Выгозеро. Тем не менее на основе этой карты при помощи ГИС-технологий авторами была составлена карта бассейна Выгозера в границах, бывших до 1932 года, с указанием

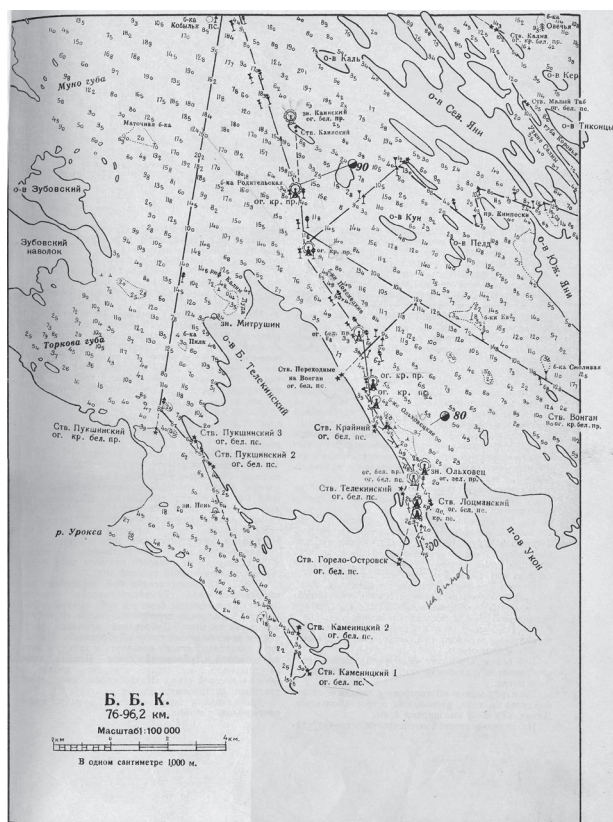

Рис. 1. Лоция Беломорско-Балтийского канала 1958 года (Лоция Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Медвежьегорск, 1959. Л. 12)

Figure 1. Sailing directions of the White Sea-Baltic Canal in 1958 (Sailing directions of the White Sea-Baltic Canal named after Stalin. Medvezhyegorsk, 1959. Sheet 12)

Рис. 2. Карта Северного района Беломорско-Балтийского водного пути 1930 года (Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-563. Оп. 1. Д. 18)

Figure 2. Map of the Northern area of the White Sea-Baltic Waterway in 1930 (National Archives of the Republic of Karelia. Collection R-563. Inventory 1. Case 18)

затопленных мест. По реконструкции А. В. Литвиненко¹⁶ устье реки Телекинской (Сиговец) находилось у северной оконечности острова Сиговец [2: 420].

Историк и краевед П. И. Шаранов привлек для выявления устья реки Телекинской карту 1930 года и лоцию Беломорско-Балтийского канала 1958 года (рис. 1).

Предположив, что обозначенный на лоции фарватер справа от острова Б. Телекинский (так на карте 1959 года назван остров Сиговец) совпадает с руслом исчезнувшей реки, П. И. Шаранов высказал мнение, что место впадения реки Телекинской в Выгозеро находилось справа от северного мыса острова Сиговец. Недалеко от впадения реки в озеро существовали пороги Сиговец и Ольховец.

Так как реконструкции А. В. Литвиненко и П. И. Шаранова дали сходные результаты, примем их за основу для дальнейших поисков. На карте Северного района Беломорско-Балтийского водного пути 1930 года (масштаб: 1 см –

2500 м), которую использовали для своих реконструкций А. В. Литвиненко и П. И. Шаранов, самым ближайшим к устью реки Телекинской показан остров Бабий (рис. 2).

На северо-западе от острова Бабий на карте изображены два острова – один мелкий и один крупный без названий. На северо-востоке показаны три маленьких острова, также без названий¹⁷. На более подробном плане Северного района Беломорско-Балтийского водного пути 1930 года (масштаб: 1 см – 500 м) остров Бабий обозначен как Бобк (рис. 3)¹⁸.

Крупный остров на северо-западе от него назван Коинный¹⁹. Из трех мелких островов на северо-востоке от острова Бабий два имеют названия: Кум²⁰ и Канин²¹. На плане Повенецкого уезда 1896 года (масштаб: 1 дюйм – 2 версты) напротив устья реки Телекинской изображен только один остров – Пелдостров²². На плане генерального межевания 1788 года (Повенецкий уезд, ч. 5) напротив устья реки изображены несколько островов, один из которых крупный, остальные мелкие²³.

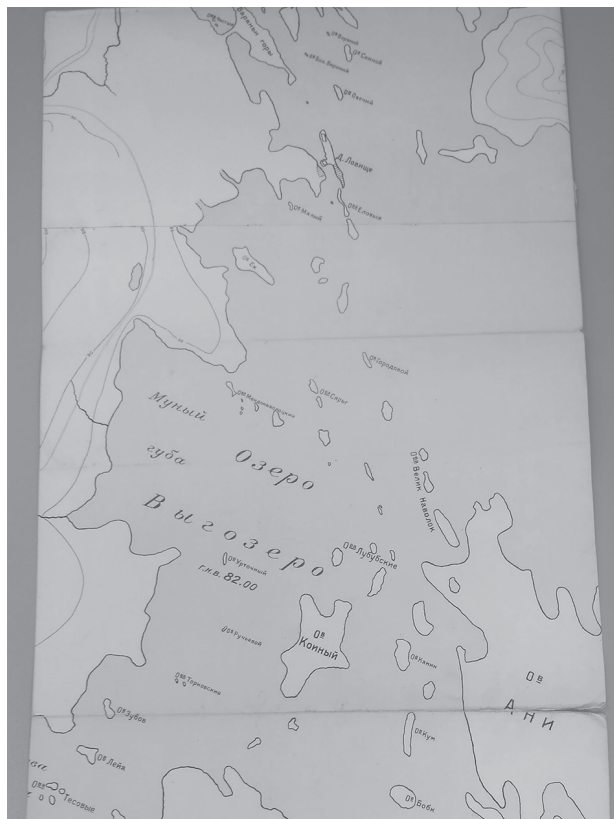

Рис. 3. План Северного района Беломорско-Балтийского водного пути 1930 года (Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 1/16)

Figure 3. Plan of the Northern area of the White Sea-Baltic Waterway in 1930 (National Archives of the Republic of Karelia. Collection R-167. Inventory 1. Case 1/16)

Возможно, после затопления от крупного острова осталась группа островов, известных как Большой и Малый Яни. Более мелкие острова, изображенные на плане генерального межевания, с которыми можно отождествить такие острова, как Пелд, Кун, Малый Бабий, возможно, не были затоплены вовсе или затоплены частично. Как видим, ретроспективная реконструкция позволяет сузить круг поиска, ограничивая его небольшой группой островов, находящихся между островом Сиговец и островами Большой и Малый Яни²⁴.

Важным моментом в показаниях И. Круглого является указание расстояния от острова, на котором находилась часовня, до Выгозерского погоста – 20 верст. Применим эти сведения для верификации двух вышеизложенных версий расположения Исаковского острова. По словам И. Круглого, остров с часовней отсто-

ял от Выгозерского погоста на 20 верст, то есть на 21 км 336 м²⁵. Место, где находился Выгозерский погост, определяется при помощи плана генерального межевания 1788 года (Повенецкий уезд, ч. 5)²⁶. На современной карте это место соответствует острову Погост. На расстоянии 21 км 336 м от средней части острова Погост расположен остров Малый Бабий. Риф Березовый этим условиям не отвечает, так как удален от острова Погост на расстояние около 40 км по прямой. Таким образом, последний имеющийся в нашем распоряжении аргумент при выборе наиболее правдоподобной версии нахождения Исаковского острова склоняет чашу весов в пользу острова Малый Бабий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование метода ретроспективной ландшафтной реконструкции может быть эффективным при локализации памятных мест, находившихся в районе антропогенного воздействия на природу, повлекшего за собой исчезновение многих гидронимов и топонимов. В случае с Исаковским островом в результате анализа письменных и картографических источников были высказаны две версии о месте (напротив устья реки Сиговец или рядом с деревней Койкиницы), где он предположительно находился в XVIII веке. Положение острова Березовый (по одной версии) устанавливается при помощи старых карт. После определения места бывшего устья реки Сиговец (Телекинская) был определен круг островов (по другой версии), подходящих по своему расположению к содержащейся в источниках информации. Показания И. Круглого предоставляют в распоряжение исследователей весомый аргумент в пользу второй версии, согласно которой остров Малый Бабий есть искомый Исаковский остров. Он не исчез полностью из-за подъема уровня воды, но вследствие изменения ландшафта утратил свое прежнее название. Тем не менее, несмотря на имеющиеся в показаниях И. Круглого доказательства существования часовни на острове Малый Бабий, нет опирающегося на источники объяснения несостоятельности версии В. Д. Шапошникова, что не позволяет принять окончательное решение. Для подтверждения или опровержения той или иной версии необходимы дальнейшие изыскания, в том числе непосредственно на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [Яковлев Григорий] Бывшаго безпоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе безпоповщины (С приложением «карты Суземка раскольнического» и «Летописца Выговского»). М., 1888. С. 87.

- ² Там же.
- ³ Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий синодик. Второе издание синодика по четырех рукописям XVIII – XIX в. СПб., 1883. С. 26.
- ⁴ Там же. С. V.
- ⁵ Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб., 1861. Т. 1. С. 442.
- ⁶ Там же.
- ⁷ [Яковлев Григорий] Бывшаго безпоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе безпоповщины. С. 87.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 годов (коллекция). Оп. 1. Д. 3357. Повенецкий уезд, ч. 5.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Д. 1137. Л. 299 об.
- ¹⁰ Рукописная карта уезда, хранящаяся в Париже в Национальной библиотеке Франции в Коллекции карт и рукописей Жозефа-Николя Делиля: «Detail du lac d’Onega, pres ou en Finland». Доступна в сети Интернет на сайте: gallica.bnf. fr.
- ¹¹ Атлас Всероссийской Империи. Собрание карт И. К. Кирилова. СПб., 1734.
- ¹² Современное название озера – Телекинское.
- ¹³ Карта имеет название: «Положение мест между городом Архангельским, Санкт Петербургом и Вологдою». См.: Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорския академии наук. СПб., 1745. Карта № 2.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 годов (коллекция). Оп. 1. Д. 3357. Повенецкий уезд, ч. 5.
- ¹⁵ Авторы статьи указали: НА РК. Ф. 563. Остреченское волостное попечительство Российского общества Красного Креста (1904–1907). Оп. 1. Д. 18, но, по всей видимости, они имели в виду Ф. Р-563. Коллекция картографических документов (1917–2005).
- ¹⁶ Авторство реконструкции условно названо по фамилии первого автора статьи.
- ¹⁷ НАРК. Ф. Р-563. Коллекция картографических документов (1917–2005). Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- ¹⁸ НАРК. Ф. Р-167. Беломорстрой. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 1.
- ¹⁹ После частичного затопления от него осталась группа остров Каинских.
- ²⁰ Возможно, имеется в виду о. Кун.
- ²¹ При сличении расположения островов на плане 1930 года с современной картой можно предположить, что под островом Кум имелся в виду о. Пелд, под островом Канин – о. Кун.
- ²² НАРК. Ф. 754. Коллекция карт, планов, чертежей. Оп. 1. Д. 13. Л. XI.
- ²³ РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 годов (коллекция). Оп. 1. Д. 3357.
- ²⁴ На современных картах название островов изменено: Большой и Малый Янц.
- ²⁵ 1 верста = 1067 м.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 годов (коллекция). Оп. 1. Д. 3357.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коновалова И. Г. Историческая география в исследовательском поле исторической науки // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 года. М., 2011. С. 22–30.
2. Литвиненко А. В., Филатов Н. Н., Богданова М. С., Карпенко В. А., Литвинова И. А., Сало Ю. А. Антропогенная трансформация и хозяйственное использование озера Выгозеро // Водные ресурсы. 2014. Т. 41, № 4. С. 419–428.
3. Низовцев В. А. Принцип актуализма в ретроспективных реконструкциях ландшафтов // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): Материалы V междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 года). СПб., 2015. Ч. 1. С. 53–56.
4. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. 687 с.

Поступила в редакцию 26.09.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Alexander N. Staritsyn, Cand. Sc. (History), Research Associate, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8240-6703; profitens@yandex.ru

THE SEARCH FOR ISAKIY'S ISLAND ON LAKE VYGOZERO

Abstract. This study presents, for the first time, an attempt to localize an island on Lake Vygozero, historically associated with the settlement of Isakiy Bogomolov, where an Old Believer chapel was later established. Through the analysis of historical documents, two potential search areas for the island were identified: (1) at the northern tip of Lake Vygozero, near the village of Koikinitsey, and (2) opposite the mouth of the Sigovets River. The research also determined the approximate distance between the sought-after island and the Vygozero Pogost, situated on modern Pogost Island. Given the landscape alterations resulting from the construction of the White Sea-Baltic Canal, the study reconstructed the historical environment using archival maps dating from 1727–1728, 1745, 1788, 1896, and 1930, complemented by the sailing directions of the White Sea-Baltic Canal from 1959. Cartographic analysis enabled the restoration of the former names of certain islands and rivers. Additionally, a landscape reconstruction of the Vygozero district prior to 1932 was conducted. Based on this comprehensive analysis, it is hypothesized that the island located opposite the former mouth of the lost Sigovets River corresponds to the modern-day Maly Babiy Island.

Key words: Old Believers, Vygozero, island localization, maps of the White Sea-Baltic Canal, anthropogenic impact on nature, retrospective landscape reconstruction

For citation: Staritsyn, A. N. The search for Isakiy's Island on Lake Vygozero. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):57–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1183

REFERENCES

1. Konovalova, I. G. Historical geography in the research field of historical science. *Historical geography: human space vs man in space: Proceedings of the XXIII international research conference. Moscow, 27–29 January 2011*. Moscow, 2011. P. 22–30. (In Russ.)
2. Litvinenko, A. V., Filatov, N. N., Bogdanova, M. S., Karpenko, V. A., Litvinova, I. A., Salo, Yu. A. Anthropogenic transformation and economic use of Lake Vygozero. *Water Resources*. 2014;41(4):419–428. (In Russ.)
3. Nizovtsev, V. A. The principle of actualism in retrospective reconstructions of landscapes. *Historical geography of Russia: retrospective and modernity of complex regional studies (celebrating the 100th anniversary of complete publication of the series "Russia. Complete geographical description of our Fatherland")*: Proceedings of the V International Conference on Historical Geography (St. Petersburg, 18–21 May 2015). St. Petersburg, 2015. Part 1. P. 53–56. (In Russ.)
4. Yukhimenko, E. M. Literary heritage of the Vyg Old-Believer community. Moscow, 2008. Vol. 1. 687 p. (In Russ.)

Received: 26 September 2024; accepted: 3 March 2025

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУВОРОВА

доктор культурологии, доцент, директор Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3231-2661; suvmih@list.ru

НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ РАУГИЯЙНЕН

студент 3-го курса Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
rouhiainen@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛЬСКОЙ АРКТИКИ (на примере деревни Вокнаволока)

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования генеалогической культуры современников обусловлена пристальным вниманием общества к проблеме сохранения традиционных семейных ценностей. Помимо этого, генеалогическая культура – одно из важнейших понятий, сопряженных с процессами изучения и сохранения исторической (коллективной) памяти. Последнее является необходимым условием процесса сохранения человеческого капитала, актуального, в частности, в малонаселенных городах, селах и деревнях арктической зоны, которые имеют уникальную, уходящую в древность историю. Целью статьи является определение состояния и особенностей генеалогической культуры жителей Вокнаволока – одной из деревень арктической зоны Карелии, что позволит выявить актуальные проблемы локальной истории, определить меры по сохранению исторической памяти и культуры. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществляется локальное исследование генеалогической культуры жителей исторической деревни посредством изучения деятельности семей в деле сохранения истории рода, степени распространенности рассматриваемой практики, характеристики участников, глубины семейной памяти. В контексте биографического метода применялся социологический инструментарий в виде анкетирования и интервьюирования населения. По итогам обработки собранных данных впервые многоаспектно описан уровень генеалогической культуры жителей Вокнаволока (глубина знаний, заинтересованность в исследованиях, уровень сохранности материального и нематериального наследия), сделаны выводы о его достаточности для зарождения новых генеалогических исследований, способности отвечать на вопросы текущих изысканий. Результаты анкетирования подтвердили итоги интервью относительно приоритета семейных связей и преемственности поколений в структуре семейных ценностей. Практическая значимость исследования состоит в выявлении проблем в развитии генеалогической культуры вокнаволоццев и определении запроса на просвещение жителей деревни в вопросах методологии генеалогического исследования.

Ключевые слова: генеалогическая культура, история семьи, семейные ценности, родословная практика, традиции, генеалогическое исследование, сохранение исторической памяти

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование было проведено в рамках проекта «Социогуманитарные исследования в Карельской Арктике», реализованного за счет Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, обеспечивающих значительный вклад в инновационное развитие отраслей экономики и социальной сферы Республики Карелия, в 2024 году, финансируемой Правительством Республики Карелия (договор № 3-Г24 от 20.03.2024 между ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» и Фондом венчурных инвестиций Республики Карелия).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Суворова И. М., Раугияйнен Н. Д. Особенности генеалогической культуры сельских жителей Карельской Арктики (на примере деревни Вокнаволока) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1184

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших понятий в деле изучения и сохранения исторической (коллектив-

ной) памяти является понятие генеалогической культуры. Его можно рассматривать на стыке культурной памяти и культуры памяти, то есть

набора значимой культурно-исторической информации, механизма ее передачи и способности выбирать, фильтровать информацию, гарантирующую сохранение идентичности [6: 67]. Однако понятие генеалогической культуры нуждается в уточнении. Близкое к нему понятие «семейная память», описываемое М. Хальбваксом [8] как вид коллективной памяти, имеет более широкие коннотации, однако при рассмотрении этого феномена фокус внимания обращен на то, «каким образом тот или иной член семьи составляет собственную память по отношению к другим членам семьи» [10: 34] при помощи рамок, состоящих из понятий о лицах и фактах. «Семейно-родовая память», описанная в работах Л. Ю. Логуновой, представляется как связующее и согласующее звено индивидуальной памяти человека и высших уровней социальной памяти, несущее в себе «нормы прошлого и образы будущего социально позитивного поведения членов общности» [7: 73]. А. Ассман, понимая семью как одну из «Мы»-групп, говорит об особой продолжительности принадлежности к ней и образцовости по сравнению с другими «Мы»-группами [1: 17]. Характеризуя семейную память, она постулирует, наоборот, ее небольшую продолжительность в три поколения людей, находящихся в непосредственном контакте [1: 19]. Подобная «оперативная память» общества тем не менее оказывает «решающее влияние на собственную ориентацию человека во времени» [1: 22].

Пользуясь описанием генеалогической культуры И. Н. Извекова, который трактует ее как «один из важнейших аспектов общей культуры человека, несущий в себе ценностно-смысловое, моральное начало, влияет на развитие нравственного сознания и чувств, обуславливающих этику поведения личности»¹, необходимо сделать принципиальный акцент на некоторых ее компонентах для отличия от вышеприведенных понятий. Генеалогическая культура включает в себя знания об истории семьи, ее сущности и методах ее изучения, способность структурировать, оформлять и осмысливать как имеющиеся знания, так и результаты исследований [5: 98]. Данный список компонентов не является исчерпывающим, однако именно они важны для нашего исследования.

Безусловно, сохраняя память населения о прошлом, важно учитывать многогранную семейную историю, поскольку обращение к ушедшему времени через институт семьи приводит к более глубокому его осознанию. Изучение семейной истории в контексте изучения культуры памяти предполагает поиск ответов на вопросы о том, какие страницы истории помнят респон-

денты, какие вехи истории семьи подвергают забвению, каким образом они вспоминают различные исторические события и как последние влияют на память о родственниках.

Важно отметить, что процесс изучения прошлого через призму семейной истории, как не раз показывала практика генеалогических исследований, сближает членов семей, является достойной формой досуга, укрепляет семейные отношения. Генеалогическое исследование может не только оценить уровень культуры памяти семьи, но и выявить место некоторых семейных ценностей в аксиосфере респондентов.

Сохранение исторической памяти является необходимым условием важного процесса сохранения человеческого капитала. Особую актуальность исследования генеалогической культуры населения приобретают в малонаселенных городах, селах и деревнях арктической зоны, которые имеют уникальную, уходящую в древность историю и культуру, например, таких как старинная карельская деревня Вокнаволоок (Vuokkiniemi).

Вокнаволоок (Костомукшский городской округ, Республика Карелия) – одно из значимых мест в истории Карелии. С XVII века – века основания деревни известны фамилии ее жителей (Remšujev, Miškujev, Kakkirev, Tjutšejev, Filipov, Garmšev, Otjujev, Lavrojev, Miškojev, Kogujev – на 1679 год [12: 79–80]). Эта старинная рунопевческая деревня с довольно высокой долей карельского населения (порядка 80–90 %²) является центром по сохранению традиционной культуры и уклада жизни северных карелов. Насыщенная история Вокнаволока, исследованная как российскими, так и финляндскими учеными, содержит в себе немало перипетий, так или иначе отраженных в культурном пространстве деревни. Наибольшее внимание исследователей привлекают трагичные страницы истории Вокнаволока и его жителей в XX веке [2], [3]. Как отмечали в своей работе ученые Карельского научного центра РАН, у жителей Вокнаволока в XX веке ярко проявилось своеобразное представление о «чувстве племени» – сплоченности на фоне культурной и языковой общности, а также цельности своего региона» [4]. В XXI веке эта сплоченность выражается в коллективной организации мероприятий по сохранению исторической памяти, например в проведении выставок, рассказывающих о предприятиях Вокнаволока [11: 274]. Однако информация о прошлом деревни была бы неполной без истории ее конкретных жителей, которую до сих пор можно почерпнуть из рассказов старожилов. Изучение локального прошлого по рассказам ее жителей (в дополнение к уже изученным аспектам) является

важным шагом к сохранению уникального облика деревни, фиксации культуры памяти ее жителей.

Целью данной статьи является определение состояния и особенностей генеалогической культуры жителей Вокнаволока, что позволит выявить актуальные для изучения темы локальной истории, сформировать более четкое представление об уровне исторической памяти на территории рунопевческой деревни. В свою очередь, выявление особенностей генеалогического знания семей Вокнаволока может стать основой для продолжения исследования в других северных деревнях Карелии.

В рамках использования биографического метода применялся социологический инструментарий в виде анкетирования и интервьюирования жителей. Сравнение биографических нарративов (повествований) позволило обнаружить типичные социально одобряемые или отклоняющиеся жизненные стратегии и практики в отношении сохранения исторической памяти. Таким образом, переход от анализа индивидуальных биографических повествований к обобщенным представлениям о прошлом своей семьи предоставил возможность сделать вывод об уровне генеалогической культуры жителей Вокнаволока.

РОДОСЛОВИЕ ВОКНАВОЛОКА В ПУБЛИКАЦИЯХ

Несмотря на богато описанную историю деревни, сведения о генеалогии ее жителей в литературе малочисленны. К родословной жителей деревни обращались несколько авторов, однако их генеалогическая культура не оценивалась. М. Пёлля (M. Pöllä) в работе «Изменения в этническом составе Беломорской Карелии в XVII–XIX вв.» («Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla») [12: 133], посвященной всей Беломорской Карелии, описал пофамильно семьи, которые жили в Вокнаволоке в XVII–XIX веках, их происхождение, родственные связи с семьями из других деревень, выразил мнение относительно этимологии встречающихся фамилий. Нередко автор переходил и к описанию конкретных семей, обращаясь в том числе к воспоминаниям местных жителей. Большое место в представленной монографии занимают очерки о перемещениях групп населения между деревнями Беломорской Карелии. Особенное внимание М. Пёлля уделил происхождению ладвозерского и вокнаволоцкого рода рунопевцев Перттуненов.

И. А. Чернякова в своем труде «О чем не рассказал Элиас Лённрот...» [9], посвященном вопросам истории Карелии, представила новый

взгляд на истоки рода рунопевца Архиппы Перттунена. Подробно описав упоминания и перемещения предков, а также современников Архиппы Перттунена в различных документах, автор выстроила его генеалогию по документам XVIII–XIX веков. Кроме того, И. А. Чернякова определила происхождение рунопевцев Онтрея Малинена и Ваассилы Киелеваяйнена, а также выделила характерные особенности генеалогических источников по Лопским погостам, в частности Ребольскому погосту, куда и входил Вокнаволока.

Большой вклад в изучение генеалогии жителей Вокнаволока внесло общество «Вуоккиниemi-Сеура» (Vuokkiniemi-Seura), основанное в начале 1990-х годов. За время своего существования оно собрало довольно большой пласт информации об истории семей Вокнаволока. Выпущенная обществом коллективная монография [13], посвященная различным аспектам истории Вокнаволока, хоть и не описывает системно генеалогию жителей деревни, но содержит множество упоминаний о них (например, о купце Яакко Ремшу) и их ментальности. В монографии представлено несколько десятков фотографий семей и их окружения, подчеркнуты особенности состава семей, описана микроистория деревни, которую важно учитывать в генеалогическом изыскании. В книге можно найти списки жителей деревни, торговавших в Финляндии, а также списки подвергнутых репрессиям в годы террора.

На сайте общества³ можно найти подробную информацию о семьях и отдельных жителях Вокнаволока (происхождение, родственные связи), копии документов, в том числе списки жителей с 1678 года, а также рекомендации по изучению родословной, основанные на опыте финляндских и российских специалистов. Сам сайт ориентирован на финноязычного читателя, что может быть препятствием для русскоязычного исследователя.

Множество генеалогических исследований на уровне обыденных практик было проведено самими жителями деревни и их потомками, что нашло отражение в периодике. Так, в районной газете «Новости Калевалы» можно встретить статьи, посвященные отдельным жителям деревни: Михаилу (Микко) Филипповичу Ремшу⁴, Василию Ивановичу Кириллову⁵, Ивану Михайловичу Лесонену⁶. В этих статьях авторы по результатам тщательной обработки воспоминаний современников и потомков, архивных документов и материальных свидетельств обращаются к истории отдельных жителей деревни. Иногда мемориальная деятельность выходит за рамки создания газетной статьи, переходя в орга-

низацию встреч, посвященных односельчанам (например, встреча, посвященная памяти А. Ремшуевой)⁷. Имеются статьи, посвященные целым семьям⁸ и родам⁹. Количество и качество заметок позволяют сделать первые выводы об уровне генеалогической культуры жителей Вокнаволока: жители деревни имеют потребность в публикации накопленных материалов о своих предках, культивировании памяти о соотечественниках, их семьях и окружении, обращении к важным эпизодам прошлого деревни.

ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЖИТЕЛЕЙ ВОКНАВОЛОКА

Основным методом исследования уровня генеалогической культуры было глубинное интервью с представителями местного населения, выбираемыми произвольно. Для повышения объективности исследования выбор респондентов в полевых условиях не ограничивался несколькими половозрастными или профессиональными группами. При разработке опросника были применены стандартизированные варианты, принятые большинством исследователей генеалогии и содержащие вопросы о количестве известных предков по обеим линиям, их происхождении. У информанта уточнялся уровень знания их биографических данных (ФИО, место и дата рождения, семейный статус, дата и место смерти, захоронения, национальность, вероисповедание, родной язык), понимание их общественного положения (социальный статус, образование, профессия, партийность), знание конкретных исторических фактов, повлиявших на их судьбу. Были добавлены более узкие вопросы, определенные локальными историческими особенностями: о связи предков с Финляндией, участии в Зимней войне, феномене карельских беженцев, а также касающиеся бытовой стороны жизни семьи: о доме, сохранившихся реликвиях, фотографиях, обычаях и традициях.

В ходе экспедиции было проведено 14 интервью, которые были систематизированы и обобщены по:

- 1) характеристике участников,
- 2) видам деятельности семей по восстановлению истории рода,
- 3) отношению к этой деятельности, мотивации,
- 4) уровню распространенности рассматриваемой практики,
- 5) глубине семейной памяти.

Характеристика участников. Половозрастной состав информантов: четыре мужчины и десять женщин, самому старшему информан-

ту – 84 года, самому молодому – 30 лет (средний возраст – 59 лет). Большинство информантов родились не в Вокнаволоке, а в ближайших деревнях или соседних районах, но имеют в Вокнаволоке предков либо родственников. Две информантки попали сюда по распределению на работу, еще две – в результате замужества. По национальному составу большинство (одиннадцать человек) имеет северокарельские корни, встречаются потомки южных карелов, русских, финнов (ингерманландских и финляндских), евреев, цыган. Все информанты говорят на русском, большая часть (десять человек) свободно владеет карельским языком. Данные интервью были систематизированы и обобщены, что позволило в структурном плане рассмотреть существующие практики по изучению и сохранению истории семьи.

Были выявлены *виды деятельности* семей по сохранению и восстановлению истории рода: работа с воспоминаниями (личными и принадлежащими родственникам) и материальными свидетельствами (фотографиями, письмами, предметами) как самая распространенная практика; работа с архивными источниками, изучение информации в публичном пространстве (в частности, интернете) как наименее распространенная. Также выявлены репрезентации обработанного материала в публикациях, памятных встречах и устных рассказах, в том числе в форме устной трансляции знания о родословной подрастающему поколению.

Отношение к изучению генеалогии и его мотивационное основание в Вокнаволоке довольно однородно. Все опрошенные подчеркивают важность и полезность процесса. Эти характеристики имеют безусловный характер (аргументация важности и полезности не проговаривается), однако, несмотря на уверенность в них, так или иначе своей родословной интересовались только шесть человек. Изыскания родственников ценятся высоко и признаются необходимыми и правильными. Односельчан, подходящих к изучению родословной комплексно и с энтузиазмом, жители Вокнаволока всегда выделяют из общей массы, высказываясь о них в позитивном ключе. В качестве мотивации поисков указывались необходимость сохранения накопленного знания для передачи следующим поколениям, а также сожаление в связи с «уходящей» семейной историей вместе с ее носителями – представителями старших поколений.

Активными участниками процесса сохранения и изучения истории семьи были в основном женщины пенсионного возраста (именно

они обладали большим количеством информации о прошлом семьи; мужчины же были скупы на сведения и описания событий). Во многом они же являются активными участниками различных культурно-просветительских мероприятий, проходящих в Вокнаволоке. Очевидно, активная общественная позиция, связанная с пребыванием в локальном культурном контексте, серьезно подкрепляет мотивацию к генеалогическим изысканиям. Это свидетельствует о том, что изучение истории своего рода остается увлечением относительно узкого круга людей на уровне обыденных практик. Работающие респонденты, желающие изучить свой род, объясняли свою отдаленность от такого занятия нехваткой времени, приводя аргументы в защиту обозначенного тезиса о возможности подобного увлечения только «на пенсии». Если говорить о преемственности генеалогической культуры, то опрошенные отмечают невысокий интерес детей к прошлому их семьи, относясь к подобному явлению с пониманием. Среди информантов нередко можно было заметить сожаление о незафиксированных фактах, не уделенном должным образом вниманием этому вопросу в годы своей молодости. При этом потомки жителей деревни обладают информацией о своих предках практически в том же количестве, что и их родители, которые рассказывают всё, что знают, и надеются, что интерес к теме рано или поздно возрастет. Понимание того, что их детям и внукам заниматься генеалогией будет тяжелее, также присутствует. Десять респондентов заявили, что их род (в той или иной степени) был изучен их же родственниками. Таким образом, семейная история только трех респондентов не изучалась, исходя из их представлений.

На основании того, что почти половина опрошенных жителей так или иначе интересовалась своей родословной, можно сделать вывод о среднем уровне распространенности данной обыденной практики в современном Вокнаволоке. Часто условным дальним родственником, который изучил родословную, составил и прислал древо, снабдив его повествованием, становился именно родственник из Финляндии. У большинства населения Вокнаволока (десять человек) в Финляндии живут как собственные потомки, так и другие родственники, предки которых в первой половине XX века ввиду различных исторических событий оказались по ту сторону границы. Объяснить смещение инициативного центра можно тем, что потомки жителей Вокнаволока, находясь вдали от деревни, все больше обращаются за информацией к интернету, где

систематизированный материал на финском языке (в основном на сайте Вуоккинеми-Сеура) имеется в достаточном количестве. Сами жители Вокнаволока, находясь в деревне, в основном черпают сведения о своей родословной в локальном информационном поле, наполненном сведениями об их предках. Но для внешних интересантов инструкций и рекомендаций по поиску материалов о прошлом жителей Вуоккинеми в русскоязычном сегменте интернета недостаточно. Обычно в этом случае наши современники обращаются в Национальный архив РК или в Генеалогическое общество Карелии за консультацией. Однако в ходе опроса было выявлено, что половина респондентов в архив не обращались и не имеют об обществе никакого представления, несмотря на выездную экспедицию генеалогов в Вокнаволоке в феврале 2019 года¹⁰.

Глубина семейной памяти (количество поколений, относительно которых имеются представления), как наиболее яркий показатель генеалогической культуры, исследовалась наиболее тщательно. Все информанты знают основные биографические данные своих бабушек и дедушек. Однако ситуация с представлениями о прабабушках и прадедушках скуднее: девять человек знают о них со стороны матери, шесть – со стороны отца. При этом по предкам со стороны матери всегда имеется гораздо больше информации, чем по линии отца. Знающих своих прапрадедов и прапрабабушек оказалось совсем немного: три информанта, причем двое из них занимаются изучением истории рода комплексно и давно, имея знания о предках, живших в середине XIX века.

Об известных предках опрошенные смогли рассказать довольно много. Все они хорошо представляют, чем занимались их предки, какой уровень образования имели. Социальный статус вырисовывается также ясно: если были партийные работники (один человек), участники Зимней и Великой Отечественной войн (три и одиннадцать человек соответственно), репрессированные (четыре человека), то об этом открыто сообщается. Именно подобные «качественные» описания жизни предков информанты знают лучше всего, но с ответом на просьбу назвать даты рождения бабушек и дедушек возникали большие сложности. Как указали информанты, сведения о репрессированных и об участниках войн разыскиваются ими больше и дольше всего. Религиозный вопрос при описании жизни предка, как правило, не упоминается, при этом все опрошенные имеют представления об их вероисповедании. В памяти информантов отражены также важные

локальные процессы и явления: перемещения населения в XX веке, преемственность материальных родовых ценностей (например, расселение жителей деревни и, в частности, семей шести информантов в родовых домах), феномен карельских беженцев в истории семей.

Стоит высоко оценить уровень сохранности материального наследия семей информантов: все они имеют дома фотографии предков (в основном хранятся в альбомах или коробках), половина может похвастаться сохранившимися предметами из жизни ушедших поколений. В большинстве случаев это бытовые предметы (кофеварки, швейные машинки, прялки), но встречаются драгоценности и вышивка. Нематериальное наследие сохраняется сложнее: семейные предания (например, о происхождении фамилий), бытовавшие в семье сказки, шутки, дразнилки практически неизвестны нашим современникам. Примечателен случай, когда от свекрови одной из информанток достался большой объем зафиксированного нематериального наследия (песни, сказки, описания традиций), что, впрочем, было больше обусловлено особым вниманием научного сообщества к личности информантки.

Таким образом, особенности генеалогической культуры жителей Вокнаволока заключаются в уникальной историко-культурной ситуации, которая в меньшей мере влияет на методологию поиска, но в большей мере определяет источниковую базу генеалогического исследования. Связи с родственниками из Финляндии позволяют проводить жителям деревни родословные исследования на уровне обыденной практики, а также использовать доступные информационные ресурсы. В самом Вокнаволоке на фоне активной культурно-массовой деятельности сформировано насыщенное информационное пространство, содействующее новым и текущим изысканиям. Этнокультурный центр, уникальная школа, памятники культуры и истории, реализация различных трансграничных проектов располагают к изучению родословной. Отдельные особенности поиска обуславливаются высокой долей коренного населения и языковой ситуацией в деревне.

Половина опрошенных жителей деревни затрудняется обозначить какие-либо традиции и обычаи в своей семье, однако среди ответивших ведущей семейной традицией является совместное времяпрепровождение (семейный ужин, праздники, посиделки в бане), посредством которого и осуществляется связь поколений. Самыми главными семейными праздниками, по мнению жителей деревни, являются Новый год

и дни рождения. Данные анкеты по семейным ценностям (анкетировано восемь человек) позволили подтвердить и дополнить представление об уровне генеалогической культуры жителей Вокнаволока. Так, среди семейных ценностей наиболее важными оказались семейное единство, взаимовыручка, эмоционально-психологический комфорт, здоровый образ жизни, уважение к старшим и преемственность поколений. Ведущими мотивами для вступления в брак у жителей Вокнаволока явились любовь, забота о здоровье и отдыхе, совместный досуг. Практически все опрошенные отмечают, что ценность брака в обществе за последние годы снизилась, происходит процесс трансформирования семьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая уровень генеалогической культуры жителей Вокнаволока в целом, необходимо отметить древнюю историю северной карельской деревни и уникальность приграничного положения, что сказывается на особенностях источниковой базы как для обыденной практики самих жителей, так и для генеалогического исследования. Как правило, современный типичный житель деревни знает своих предков до уровня прапредков, имеет представление об их профессии и образовании, больше знает о жизни предков в довоенное и военное время, сохраняет фотографии в память о прошлых поколениях, а также имеет родственников, погруженных в тему истории семьи. При этом сама деревня для него зачастую не является местом рождения, однако он отмечает сильную связь с жизнью предков именно в Вокнаволоке. Важность генеалогического поиска осознается типичным жителем, однако уровень знаний должен быть, по его мнению, выше имеющегося.

Учитывая подобные характеристики, можно говорить о том, что в Вокнаволоке существует уровень генеалогической культуры, достаточный для проведения новых исследований. Однако жителям деревни не хватает времени и осведомленности относительно путей поиска информации о своих предках, доступных для этого инструментов. В связи с этим просвещение жителей Вокнаволока в вопросах методологии генеалогического исследования является актуальным, тем более что имеется запрос со стороны самих жителей. Таким образом, перспективным становится дальнейшее исследование истории карельской деревни Вокнаволока на уровне изучения истории семей с помощью научных изысканий в консолидации ученых с местными жителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Извеков И. Н. Формирование генеалогической культуры старшеклассников в целостной образовательной среде семьи и школы: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Сочи, 2011. С. 12.
- ² kostravel.ru: Информационно-туристский центр: Костомукшский городской округ / Муниципальный архив и Центральная библиотека Костомукшского городского округа. [Костомукша], 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kostravel.ru/okostomukshe/14386/> (дата обращения 10.09.2024).
- ³ vuokkiniemiseura.wordpress.com: Vuokkiniemi-Seura ry / Vuokkiniemi-Seura ry. [Helsinki] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vuokkiniemiseura.wordpress.com/> (дата обращения 02.09.2024).
- ⁴ Харченко Е. Ремшу Михаил (Микко) Филиппович: [рассказ Виктора Ремшу о семье] // Новости Калевалы. Калевала, 2023. 10 августа (№ 31). С. 5.
- ⁵ Харченко Е. Кириллов Василий Иванович: [о ветеране Великой Отечественной войны из д. Вокнаволоок] // Новости Калевалы. Калевала, 2023. 7 сентября (№ 35). С. 6.
- ⁶ Ремшуев П. Лесонен Иван Михайлович: [о ветеране Великой Отечественной войны из п. Витчярви Калевальского района] // Новости Калевалы. Калевала, 2024. 29 февраля (№ 8). С. 4.
- ⁷ Лесонен А. Наследие Сантры Ремшуевой: [в Доме деревни Вокнаволоок состоялась встреча, посвященная А. Ремшуевой] // 64-я параллель. Костомукша, 2024. 1 мая (№ 16). С. 4.
- ⁸ Nesvitski M. Sukujuuret vetävät Vuokkiniemeen // Karjalan Sanomat. 2004. 25. elokuuta (№ 34). S. 11.
- ⁹ Тупина Т. Кто же такие Ремшу?: ...топонимика и фамилии Вокнаволока: недавно в рамках проекта «Вокнаволоок – культурная столица финно-угорского мира – 2017» в деревенской школе состоялось мероприятие «Путешествие в прошлое» // Новости Костомукши. Костомукша, 2017. 6 апреля (№ 12). С. 7.
- ¹⁰ Генеалогическое общество Карелии (ГОК). Запись 22 февраля 2019 // ВКонтакте: социальная сеть. 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/club44741316?w=wall-44741316_1993%2Fall (дата обращения 02.09.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Веригин С. Г. Василий Кириллов – зафронтовой разведчик Карельского фронта // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы VIII конференции (Петрозаводск, 15–17 сентября 2023 года) / Редкол.: К. Ф. Белоусов (науч. ред.) [и др.]. Петрозаводск: Издательский дом ПИН, 2023. С. 66–77.
3. Дубровская Е. Ю. Беломорская Карелия в 1919–1920 гг.: пограничье в состоянии Гражданской войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2018. № 6. С. 15–30.
4. Еремеевы – Райхя: человек, семья, политика в карельском пограничье начала XX века: исследование, документы, материалы / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Национальный архив Республики Карелия, Карельское просветительское общество; [Сост. и науч. ред.: О. П. Илюха; Пер.: Н. А. Пеллинен, Ю. Г. Шикалов]. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 362 с.
5. Извеков И. Н., Зимовина О. А. Генеалогическая культура в системе влияний на развитие самосознания молодежи в регионах России // Региональные проблемы. 2014. Т. 17, № 2. С. 97–100.
6. Красильникова Е. В. Память культуры и культура памяти // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Челябинск 26 февраля – 02 марта 2020 года). Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2020. С. 67–68.
7. Логунова Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 69–75.
8. Хальбакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
9. Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Лённрот...: К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. 64 с.
10. Шалин В. В., Астахова Р. К. Семейно-родовая память как ресурс формирования семейной культуры личности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). С. 33–36.
11. Яловицына С. Э., Лаврушина Н. В. «О времени и о себе»: серия выставок о деревнях и поселках в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2023. № 8. С. 272–276.
12. Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 353 s.
13. Tupenkolahuttajien mailla. Vuokkiniemi esihistoriasta toiseen mailmansotaan / Toim. Kai Paajaste. Mustasaari: Vuokkiniemi-seura ry, 2006. 469 s.

Поступила в редакцию 11.10.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Irina M. Suvorova, Dr. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3231-2661; suvmih@list.ru
Nikita D. Raugiainen, Undergraduate Student, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rouhiainen@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF GENEALOGICAL CULTURE OF VILLAGERS IN THE KARELIAN ARCTIC (a case study of the village of Voknavolok)

Abstract. The relevance of the study of the genealogical culture of contemporaries is due to the close attention of society to the problem of preserving traditional family values. Moreover, genealogical culture is one of the most important concepts associated with the processes of studying and preserving historical (collective) memory. The latter is a necessary condition for the important process of preserving human capital, particularly relevant in low-populated towns, villages, and hamlets of the Arctic zone, which have a unique history going back to ancient times. The article aim is to determine the state and specific features of genealogical culture of the residents of Voknavolok, one of the villages in the Arctic zone of Karelia, which will make it possible to identify topics of local history relevant to the study and to determine measures to preserve historical memory and culture. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first local study of the level of genealogical culture of the residents of a historical village, examining family activities related to the preservation of family history, the prevalence of such practices, characteristics of the participants, and the depth of family memory. In the context of the biographical method, the study utilized sociological tools, specifically questionnaires and interviews with the population. Processing of the collected data resulted in the first multi-faceted description of the level of genealogical culture of Voknavolok residents (including the depth of their knowledge, interest in research, and the extent of tangible and intangible heritage preservation) and subsequent conclusions about the sufficiency of this cultural level to support new genealogical research and its capacity to respond to the needs of current research. The questionnaire findings confirmed the results of the interviews regarding the priority of family ties and generational continuity in the structure of family values. The practical significance of the research is that it identified problems in the development of the genealogical culture of Voknavolok residents and determined their demand for educational initiatives focused on the issues of genealogical research methodology.

Key words: genealogical culture, family history, family values, pedigree practices, traditions, genealogical study, preservation of historical memory

Acknowledgements. The research described in this publication was made possible in part by the 2024 R&D Support Program funded by the Government of the Republic of Karelia for undergraduate and graduate students and postdoctoral researchers of Petrozavodsk State University making a significant contribution to the innovative economic and social development.

For citation: Suvorova, I. M., Raugiainen, N. D. Specific features of genealogical culture of villagers in the Karelian Arctic (a case study of the village of Voknavolok). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1184

REFERENCES

1. Assman, A. Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Vasily Kirillov – behind-the-front scout of the Karelian Front. *Historical Readings at 5 Andropova Street. History of security agencies: Proceedings of the VIII conference*. Petrozavodsk, 2023. P. 66–77. (In Russ.)
3. Dubrovskaya, E. Yu. White Sea Karelia in 1919–1920: borderlands during the Civil War. *The XX century and Russia: society, reforms, revolutions*. 2018;6:15–30. (In Russ.)
4. Ilyukha, O. P. The Jeremejev-Räihä family: man, family, politics in the Karelian borderland of the early XX century: research, documents, materials. Petrozavodsk, 2017. 362 p. (In Russ.)
5. Izvekov, I. N., Zimovina, O. A. Genealogical culture in the system of influences on the development of youth self-awareness in Russian regions. *Regional Problems*. 2014;17(2):97–100. (In Russ.)
6. Krasilnikova, E. V. Memory of culture and culture of memory. *The IX Lazarev Readings "Faces of Traditional Culture in Modern Cultural Space: Memory of Culture and Culture of Memory": Proceedings of the international research conference*. Chelyabinsk, 2020. P. 67–68. (In Russ.)
7. Logunova, L. Yu. Family-patrimonial social memory: temporal subsistence and social resources. *Tomsk State University Journal*. 2014;379:69–75. (In Russ.)
8. Halbwachs, M. The social frameworks of memory. Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
9. Chernyakova, I. A. What Elias Lönnrot did not tell...: The history of the region where the epic songs of an ancient people were preserved and recorded. Petrozavodsk, 1998. 64 p. (In Russ.)
10. Shalin, V. V., Astakhova, R. K. Family and generic memory as a resource for forming a family culture of a person. *Theory and Practice of Social Development*. 2020;5(147):33–36. (In Russ.)
11. Yalovitsyna, S. E., Lavrushina, N. V. "On time and the self": a series of exhibitions on Karelia's villages. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2023;8:272–276. (In Russ.)
12. Pöllä, M. Vienen Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. Helsinki, 1995. 353 s.
13. Paajaste, K. Tupenkolahuttajien mailla. Vuokkiniemi esihistoriasta toiseen mailmansotaan. Mustasaari, 2006. 469 s.

Received: 11 October 2024; accepted: 3 March 2025

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории ес-
тествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской
академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ АКАДЕМИЕЙ НАУК В XVIII–XIX ВЕКАХ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования определяется долгосрочным взаимодействием России и Китая, обусловленным как географической близостью государств, так и их многовековыми историческими связями. Основная цель статьи заключается в комплексном анализе «китайского направления» научной деятельности Академии наук в XVIII–XIX веках, что позволяет проследить эволюцию российско-китайского научного сотрудничества на раннем этапе его формирования, выявить основные направления взаимодействия и определить вклад российских ученых в развитие синологии как самостоятельной научной дисциплины. Приводится комплексный анализ экспедиций и естественно-научных исследований, проведенных учеными в сотрудничестве с Русской духовной миссией в Китае. Систематизируется изучение Китая: постепенный переход от опосредованного получения информации через работавших в Китае миссионеров-иезуитов в XVIII веке к формированию постоянного научного центра в Пекине в виде магнитно-метеорологической обсерватории во второй половине XIX века. В статье использовались источники из российских архивов (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Российский государственный исторический архив, Архив внешней политики Российской империи), которые ранее не были доступны научному сообществу.

Ключевые слова: Академия наук, Китай, Пекин, магнитно-метеорологическая обсерватория, экспедиции, Русская духовная миссия

Для цитирования: Феклова Т. Ю. К истории изучения Китая Академией наук в XVIII–XIX веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 72–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1185

ВВЕДЕНИЕ

После начала освоения Сибири и Дальнего Востока в XVI веке Россия вплотную подходит к границам Империи Цин (далее – Китай). В XVII веке в связи с расширяющейся экспансией России на Дальний Восток все острее встает вопрос о российско-китайской границе, возникают попытки наладить дипломатические отношения с Китаем. Первые сохранившиеся в российских архивах грамоты на китайском языке датируются 1619, 1649 и 1654 годами [9]. Российское правительство интересовало перспективы развития отношений с Цинской империей¹, что было обусловлено как экономическими, так и политическими причинами [2]. Особую значимость эти отношения приобретали в контексте общей международной обстановки на Дальнем Востоке, где возрастало влияние европейских держав, в частности Великобритании и Франции. В XVIII и XIX веках на территории Китая существовало несколько христианских мис-

сий, в том числе православная, организованная в 1713 году, – Русская духовная миссия (РДМ).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

История РДМ и ее деятельности в Китае достаточно широко освещена в работах Н. А. Самойлова [17], В. Г. Дацышена [6], А. И. Ипатовой [7], П. Е. Скачкова [18] и многих других. Однако эти исследования сфокусированы в основном на истории миссии и отчасти на ее сотрудниках. Сотрудничество Академии наук и иезуитов рассмотрено в монографии Т. А. Пан и О. В. Шаталова [14].

История миссии интересовала и зарубежных ученых. Многие из них, например А. Парри [29] или К. С. Латуретта [25], высказываются достаточно предвзято, поскольку часто характеризуют православную миссию как базу для обучения русских шпионов и подготовки оккупации Китайской империи. Книга О. Клаба [23] стала попыткой представить полную историю взаимоотношений России и Китая с XIII по XX век. От-

дельные аспекты существования Русской духовной миссии отражены в статье П. Адамека [21], в которой миссия рассматривается как первое иностранное долгосрочное «посольство» России в Китае. В статье показано, что в течение 150 лет миссия в Пекине имела двойственную структуру, подчиняясь как светским, так и духовным властям и реализуя миссионерские и политические интересы страны. Некоторые аспекты истории христианских миссий представлены также в исследованиях [22], [27], [28].

Важными для данной темы стали работы, написанные китайскими учеными. Нередко они имеют ярко выраженную идеологическую окраску, представляя миссию в качестве агента колониационной политики европейских держав. В работе Гу Чаншэна «Миссионеры и Китай в новое время» [33] достаточно подробно описывается эволюция института РДМ, дается относительно объективная оценка деятельности российских миссионеров, хотя и отмечается их роль в агрессивных действиях России и Японии против Китая в XX веке. Также стоит отметить исследования Чжу Кочжэня [30], Цзинь Юньлуна [24] и Янь Годуна [31].

В переизданной работе Цай Хушэня «Исторические хроники Русского двора» [32] дана краткая характеристика истории Русской духовной миссии в Пекине в XVIII и XIX веках. Особое внимание уделено истории торговых отношений России и Китая; отдельная часть посвящена рассмотрению деятельности врачей и художников при духовной миссии.

Наиболее полно историография по истории Русской духовной миссии отражена в работе Ли Цзинчэня: рассматривается деятельность РДМ в Пекине с 1715 по 1956 год, раскрывается ее историческое влияние на христианство в Китае и китайско-российские культурные обмены. В статье используются исторические сочинения XIX века, современные российские и западные источники, а также большой комплекс работ китайских авторов [26].

Таким образом, если история Русской духовной миссии и ее функция как важнейшего научного института, положившего начало развитию синологии в России, достаточно хорошо изучены, то отдельные моменты «китайского направления» научной деятельности Академии наук в XVIII и XIX веках представлены в историографии в общих чертах. Цель статьи заключается в восполнении существующих пробелов в изучении истории академического китаеведения.

Источниками для нашего исследования послужили материалы Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Российского государственного исторического архива,

а также Рукописного отдела Российской национальной библиотеки, содержащие информацию об истории Русской духовной миссии в Пекине, ее взаимодействии с Академией наук и другими научными организациями Российской империи.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ

История исследований российских ученых в Китае разделяется на три этапа:

1) XVII–XVIII века – точечные исследования (дипломатические посольства, торговцы, контакты с иезуитами и Русской духовной миссией). Коллекция раритетов для музеев, редких книг и рукописей.

2) Первая половина XIX века – периодические исследования. Первые попытки Академии наук и других организаций в России осуществлять собственные научные проекты в Китае. Сотрудники РДМ проводят исследования в Китае, занимаются переводческой деятельностью, собирают этнографические, ботанические и зоологические коллекции, создавая, таким образом, научную базу для развития синологии в России.

3) Вторая половина XIX века – систематические наблюдения Академии наук в Китае. В 1848 году на территории РДМ была построена Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория Академии наук. Проводятся интенсивные узкоспециализированные исследования.

История возникновения Русской духовной миссии в Пекине связана с пограничными конфликтами на реке Амур в XVII веке. Расширение территории Российской империи на Дальнем Востоке натолкнулось на сопротивление китайского правительства, которое считало эти земли своими. Ключевым моментом стала судьба крепости Албазин на Амуре. В 1685 году она была захвачена китайскими войсками и часть населения около крепости вместе со священником были отправлены в Пекин. Император Китая Канси (Сюань) передал им кумирню (буддийский храм), а после смерти священника из крепости Албазин разрешил пригласить нового священника из России, что и положило начало многолетнему присутствию Русской православной церкви (РПЦ) в Китае. Так, в результате военно-политического конфликта за амурские земли была создана РДМ, сыгравшая впоследствии важную роль в развитии российско-китайских культурных связей.

Уникальность РДМ в Пекине определялась несколькими факторами. Во-первых, в отличие от представителей других христианских конфессий, миссия практически не занималась миссионерской деятельностью, сосредоточившись на поддержании православия среди албазинцев. Вплоть до середины XIX века правитель-

ство Китая запрещало иметь на своей территории какие-либо дипломатические представительства других стран. Поэтому до открытия официального консульства Российской империи в Пекине в 1861 году РДМ выполняла и дипломатические функции. Она сотрудничала со многими учреждениями в Российской империи, прежде всего научными, выполняя многочисленные запросы на комплектование коллекций, получение информации и приобретение редких книг и рукописей. Ученые Академии наук составляли для членов миссии инструкции, предоставляли им научные книги, астрономические и магнитно-метеорологические инструменты, проводили собственные исследования на территории Китая под прикрытием миссии, а также обучали сотрудников миссии в своих музеях и обсерваториях. Например, студент 12-й миссии (1839–1849) В. В. Горский, имевший задание от Академии проводить астрономические наблюдения в Китае, прошел обучение в Главной физической обсерватории. Таким образом, до середины XIX века РДМ в Пекине являлась фактически единственным надежным каналом получения информации о Китае как для российского правительства, так и для Академии.

АКАДЕМИЯ НАУК И ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ В XVIII ВЕКЕ

Реформы Петра I не только отразились на внутренней политике России, но и полностью изменили ее внешнюю политику, поставив страну в один ряд с сильнейшими державами того времени. Конец XVII – первая четверть XVIII века связаны в основном с европейским направлением внешней политики, однако восточный вектор проявлялся все острее. Россия превратилась в евразийскую державу, вошла в систему как европейских, так и азиатских международных отношений. При Петре I страна включилась в геополитическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона [16: 69–70].

Во время царствования Петра I Россия и Китай приходят в соприкосновение практически на всей протяженности огромной границы. Интерес Петра I к Китаю связан в определенной степени с его поездками в Европу и знакомством с известными учеными того времени, в частности с голландским политиком, картографом и управляющим Ост-Индской компанией Н. Витсенем, который преподнес в подарок царю карту северо-восточной Азии [12: 55]. Немалую роль в формировании у Петра I интереса к Китаю сыграл Г. В. Лейбниц, с которым Петр советовался по поводу создания в России первых научных учреждений. Лейбниц убеждал Петра, что именно Россия в связи с ее особым географическим

положением должна развивать востоковедение [10], [12: 57].

Восточное, в частности китайское, направление исследовательской работы Академии наук фактически с первых лет ее основания было достаточно заметным в ее работе. В первой четверти XVIII века личный посланник Петра I И. Л. Ланг шесть раз посетил Китай с целью расширения российско-китайских отношений и сбора сведений о географии и внутреннем устройстве Китая. В 1728 году, после возвращения из Китая торгового каравана, Ланг предложил Академии установить через его посредничество научные связи с работавшими в Китае миссионерами. Данное предложение и поступившие от Ланга сведения о Китае побудили ученых Академии наук заняться изучением Китая [8: 73]. В том же году географ и член Академии наук Ж. Н. Делиль составил подробный обзор истории изучения науки стран Востока в Европе (около 100 стр.), а академики Г. В. Крафт, Ф. Х. Майер, Г. Ф. Миллер и др. написали статьи и заметки о развитии математики, астрономии и философии Китая. В связи с тем что вплоть до начала XIX века практически все естественно-научные исследования в Китае проводились монахами ордена иезуитов, российским ученым пришлось установить с ними научный диалог. Этот научный альянс позволил российским исследователям получить доступ к уникальным материалам и знаниям, что ускорило развитие отечественного востоковедения.

В 1725 году на должность профессора греческих и римских древностей в Академию наук был приглашен воспитанник Лейпцигского университета Т. З. Байер. В 1734 году он был назначен на должность профессора восточных языков. Еще до этого назначения в 1729 году Байер издал первую в Европе китайскую грамматику «Китайский музей, в котором рассказывает о системе китайского языка и литературы». Для ее издания впервые в России были выгравированы китайские иероглифы [3: 132]. В 1730 году Байер опубликовал исторический обзор европейских трудов по синологии, куда вошли работы по китайской грамматике, словарь и данные о мерах и весах². Труд был написан с использованием материалов, присылаемых Байеру миссионерами И. Кеглером, А. Перейрой, Славичеком, Д. Паренином и А. Гобилем [4: 5]. Труд Байера «Museum Sinicum» в 1731–1732 годах был отправлен вместе с караваном Ланга в Китай.

Миссионеры в дальнейшем поддерживали переписку с Академией наук. Так, 17 июня 1737 года Академией были получены письма от А. Гобиля, Д. Паренина, А. Перейры и И. Ке-

глера, в которых содержались сведения по астрономическим наблюдениям, сделанным в Китае, Сибири и на Камчатке, информация о путешествиях по Сибири, а также сведения о языке и науке в Китае [8: 195]. Академия наук неоднократно направляла в Китай опубликованные ею книги, а три иезуитские коллегии в Пекине пересылали в Академию свои труды [15: 233], [22].

В 1731 году, после прибытия китайского посольства [29] в Россию³, Академии было приказано изготовить рисунки въезда посольства в Санкт-Петербург, аудиенции, портреты знатных особ, а также краткое географическое описание Китая с ландкартой для опубликования в «Примечаниях на Ведомости» [8: 97]. 6 июня 1732 года члены китайского посольства посетили Академию, где им были подарены академические издания, в том числе «Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук» и китайская грамматика Т. З. Байера [11: 22].

27 сентября 1734 года И. Л. Ланг еще раз предложил свои услуги по установлению связи с миссионерами в Китае. Академик Т. З. Байер составил список книг, которые Академия наук хотела бы иметь в своем собрании. Отдельные пожелания высказали академики И. Аман и И. Г. Дювернуа [8: 143]. В 1738 году академик Ж. Н. Делиль представил Конференции Академии наук свое письмо, написанное французскому миссионеру-иезуиту в Китае Э. Сусье, в котором обсуждал вопросы китайской астрономии и науки [8: 212]. С иезуитом Э. Сусье Делиль познакомился через французского иезуита А. Гобилья, который в 1722 году был назначен миссионером в Китай и с 1725 года пытался установить постоянную переписку с Петербургской академией наук. Основным его корреспондентом стал Ж. Н. Делиль; их переписка активно велась с 1732 до 1735 год [1]. Главными обсуждаемыми вопросами стали вопросы китайской картографии и астрономии. 16 марта 1739 года Гобиль был избран иностранным почетным членом Академии, став тем самым первым иезуитом в ее составе [8: 228].

После оставления Т. З. Байером Академии наук в 1736 году и краткого периода работы Г. Я. Кера (до 1740 года) в ней не было ученых-синологов, однако китаеведение и вообще восточное направление исследований продолжало развиваться. Так, 29 марта 1753 года Академией наук были подготовлены материалы и вопросы для передачи их пекинским иезуитам через врача Ф. Л. Елачича, отправляющегося с караваном в Китай. Академия наук просила иезуитов прислать сочинения по китайской

философии и истории, наблюдения наклонения и склонения магнитной стрелки, а также интересные предметы для Кунсткамеры. Переводчиком И. К. Россохиным был составлен список книг для восстановления коллекции Кунсткамеры после пожара 1747 года [13]. Кроме того, в отдельной инструкции за подписью академика И. Д. Шумахера была дана «роспись выписанным из каталогу Парижской библиотеки китайским книгам, которые из Китая в Санкт-Петербургскую Императорскую Библиотеку доставить должно», в этом списке было 72 номера. Выполняя эти поручения, Елачич купил в Пекине 123 экземпляра книг (51 название) различной тематики, в числе которых было 56 экземпляров (15 названий) исторических книг [4: 5]. По итогу научных обменов к концу XVIII века между иезуитами в Пекине и Петербургской академией наук была налажена постоянная переписка.

29 марта 1756 года Правительствующий Сенат направил в Академию наук для перевода приобретенное в Пекине многотомное издание китайских историков «История Китайского государства» [5: 22]. Академики М. В. Ломоносов, И. Д. Шумахер, И. Штелин и И. Тауберт были назначены ответственными за организацию работ по переводу «Китайской истории» [4: 5]. Переводчиком был служащий Академии И. К. Россохин, а в помощь ему был приставлен переводчик из Коллегии иностранных дел. В 1755 году при Академии наук по инициативе М. В. Ломоносова было начато издание первого в России научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», где печатались статьи, в том числе и по истории Китая [14].

Постепенно в Академии сформировалась уникальная библиотека, содержащая редкие книги на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетском языках [4: 5]. Поступающие в нее книги и рукописи из Китая привозились в Россию посольствами, передавались иезуитами, работавшими в Китае, и членами РДМ. Так сформировались собрания рукописей, ксилографов и печатных книг на восточных языках, что создало основу для будущих востоковедных исследований, в том числе синологии.

АКАДЕМИЯ НАУК И ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В XIX веке активно развивается наука и происходит ее дальнейшая дифференция. Особое развитие получает синология, в успешном становлении которой большую роль сыграла РДМ, во многом ставшая проводни-

ком не только интересов Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе (выполняя функции дипломатического представительства, военного и торгового агента), но и научно-исследовательского учреждения на территории закрытого государства.

В XIX веке расширяются категории исследователей, проводивших изучение Китая. Основными из них были:

1. Сотрудники РДМ. Срок их пребывания ограничивался сроком работы основной миссии (десять лет), но мог быть продлен в зависимости от их желания. Они проводили астрономические наблюдения, собирали ботанические, зоологические и этнографические коллекции, занимались переводческой деятельностью.

2. Исследовательские группы и отдельные ученые представители учреждений Российской империи, таких как Академия наук, Генеральный штаб, Императорское Русское географическое общество. Пребывание их в Китае ограничивалось задачами экспедиций. Финансирование осуществлялось из средств Государственного казначейства, средств самих учреждений. Решаемые ими научные задачи: комплектование ботанических, зоологических, этнографических коллекций, астрономические наблюдения, составление карт, торговое и военное изучение страны.

3. Члены русской магнитно-метеорологической обсерватории Академии наук в Пекине. Срок их пребывания не ограничивался. Финансировались первоначально за счет Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, впоследствии Императорской академии наук Министерства народного просвещения. Вели изучение земного магнетизма и метеорологии, занимались основными астрономическими наблюдениями.

Первая экспедиция Академии наук в Китай

Первая попытка проведения самостоятельного научного исследования Китая силами Академии наук в XIX веке была предпринята в 1805 году, когда ученые Академии в составе астронома Ф. И. Шуберта, адъюнкта по зоологии М. И. Адамса, адъюнкта по ботанике И. И. Редовского, географа, минералога Л. Панснера (Императорское депо карт) и адъюнкта по восточным языкам и словесности Ю. Клапрота были назначены в состав очередной смены Духовной миссии в Китай [20: 58]. Однако из-за разногласий на границе посольству отказали в проезде по территории Китая, и ученые были вынуждены проводить свои исследования на Дальнем Востоке и в Сибири.

1830-е годы стали поворотным моментом в истории российского китаеведения. Именно в этот период произошло фундаментальное из-

менение подхода к изучению Китая: от любительских наблюдений к систематической научной работе. В этот период были заложены основы профессионального исследования Китая, сформировались первые научные школы, а изучение китайского языка и культуры стало систематическим и целенаправленным процессом (например, в 1837 году состоялось открытие кафедры китайского языка и словесности в Казанском университете). Именно с 1830-х годов можно говорить о рождении российского профессионального китаеведения как самостоятельной научной дисциплины. Этот переход к профессиональному уровню исследований открыл новую главу в изучении Китая и заложил фундамент для дальнейших научных достижений в этой области.

Экспедиция Академии наук в Китай в 1829 году

В 1829 году к отправлению в Китай готовилась следующая смена РДМ. В конференции Академии наук был разработан план экспедиции. Согласно плану, в Китай предполагалось отправить для проведения астрономических и естественно-научных исследований двух ученых: астронома Е. Н. Фуса и зоолога А. А. Бунге⁴. Миссия 1829 года, в составе которой работали Бунге и Фус, стала фактически первой российской научной экспедицией в Китай. Кроме богатых естественно-научных коллекций, ученые привезли в Петербург этнографические коллекции, отражающие быт и культуру Китая. Несмотря на успешность экспедиции, сложности, связанные с проведением самостоятельных экспедиций на территории Китая, заставили Академию наук отказаться от крупномасштабных исследовательских проектов и задействовать сотрудников миссии, полагая, что при наличии инструкций и небольших образовательных ознакомительных курсов студенты и члены миссии вполне справятся с возложенными на них научными задачами.

Научная деятельность сотрудников миссии в Китае

Следующая, 12-я миссия РДМ была сформирована через десять лет. Невозможность отправить подготовленных специалистов вынудило Академию ограничиться написанием инструкций и ассигнованием денег студентам миссии для закупки старинных китайских, маньчжурских и тибетских книг и манускриптов. В состав миссии вошли студенты Казанского университета В. П. Васильев (1818–1900), В. В. Горский (1819–1847), И. А. Гошкевич (1814–1875) и врач А. А. Татаринов (1817–1886). Студент В. П. Васильев получил неофициальное звание «агента» и корреспондента Академии наук⁵. Сбором зоологических коллекций занимались А. А. Татаринов

и студент В. В. Горский, которые с разрешения китайских властей совершили экскурсию на север страны.

Результатом работы В. П. Васильева стали ботанические и зоологические коллекции, а также большое собрание монгольских и тибетских книг. Для библиотеки Академии Васильевым были приобретены такие сочинения, как «Описание Центральной Азии в средние века» в 12 томах (西域言论)⁶, редкие тибетские книги Ганджур (собрание буддийских текстов) в 108 томах и Данджур (комментарии) в 254 томах. Общая стоимость этих книг составила 500 лян⁷. В 1866 году за заслуги в области востоковедения В. П. Васильев был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук [9: 193].

Понимая сложность получения информации из Китая, Академия наук пыталась привлечь китайских ученых к научному сотрудничеству. Китайцы могли свободно передвигаться по всей территории страны и без подозрений собирать разнообразные коллекции, избавляя тем самым Академию от затрат на организацию и снаряжение полноценной экспедиции.

Одна из попыток привлечения китайских ученых была предпринята в 1839 году. Конференция Академии направила члену РДМ А. А. Татаринову письмо, в котором просила его перевести инструкции зоолога на китайский язык. Академия наук была готова платить 150 рублей серебром в год китайцам, согласившимся работать на российских ученых⁸. Деньги должны были выплачиваться по частям при подтверждении Академией наук заинтересованности в собранных коллекциях или экземплярах. Разрабатывая программу научного исследования Китая, Академия наук предполагала, что эта деятельность принесет пользу не только российской и мировой науке, но будет полезна и китайским ученым, которых привлечет перспектива сотрудничества и получения новых, современных приборов, прежде всего астрономических, возможность получать европейские научные книги и журналы, усвоить передовые методы сбора коллекций и проведения астрономических и метеорологических наблюдений. Однако вскоре стало ясно, что китайские ученые не были заинтересованы в развитии двустороннего научного сотрудничества: китайское правительство официально запретило своим подданным контактировать с иностранцами, единственной формой сотрудничества была передача книг и некоторых инструментов китайцам. Отметим, что в Китае отсутствовали ученые-естествоиспытатели в европейском понимании этого слова.

СОЗДАНИЕ МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ослабление Китая, вызванное политическим кризисом, усиленным поражением в двух Опиумных войнах (1839–1842, 1856–1860), вынудило китайское правительство отказаться от политики самоизоляции. Данное обстоятельство значительно упростило задачу ученым, хотя РДМ в Пекине оставалась основной базой для проведения научных исследований. Начальники миссии активно поддерживали развитие науки в самой миссии. Сотрудники и руководители миссии (XVIII век – А. Л. Леонтьев, И. К. Рассохин; XIX век – Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, З. Ф. Леонтьевский, П. И. Каменский, В. В. Горский, А. А. Татаринов, О. М. Ковалевский, П. И. Кафаров (Палладий) и др.) внесли большой вклад в российское востоковедение, а глава девятой миссии Н. Я. Бичурин за свои труды в 1828 году был избран членом-корреспондентом Академии наук.

В связи с тем что научные исследования в Китае в первой половине XIX века проводились в основном неспециалистами (сотрудниками миссии и прикомандированными к ней врачами и студентами), Академией наук было принято решение перестроить практику получения научных данных из Китая, организовав постоянный пункт наблюдения. В первую очередь изменения коснулись астрономических, метеорологических и магнитных исследований, требующих специальных знаний и инструментов.

В 1848 году на территории Северного подворья РДМ в Пекине было начато возведение магнитно-метеорологической обсерватории, способной проводить и астрономические исследования. К началу февраля 1862 года строительство обсерватории и ее оснащение приборами было в основном завершено; 1 января 1866 года Пекинская обсерватория была включена в состав Академии наук. Обсерватория существовала с 1848 по 1914 год и внесла уникальный вклад в науку о климате на Дальнем Востоке. С 1868 по 1881 год магнитно-метеорологическую обсерваторию в Пекине возглавлял Г. А. Фритше (1839–1913), работавший до этого в Главной астрономической обсерватории Академии наук вычислителем. Он стал первым русским ученым, совершившим несколько экспедиций по территории Китая и составившим карты с использованием самых передовых астрономических инструментов. К концу 1873 года под юрисдикцией Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории находилось шесть магнитно-метеорологических станций, расположенных на территории Китая и Монголии, кроме сибирских

станций. Сеть метеорологических станций охватила практически весь Китай от Тяньцзиня на севере до Цзилуна на юге (современный Тайвань), включая станцию в Урге (центр Монголии) [19].

ВЫВОДЫ

Таким образом, китайский вектор в исследованиях Академии наук не только стал одним из приоритетных направлений ее научной деятельности, но и создал прочный фундамент для формирования отечественной школы китаеведения. На протяжении XVIII и XIX веков стараниями ученых Академии наук в Китае были собраны богатейшие этнографические, ботанические и зоологические коллекции, проведены лингвистические, магнетические и астрономические исследования, в Россию привезены многочисленные книги, манускрипты и рукописи

на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетских языках. Во второй половине XIX века на территории миссии была построена полноценная обсерватория, принадлежащая Академии наук. Исследования климата и земного магнетизма, проводившиеся в Пекинской обсерватории, оказали большое влияние на развитие астрономических и метеорологических исследований в Китае и на российском Дальнем Востоке. Изучение Академией наук Китая за долгий период трансформировалось: от опосредованного получения информации через иезуитов в XVIII веке до полноценных исследований в XIX веке.

Многоаспектные исследования, проводимые академиками на протяжении XVIII–XIX веков, определили развитие российской синологии на последующие десятилетия и позволили российским китаеведам внести существенный вклад в мировое востоковедение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С 1644 по 1912 год Китай официально назывался Империей Цин и включал Монголию и Маньчжурию. Однако для упрощения восприятия и анализа текста мы намеренно используем общепринятое название «Китай» для обозначения этой территории в XIX веке.
- ² *Museum Sinicum, in quo sinicae linguae et literaturae ratio explicator*. Spb.: Acad. Petrop., 1730. Т. 1–2.
- ³ Формальным поводом для отправки цинского посольства в Россию явилось поздравление императора Петра II с восшествием на престол. Однако, когда посольство добралось до Москвы, на престоле уже находилась императрица Анна, что побудило цинский двор в том же 1731 году отправить в Россию новое посольство. Главной целью обоих посольств было заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом России в войне Цинской империи с Джунгарским ханством и склонить волжских калмыков (и прежде всего сына Цэван-Рабдана Лоузана-Шоно, бежавшего из Джунгарии на Волгу) к войне против джунгар.
- ⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401–1829. Л. 3.
- ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9. Л. 4.
- ⁶ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1845. Д. 8. Л. 15.
- ⁷ Лян – китайская серебряная монета. РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1840–1850. Д. 256. Л. 71 об.
- ⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13. Л. 65.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баюк Д. А. Антуан Гобиль, академии его императорского величества и проблема экспорта научных революций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iphra.ru/uplfile/socerp/sem_prob1_rac_ph/122_bayuk.pdf?ysclid=m471cujb2e501610687 (дата обращения 02.12.2024).
2. Болдырев О. Н. Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века // *Известия Саратовского университета. Новая сер. Серия: История. Международные отношения*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 64–68. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68
3. Гасунс М. Ю. История «обыкновенного» шрифта нагари // *Восток (Oriens)*. 2015. № 3. С. 129–141.
4. Дацишен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2017. 192 с.
5. Дацишен В. Г. Изучение истории Центральной и Восточной Азии в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII – первой половине XIX в. // *Мир Евразии*. 2013. № 2 (21). С. 21–26.
6. Дацишен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
7. Ипатова А. И. Деятельность Российской духовной миссии в Китае // *Отечественные записки*. 2008. № 3 (42). С. 320–331.
8. *Летопись Российской Академии наук: В 4 т. Т. I. 1724–1802*. СПб.: Наука, 2000. 994 с.
9. *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов* / Сост. В. Ф. Гнучева; Под общ. ред. акад. В. Л. Комарова. М.; Л., 1940. 312 с.
10. Меньшкова М. О некоторых ценных официальных и диковинных подарках китайского императора Канси российскому императору Петру I [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2023-78/o-nekotorykh-tsennyykh-ofitsialnykh-i-dikovinnykh-podarkakh-kitaiskogo-imperatora-> (дата обращения 05.08.2024).
11. Мороз И. Т. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) // *Восточный архив*. 2010. Вып. 2. С. 19–26.
12. *Образ Петра Великого в странах Восточной Азии* / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь Мир, 2022. 432 с.

13. Пан Т. А. История и состав маньчжурского фонда Азиатского музея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/manjurica/index.html> (дата обращения 18.09.2024).
14. Пан Т. А., Шаталов О. В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского китаеведения: (к изданию работы В. П. Тарановича «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»). СПб.; Воронеж, 2004. 139 с.
15. Попова И. Ф. О первых поступлениях китайских книг в Российскую академию наук и их каталогизации в XVIII в. // Письменные памятники Востока. 2007. № 1 (6). С. 230–246.
16. Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769
17. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 368 с.
18. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 512 с.
19. Феклова Т. Ю. Магнитно-метеорологические станции Санкт-Петербургской академии наук в Китае во второй половине XIX века // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 179–188.
20. Ширин Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на севере-востоке Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. 137 с.
21. Adamek P. The establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Peking as an example of a long-term cooperation between the state and the church: A historical review // Nurt SVD. 2022. Vol. 152, № 2. P. 75–87.
22. Afinogenov G. Spies and scholars: Chinese secrets and Imperial Russia's quest for world power. Cambridge, MA: Harvard University Press, Belknap Press, 2020. 336 p. DOI: 10.2307/j.ctvxkn6ft
23. Clubb O. E. China and Russia. The “Great Game”. New York; London: Columbia University Press, 1971. 578 p.
24. Jin Yunlong. Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission // Journal of Normal Collegue of Changchun. 2012. № 31 (1). P. 61–64.
25. Latourette K. S. A history of Christian missions in China. New York: Russel and Russel, 1967. 930 p.
26. Li Jingcheng. The Russian Orthodox Mission in Beijing (XVIII–XX centuries): Historiography, missionary role, and contemporary assessment // Religions. 2024. № 15 (5). P. 1–21. DOI: 10.3390/rel15050557
27. Lomanov A. V. Chinese culture through the eyes of Russian missionaries: Translations and interpretations // Journal of Renmin University of China. 2009. Vol. 4, № 1. P. 111–121.
28. Lomanov A. V. Russian Orthodox Church (chapter 2.4.) // Handbook of Christianity in China. Vol. 2: 1800 to the present. (R. G. Tiedemann, Ed.). Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 553–563.
29. Parry A. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917; their cultural, political, and economic role // The Pacific Historical Review. 1940. Vol. 9, № 4. P. 401–424.
30. Zhu Kozhen. Meteorological records of Beijing in Qing Dynasty // Meteorological Magazine. 1979. Vol. 12, № 2. P. 214–216.
31. 阎国栋. 俄国汉学史 (迄于 1917 年)。北京:人民出版社。2006。740页。(Ян Годун. История российского китаеведения (по состоянию на 1917 год). Пекин: Народное издательство, 2006. 740 с.)
32. 蔡鸿生. 俄罗斯馆纪事。北京。2006。251页。(Цай Хуншэн. Исторические хроники российской миссии. Пекин: Книжный магазин «Чжунхуа», 2006. 251 с.)
33. 顾长声. 顾长声 传教士与近代中国。上海:人民出版社。1991。498 页。(Гу Чаншэн. Миссионеры и Китай в новое время. Шанхай: Народное издательство, 1991. 498 с.)

Поступила в редакцию 16.12.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Tatiana Yu. Feklova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

REVISITING THE HISTORY OF CHINESE STUDIES BY THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE XVIII AND XIX CENTURIES

Abstract. The study's relevance lies in examining the long-term relationship between Russia and China, shaped by their geographical proximity and centuries-old historical ties. The primary aim of this research is to provide a comprehensive analysis of the “Chinese vector” within the scientific endeavors of the Russian Academy of Sciences during the XVIII and XIX centuries. This approach enables to trace the evolution of early Russian-Chinese scientific cooperation, identify key areas of interaction, and assess the contributions of Russian scientists to the development of sinology as an independent academic discipline. The paper offers a comprehensive analysis of expeditions and natural-scientific research conducted collaboratively by scientists and the Russian Orthodox Mission in China. The study of China's representation in Russian scientific circles is structured around the gradual transition from indirect information acquisition via Jesuit missionaries in the XVIII century to the establishment of a permanent scientific presence in Beijing during the second half of the XIX century, exemplified by the founding of the magneto-meteorological observatory. The research draws upon previously inaccessible sources from Russian archives, including the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Russian State Historical Archive, and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Keywords: Academy of Sciences, China, Beijing, magneto-meteorological observatory, expeditions, Russian Orthodox Mission

For citation: Feklova, T. Yu. Revisiting the history of Chinese studies by the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):72–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1185

REFERENCES

- Bayuk, D. A. Antoine Gobil, His Imperial Majesty's Academies, and the problem of exporting scientific revolutions. Available at: https://iphrras.ru/uplfile/socep/sem_probl_rac_ph/122_bayuk.pdf?ysclid=m471cujb2e501610687 (accessed 02.12.2024). (In Russ.)
- Boldyreva, O. N. China's attempts to form a military alliance with the Kalmyk Khanate in the early XVIII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2020;20(1):64–68. (In Russ.)
- Gasuns, M. Yu. The history of the “ordinary” Nagari font. *Oriens*. 2015;3:129–141. (In Russ.)
- Datsyshen, V. G. The study of the history of China in the Russian Empire. Moscow, 2017. 192 p. (In Russ.)
- Datsyshen, V. G. The study of the history of Central and Eastern Asia in St. Petersburg Academy of Sciences in the XVIII – first half XIX centuries. *World of Eurasia*. 2013;2(21):21–26. (In Russ.)
- Datsyshen, V. G. Christianity in China: history and modernity. Moscow, 2007. 240 p. (In Russ.)
- Ipatova, A. I. Activities of Russian Spiritual Mission in China. *Domestic Notes*. 2008;3(42):320–331. (In Russ.)
- The chronicle of the Russian Academy of Sciences: In 4 vols. Vol. I. 1724–1802. St. Petersburg, 2000. 994 p. (In Russ.)
- Materials for the history of expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries: chronological reviews and description of the archival materials. (V. L. Komarova, Ed.). Moscow; Leningrad, 1940. 312 p. (In Russ.)
- Menshikova, M. Some valuable official and exotic gifts of the Chinese Kangxi Emperor to the Russian Emperor Peter the Great. Available at: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2023-78/o-nekotorykh-tsennyykh-ofitsialnykh-i-dikovinnykh-podarkakh-kitaiskogo-imperatora-> (accessed 08.05.2024). (In Russ.)
- Moroz, I. T. The first Chinese Embassy in St. Petersburg (1732). *Oriental Archive*. 2010;2:19–26. (In Russ.)
- The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
- Pan, T. A. History and composition of the Manchurian Fund of the Asian Museum. Available at: <http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/manjurica/index.html> (accessed 18.09.2024). (In Russ.)
- Pan, T. A., Shatalov, O. V. Archival materials on the history of Western European and Russian sinology: (for publishing *Scholarly Correspondence of the St. Petersburg Academy of Sciences with Beijing Jesuits in the XVIII Century* by V. P. Taranovich). St. Petersburg; Voronezh, 2004. 139 p. (In Russ.)
- Popova, I. F. Arrival of first Chinese books to the Russian Academy of Sciences and their cataloguing in the XVIII century. *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*. 2007;1(6):230–246. (In Russ.)
- Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great's foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769 (In Russ.)
- Samoylov, N. A. Russia and China between the XVII and the early XX centuries: trends, forms, and stages of socio-cultural interaction. St. Petersburg, 2014. 368 p. (In Russ.)
- Skachkov, P. E. Essays on the history of Russian sinology. Moscow, 1977. 512 p. (In Russ.)
- Feklova, T. Yu. Magneto-meteorological stations of the Saint Petersburg's Academy of Sciences in China in the second half of the 19th century. *Historical Courier*. 2023;3(29):179–188. (In Russ.)
- Shirina, D. A. The chronicle of pre-revolutionary expeditions of the Academy of Sciences in North-East Asia. Novosibirsk, 1983. 137 p. (In Russ.)
- Adamek, P. The establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Peking as an example of a long-term cooperation between the state and the church: A historical review. *Nurt SVD*. 2022;152(2):75–87.
- Afinogenov, G. Spies and scholars: Chinese secrets and Imperial Russia's quest for world power. Cambridge, 2020. 336 p. DOI: 10.2307/j.ctvxkn6ft
- Clubb, O. E. China and Russia. The “Great Game”. New York; London, 1971. 578 p.
- Jin, Yunlong. Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission. *Journal of Normal Collegue of Changchun*. 2012;31(1):61–64.
- Latourette, K. S. A History of Christian missions in China. New York, 1967. 930 p.
- Li, Jingcheng. The Russian Orthodox Mission in Beijing (XVIII–XX centuries): Historiography, missionary role, and contemporary assessment. *Religions* 2024;15(5):1–21. DOI: 10.3390/rel15050557
- Lomanov, A. V. Chinese culture through the eyes of Russian missionaries: Translations and interpretations. *Journal of Renmin University of China*. 2009;4(1):111–121.
- Lomanov, A. V. Russian Orthodox Church (chapter 2.4.). *Handbook of Christianity in China*. Vol. 2: 1800 to the present. (R. G. Tiedemann, Ed.). Leiden; Boston, 2010. P. 553–563.
- Parry, A. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917; their cultural, political, and economic role. *The Pacific Historical Review*. 1940;9(4):401–424.
- Zhu, Kozhen. Meteorological records of Beijing in Qing Dynasty. *Meteorological Magazine*. 1979;2:214–216.
- 阎, 国栋. 俄国汉学史 (迄于 1917 年)。北京: 人民出版社。2006。740 页
- 蔡, 鸿生. 俄罗斯馆纪事。北京: 中华书局。2006。251 页。
- 顾, 长声. 顾长声 传教士与近代中国。上海: 人民出版社。1991。498 页。

Received: 16 December 2024; accepted: 3 March 2025

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА КИРИКОВА

старший научный сотрудник Отдела публикации и выставочной деятельности

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2527-5815; kirikova.o@bk.ru

О ПРОЕКТЕ МОСКОВСКОЙ ГИМНАЗИИ 1731 ГОДА

А н н о т а ц и я . В январе 1726 года в Петербурге открылась Академическая гимназия, обязанная по замыслу Петра I готовить кадры для университета, чьи функции должна была исполнять Академия наук. Такая сложная структура стала следствием того, что в России не существовало сети разноуровневых школ. К началу правления Анны Иоанновны гимназия находилась не в лучшем состоянии: на ее работе негативно сказывались общие административные и финансовые проблемы Академии наук, в целесообразности существования которой начали сомневаться чуть ли не сразу после смерти Петра I, и, кроме того, в 1728 году гимназию покинули многие ученики, уехавшие вместе с родителями вслед за императорским двором в Москву. В этих условиях обсуждение в 1731 году проекта еще одной гимназии по образцу академической позволяет говорить о поддержке правительством Анны Иоанновны системы образования, заложенной Петром и развитой позднее Елизаветой Петровной. План по созданию в Москве в начале 1730-х годов гимназии неизвестен исследователям. Восстановить этот важный для истории отечественного образования сюжет стало возможно благодаря сохранившейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН переписке членов Академии наук и В. Н. Татищева – инициатора данного проекта. С помощью ретроспективного метода удалось определить мотивы, побудившие его выступить с подобным предложением, возможности, которые открывались перед юными москвичами в случае реализации задуманного, и причины того, почему проект остался нереализованным.

Ключевые слова: образование, Академическая гимназия, Академия наук, Т. З. Байер, Л. Л. Блюментрост, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев

Для цитирования: Кирикова О. А. О проекте Московской гимназии 1731 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1186

ВВЕДЕНИЕ

Летом 1754 года, представляя И. И. Шувалову свое мнение о будущем Московском университете, М. В. Ломоносов рекомендовал ему обязательно открыть и гимназию, сравнив ее с семинами, без которых оскудеет университетская «пашня»¹. Положение о гимназии в результате вошло в «Проект об учреждении Московского университета», высочайше утвержденный 12 января 1755 года, ее выпускники с 1759 года становились студентами². Между тем гимназия в Москве могла появиться без малого четвертью века раньше, в тот год, когда сам М. В. Ломоносов только начинал обучение в «Спасских школах» – Славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре в Москве.

Вопрос об учреждении в начале царствования Анны Иоанновны гимназии в Москве еще не исследован. Слабую изученность вопроса можно

объяснить тем, что образовательные реформы правительства Анны Иоанновны относятся ко второй половине правления, поэтому основное внимание специалистов сконцентрировано именно на этом периоде [4], [5], [6], а также тем, что не существует цельного комплекса источников по теме. Использованные в данной статье документы из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) отложились не только в личных фондах членов Академии наук, причастных к ее учебной деятельности (Ф. 121 – библиотекаря и главы Академической канцелярии И. Д. Шумахера; Ф. 784 – инспектора Академической гимназии в 1726–1738 годах профессора Т. З. Байера), но и в фондах академических Конференции (Ф. 1. Оп. 3 – Ученая корреспонденция) и Канцелярии (Ф. 3. Оп. 1 – Делопроизводственные материалы) и даже в архивной коллекции (Р. IV. Оп. 1 – Рукописи трудов

и другие документы, поступившие от разных лиц и учреждений). Пофондовая распыленность источников усложняет разработку темы, но оставляет возможность для продолжения исследований.

«НЕБОЛЬШАЯ» ГИМНАЗИЯ В МОСКВЕ

14 января 1731 года Ф. Р. Гмелин, секретарь президента Петербургской академии наук лейб-медика Л. Л. Блюментроста, передал И. Д. Шумахеру его просьбу: подобрать персонал для «небольшой гимназии, которую собираются открыть в Москве» («mann ist gesonnen hier ein kleines Gymnasium anzulegen»)³. Вероятно, похожее письмо тогда же было отправлено и Т. З. Байеру. По крайней мере, 18 января 1731 года он написал Л. Л. Блюментросту относительно задуманного, высказавшись при этом не только о преподавателях, но и о проекте учебного заведения. По мнению Т. З. Байера, его не следовало составлять заново, достаточно было скопировать тот, который использовался для гимназии в Петербурге, – «лучший, какой я только мог придумать», – пояснял инспектор⁴. Столь высокая оценка собственного труда была вполне оправдана, поскольку над регламентом Академической гимназии Т. З. Байер работал несколько лет, начиная с 1726 года, когда им был подготовлен «Проект об устройстве гимназии» («Project von Einrichtung des Gymnasii»). Несмотря на то что этот документ, датированный 10 ноября 1726 года, получил одобрение Л. Л. Блюментроста, Т. З. Байер постоянно вносил в него правки, которые ему подсказывала ежедневная практика, отчего, как он сам признался в письме к И. Д. Шумахеру в 1728 году, первоначальный текст основательно «разбух», но зато «им можно будет неизменно пользоваться в будущем»⁵. Поэтому этот проверенный временем проект Т. З. Байера предлагал теперь лишь подправить в случае необходимости⁶.

Существовала и другая причина, почему инспектор Академической гимназии хотел повторить ее в Москве, а именно: мешавшие учебе переезды «некоторых учеников», которые были бы не столь ощутимы, если бы в обоих городах работали гимназии с одинаковыми программами и способом преподавания⁷. Действительно, с тех пор как императорский двор переместился в Москву, туда вместе с родителями уехали юноши из знатных и связанных с дворцовой службой семей. Были среди них ученики Академической гимназии, которые, покинув Петербург, а с ним и гимназию, через некоторое время вернулись в город, в том числе ради

продолжения учебы. Наиболее показательный пример – племянники Екатерины I Антон, Мартын и Иван Скавронские. Они были записаны в пятый (Quinta)⁸, самый нижний класс Академической гимназии 29 июля 1728 года после долгих уговоров их родителей, имевших предубеждение против совместного обучения сыновей с другими детьми⁹. Вероятно, пойдя тогда на уступки, своего мнения они не поменяли, поскольку в том же году забрали их с собой в Москву¹⁰. Однако совсем скоро молодые Скавронские вернулись в класс и, по отзыву инспектора Т. З. Байера, «за короткий срок достигли многого»¹¹. В Академической гимназии они учились еще несколько лет: старший Антон до начала 1730 года, младшие до апреля 1732 года и, вероятно, все это время периодически прерывали учебу, уезжая к родителям в Москву, но, будь там гимназия, они бы могли ее посещать¹². Как и дети придворных служащих, например Иоганн Стеллиг, чьи родители состояли при дворе цесаревны Елизаветы Петровны: записанный в Академическую гимназию 28 января 1728 года, с переездом в Москву он перестал в ней учиться; или Александр Штейнбах (Штенбах / Штенбок), который жил в Москве вместе с матерью Б. Б. Рутенхельм и отчимом И. Г. Лестоком, также входившими в Елизаветинский круг, и стал учеником гимназии только в Петербурге [1: 72], [2: 409]¹³. Что касается преподавателей, то Т. З. Байер не нашел никого из малочисленного, по его словам, персонала Академической гимназии, с кем бы готов был расстаться:

«Разве только, ради скорейшего устройства Московской гимназии, – допустил он, – те, что теперь в Петербургской гимназии есть, должны бы все вместе туда переехать, а здесь можно было бы обойтись одним классом, в котором занимались бы немецким и письмом, пока не увидели бы, что посещаемость превысила нынешнюю, тогда можно будет набрать еще людей. И для этого было бы довольно одного человека»¹⁴.

По штату Академии наук 1731 года, в гимназии в то время служило 11 человек: адъюнкты И. Э. Фишер (проректор) и А. Б. Крамер вели латинские уроки в старшем, тогда третьем классе, Б. В. Штирмер (Штёрмер) преподавал немецкий язык в четвертом, М. Шванвиц – в самом младшем, пятом классе, им помогали Ю. Г. Миллер, Г. И. Эстерман и учитель чистописания И. В. Люрсениус, Ш.-А. Декомбль учил французскому языку, К. Ф. Шеслер – математике, С. Шмидт – танцам, Г. Гзель – живописи¹⁵. Для чтения отдельных дисциплин в гимназию приглашались и другие адъюнкты Академии

наук, например Н. Х. Винсгейм, который, согласно «Каталогу лекций» на октябрь 1731 года, обучал арифметике и геометрии и, как предполагал инспектор Т. З. Байер, мог бы взять на себя также уроки географии и новейшей истории [7: 198]¹⁶. Обращаясь к Л. Л. Блюментросту, Т. З. Байер не уточнил, кому именно из преподавателей Академической гимназии он решился бы доверить ее, пока другие будут «устраивать» гимназию в Москве. Но, исходя из его замечания, что нужен в первую очередь учитель немецкого и письма, можно предположить, что он выбрал бы Бернгарда Вильгельма Штирмера или Мартина Шванвица, тем более что они оба владели русским¹⁷, а значит, справлялись бы не только с преподаванием, но и с рабочими вопросами, где требовалось знание языка. Известно, что Т. З. Байер особенно выделял М. Шванвица, ценя его человеческие и преподавательские качества, и еще в 1728 году добивался для него повышения¹⁸.

В дальнейшей академической переписке упоминания о московском проекте встречаются только в двух письмах В. Н. Татищева к И. Д. Шумахеру: от 19 апреля и 24 мая 1731 года. В первом случае, возмущаясь долгими проволочками в «учреждении школ» в Москве, чему даже «начала не видимо», он сообщил И. Д. Шумахеру, что «в надежде» на их открытие он забрал из Ревельской гимназии сына, но в ожидании уже так «много напрасно времени потерял и еще больше потеряет», что в конце концов решил отправить его в Петербург, в Академическую гимназию¹⁹. Месяц спустя В. Н. Татищев подтвердил свое намерение, хотя, как признался, «вчера по предложению моему прилежно о учинении здесь (в Москве. – О. К.) гимназии при дворе разсуждали»²⁰. Таким образом, В. Н. Татищев вполне можно считать инициатором или одним из инициаторов плана по созданию в Москве гимназии. Изначально он был лично заинтересован в проекте и напоминал о нем еще весной 1731 года, однако больше к этому вопросу, по крайней мере в переписке со своими академическими корреспондентами, не возвращался. Вероятную причину отказа В. Н. Татищева от реализации идеи Московской гимназии можно найти в его письме к И. Д. Шумахеру от 16 августа 1731 года, где он сообщил: «Здесь о учреждении кадетского училища уже порядок сочиняют, и, чаю, вскоре действительно произведется...»²¹. Сухопутный шляхетный корпус, учрежденный в ноябре того же года, оказался более успешным, нежели гимназия, учебным предприятием, поскольку его программа содержала не только

академические дисциплины вроде математики и истории, но и предметы, полезные для дворянской службы, – фехтование и военное дело²². Этому же способствовало и производство кадетов в чины, чего были лишены выпускники Академической гимназии, как и члены Академии в целом²³.

Бездействие же со стороны Академии наук можно объяснить тем, что появление еще одной гимназии, о которой пришлось бы заботиться ее сотрудникам наравне с Петербургской, было бы слишком обременительно для нее, поскольку академические финансы и штат к 1731 году пришли в критическое состояние. Уже в начале года из-за недостатка средств Академия могла лишиться многих своих профессоров: в январе 1731 года с ней не стали заключать новых контрактов и уехали из России математик Я. Герман и физик Г. Б. Бюльфингер, перешел на дипломатическую службу философ Х. Ф. Гросс, пожелали уволиться: историк Т. З. Байер (инспектор гимназии), юрист И. С. Бекенштейн, математик Д. Бернулли, анатом И. Г. Дювернуа [3: 117–118]²⁴. Эти потери были бы крайне чувствительны для Академии, поэтому ее президент Л. Л. Блюментрост поспешил подписать контракты с «молодыми» профессорами: И. Вейтбрехтом, И. Г. Гмелиным, Г. В. Крафтом, Г. Ф. Миллером и Л. Эйлером и тут же получил совет от И. Д. Шумахера: напечатать «обычный каталог лекций» («ein ordentlicher Catalogus lectionum»), чтобы «всем из него, по меньшей мере, стало ясно, что у нас достаточно людей для обучения необходимым дисциплинам» [8: 223]²⁵. Эти и другие вопросы внутреннего порядка Академии наук Л. Л. Блюментросту приходилось решать одновременно с придворными обязанностями, которых значительно прибавилось после того, как 23 января 1731 года он официально стал лейб-медиком герцогини Мекленбургской, сестры Анны Иоанновны²⁶.

ВЫВОДЫ

Как уже говорилось, инспектор Т. З. Байер считал нехватку учителей помехой для устройства гимназии в Москве. Однако материалы Академической гимназии свидетельствуют, что при необходимости преподаватели для нее находились, более того, принимались далеко не все желающие и не всегда безоговорочно продолвались контракты уже работающих сотрудников. В частности, в 1728 году, несмотря на востребованность танцевальных уроков, получил временную отставку танцмейстер С. Шмидт,

наказанный таким образом за «дурное поведение»; в феврале 1733 года не прошел экзамена у Т. З. Байера искавший место преподавателя в гимназии некий Александр Мусиневский, хотя уже к июлю стало совершенно очевидно, что из-за переполнения нижних классов нужны еще учителя²⁷.

Неверно было бы категорически утверждать, что в правительстве или в обществе совсем не понимали пользы гуманитарных знаний, которые давала гимназия, поскольку знание латыни, ее базового предмета, требовалось в ряде профессий, например в инженерном деле и даже в садово-парковом искусстве²⁸. «Прилежное рассуждение» о гимназии, которое, по сло-

вам В. Н. Татищева, вели при дворе, показывает, что идея такой школы воспринималась положительно и ее можно было осуществить, правда, для этого все еще требовалось вмешательство энергичного и влиятельного лица. Образ «полезного знания» тогда только складывался, поэтому, не перейдя пока в категорию традиции, он оказывался уязвим со стороны внешних обстоятельств, формировавшихся в том числе под влиянием сомнений большинства. Однако даже неудачные инициативы, подобные Татищевской 1731 года, по принципу накопительного эффекта создавали условия для успеха последующих, таких как реализованный проект Московской гимназии М. В. Ломоносова 1754 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 10 (служебные документы, письма 1734–1765 гг.) / Под ред. А. И. Андреева, Г. П. Блока, Г. А. Князева. М.; Л., 1957. С. 514; Т. 9 (служебные документы 1742–1765 гг.) / Под ред. А. И. Андреева, Г. П. Блока, Г. А. Князева. М.; Л., 1955. С. 443–461.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 1825 год (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 14. № 10346. С. 292–293 («Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского университета», 12 января 1755 г.).
- ³ СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 53. Л. 11 об.–12 (письмо Ф. Р. Гмелина к И. Д. Шумахеру, 14 января 1731 г.). Орфография текста.
- ⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 17. Л. 58 (письмо Т. З. Байера к Л. Л. Блюментросту, 18 января 1731 г.; копия).
- ⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 425. Л. 223 (Т. З. Байер. «Consignatio laborum теорум», не позднее 3 июля 1733 г.); Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 245 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 22 января 1728 г.).
- ⁶ Там же. Д. 17. Л. 58 (письмо Т. З. Байера к Л. Л. Блюментросту, 18 января 1731 г.; копия).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Нумерация классов в Академической гимназии, начиная с сентября 1726 года, была обратной, то есть самым младшим классом считался пятый (Quinta), самым старшим – первый (Prima).
- ⁹ О негативном отношении к гимназии старших Скавронских, особенно матери юных графов, писал профессор Х. Ф. Гросс. См.: Там же. Р. I. Оп. 70. Д. 19. Л. 13–13 об. («Index discipulorum», 1726 г.); Ф. 1. Оп. 3. Д. 13. Л. 346 (письмо Х. Ф. Гросса к И. Д. Шумахеру, 20 октября 1727 г.).
- ¹⁰ Косвенно на это указывает ученическая тетрадь Антона Скавронского, последняя запись в которой сделана 4 октября. И хотя год в ней не указан, 1728-й кажется наиболее вероятным по содержанию упражнений, характерных для начального уровня. См.: Там же. Р. III. Оп. 1. Д. 177. Л. 304 («Тетрадь Антона Карловича», 7 августа – 4 октября [1728 г.]).
- ¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 16 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 30 декабря 1728 г.).
- ¹² Там же. Ф. 784. Оп. 2. Д. 3. Л. 5 (письмо Х. Ф. Гросса к Т. З. Байеру, 8 января 1730 г.); Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 74 об. («Реэстр ученикам», [1732 г.]).
- ¹³ Родной отец Александра – Никлас Штенбах был камердинером и придворным портным Екатерины I. Скорее всего, И. Г. Лесток отдал пасынка в гимназию после смерти его матери. Судя по тому, что при поступлении мальчика записали в четвертый класс, он умел читать и писать по-немецки и по-латыни, знал основы латинской грамматики. Такой уровень подготовки был характерен для детей протестантов, где дома читали «Малый Катехизис» М. Лютера, использовавшийся для изучения веры и языка в то время и в Академической гимназии. См.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 73 об., 81 об. («Реэстр ученикам», [1732 г.]); Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 1–3, 4–4 об. («Нынешнее устройство гимназии», 9 сентября 1731 г.; «Каталог лекций», 18 октября 1731 г.).
- ¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 17. Л. 58 об. (письмо Т. З. Байера к Л. Л. Блюментросту, 18 января 1731 г.; копия).
- ¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 791. Л. 50 об., 57, 60 об. (штат Академии наук, 1731 г.).
- ¹⁶ Там же. Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 1, 4 («Нынешнее устройство гимназии», 9 сентября 1731 г.; «Каталог лекций Латинской школы», 18 октября 1731 г.). Кроме того, ученики старшего, так называемого «ректорского», класса могли быть допущены к слушанию профессорских лекций. В 1731 году в гимназии таких учеников не было, но уже через два года они будут упоминаться в гимназическом проекте И. Э. Фишера. См.: Материалы для истории Императорской академии наук: В 10 т. / [Под ред. М. И. Сухомлинова] (далее – МАН).

- Т. II (1731–1735). СПб., 1886. С. 356 («Предложение об устройстве гимназии и школ в Санкт-Петербурге», 7 августа 1733 г.).
- ¹⁷ Б. В. Штирмер и М. Шванвиц принимали участие в переводах на русский язык различных академических трудов. См., например: МАН. Т. I. С. 603 («Рапорт о текущем состоянии Императорской академии наук», 27 декабря 1729 г.).
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 245 об. (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 22 января 1728 г.). М. Шванвиц не получил повышения и, хотя фактически руководил немецкими классами гимназии, формально оставался в звании преподавателя (Informatör) вплоть до своего увольнения из Академии наук в 1732 году. Вновь на академическую службу в 1735 году он был принят на место ректора Немецкой школы гимназии. В том же году Б. В. Штирмер, до этого также учитель, был направлен в Екатеринбург в качестве «ректора немецкого языка». См.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 422. Л. 328 (распоряжение о передаче переводов академических газет адъютанту В. Е. Адодурову в связи с увольнением преподавателя М. Шванвица, 12 августа 1732 г.); МАН. Т. II. С. 183, 693–694, 747–749 (распоряжение Канцелярии АН, 30 сентября 1732 г.; контракт М. Шванвица, 2 апреля 1735 г.; указ Е.И.В., 24 июня 1735 г.).
- ¹⁹ Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 140–141 (письмо № 62 от 19 апреля 1731 г.).
- ²⁰ Там же. С. 143 (письмо № 66 от 24 мая 1731 г.).
- ²¹ Там же. С. 147 (письмо № 75 от 16 августа 1731 г.).
- ²² ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 8. № 5894. С. 569–570 («О записке дворян в Кадетский корпус», 4 декабря 1731 г.). 13 и 23 апреля 1732 года в Кадетский корпус перешли из Академической гимназии Мартын и Иван Скавронские, и сюда же 17 мая того же года был записан сын В. Н. Татищева Евграф. См.: Сухопутный шляхетный корпус (ныне I-й кадетский корпус): исторический очерк. Вып. I. Период графа Миниха (с 1732 по 1741). Составил по архивным материалам Петр Лузанов. СПб., 1907. С. 117, 127, 129.
- ²³ «Табель о рангах» появилась в 1722 году, до создания Академии наук, поэтому в ней не были учтены лица, занятые в сфере науки, что лишало их социальной поддержки и снижало ценность академической службы и научных занятий в целом. Производство в чины дал лишь Регламент Академии наук 1803 года. См.: Уставы Российской академии наук. 1724–2009 / Под науч. рук. В. И. Васильева. М., 2009. С. 87.
- ²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 121. Оп. 2. Д. 53. Л. 21–21 об. (письмо Ф. Р. Гмелина к И. Д. Шумахеру, 4 февраля 1731 г.); Ф. 784. Оп. 2. Д. 3. Л. 87 об. (письмо Х. Ф. Гросса к Т. З. Байеру, 15 февраля 1731 г.); Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 11, 24, 25, 191–192, 198–199.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 167 (письмо И. Д. Шумахера к Л. Л. Блюментросту, 4 января 1731 г.; копия).
- ²⁶ Там же. Ф. 121. Оп. 2. Д. 53. Л. 15 об. (письмо Ф. Р. Гмелина к И. Д. Шумахеру, 25 января 1731 г.).
- ²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 246 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 22 января 1728 г.); Д. 16. Л. 270, 275 об.–276 (распоряжения для Т. З. Байера, 20 февраля и 4 июля 1733 г.; копии).
- ²⁸ Там же. Р. IV. Оп. 1. Д. 1а. Л. 60 (письмо Т. З. Байера к И. Д. Шумахеру, 30 декабря 1728 г.; копия); Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 274 об. (распоряжение для Т. З. Байера, 16 мая 1733 г.; копия). По сути, сохранение за Академией наук учебных функций, согласно петровскому проекту 1724 года, несмотря на все экономические и социокультурные проблемы последующего времени, говорит о востребованности гимназического образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008. 380 с.
2. Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича; При участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. 800 с.
3. Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 212 с.
4. Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет...»: образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М.: Новое изд-во, 2015. С. 218–262.
5. Костин А. А., Костина Т. В. «Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и формирование русского школьного канона // Slověne. 2019. № 2. С. 163–197.
6. Костина Т. В. Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805 гг.) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2016. Кн. 1. С. 207–302.
7. Костина Т. В., Кирикова О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. № 1 (13). С. 194–219.
8. Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: В 2 ч. Ч. 2 / Авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова; Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2022. 280 с.

Поступила в редакцию 13.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Olga A. Kirikova, Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2527-5815; kirikova.o@bk.ru

THE MOSCOW GYMNASIUM PROJECT OF 1731

Abstract. In January 1726, the Academic Gymnasium was established in St. Petersburg as part of Peter the Great's broader educational reform plan, intended to prepare personnel for the university – a higher education institution represented by the Academy of Sciences at the time. The creation of this complex educational structure was a response to the absence of a network of schools at various levels in Russia. By the onset of Anna Ioannovna's reign, however, the Academic Gymnasium was in decline; its operations were hampered by the broader administrative and financial difficulties facing the Academy of Sciences. The viability of the gymnasium was questioned almost immediately after Peter the Great's death. Furthermore, in 1728, many students abandoned the institution, following the imperial court to Moscow together with their parents. Against this backdrop, the 1731 discussion of a new gymnasium modeled on the original academic institution signals the continued support of Anna Ioannovna's government for the educational system initiated by Peter the Great and further developed by his daughter Elizabeth. The proposal to establish a gymnasium in Moscow in the early 1730s has previously been overlooked by scholars. Its rediscovery was made possible through correspondence between members of the Academy of Sciences and Vasily Tatishchev, the initiator of the project, preserved in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Employing the retrospective method, this study explores the motivations behind Tatishchev's proposal, the opportunities that such a project could have offered young Muscovites, and the reasons why the project ultimately remained unrealized.

Key words: education, Academic Gymnasium, Academy of Sciences, T. S. Bayer, L. L. Blumentrost, M. V. Lomonosov, V. N. Tatishchev

For citation: Kirikova, O. A. The Moscow Gymnasium project of 1731. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):81–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1186

REFERENCES

1. Ageeva, O. G. The Imperial Court of Russia, 1700–1796. Moscow, 2008. 380 p. (In Russ.)
2. Foreign specialists in Russia under Peter the Great: Biographical dictionary of natives of France, Wallonia, French-speaking Switzerland and Savoy, 1682–1727 (V. S. Rjéoutski, D. Ju. Gouzevitch, Eds.). Moscow, 2019. 800 p. (In Russ.)
3. Kopelevitch, Yu. H. The establishment of the St. Petersburg Academy of Sciences. Leningrad, 1977. 212 p. (In Russ.)
4. Kostin, A. A., Kostina, T. V. The 1739 “Regulations of the Gymnasium at the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg” by George Wolfgang Krafft and its drafting. “*A regular academy to be established...*”: *Educational projects in Russia during the first half of the XIX century*. (M. Lavrinovitch, I. Fedukin, Eds.). Moscow, 2015. P. 218–262. (In Russ.)
5. Kostin, A. A., Kostina, T. V. “Russian author” in 1739: Gottlieb Bayer, Ivan Taubert and the first steps of Russian school literary canon. *Slověne*. 2019;2:163–197. (In Russ.)
6. Kostina, T. V. The cultivation of elites of the Russian Empire in the educational institutions of the Academy of Sciences (1726–1805). *Relevant past: interaction and balance of interests of the Academy of Sciences and Russian State from the XVIII to the early XX centuries. Essays on history: In 2 books*. (I. V. Tunkina, Ed.). Book 1. St. Petersburg, 2016. P. 207–302. (In Russ.)
7. Kostina, T. V., Kirikova, O. A. Textbooks in the Gymnasium of the Academy of Sciences in the 1730s. *Children's Readings*. 2018;1(13):194–219. (In Russ.)
8. Peter the Great and the establishment of the St. Petersburg Academy of Sciences. Documents and materials: In 2 parts. Part 2. (E. Basargina, O. Kirikova, I. Tunkina, Eds.). St. Petersburg, 2022. 280 p. (In Russ.)

Received: 13 January 2025; accepted: 3 March 2025

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ЗАРЕЦКИЙ

доктор исторических наук, доцент, профессор факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3923-8775; yzaretsky@hse.ru

ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А н н о т а ц и я . Впервые подробно рассматривается содержание учебного пособия по всемирной истории, изданного профессором права и истории Императорского Московского университета Ф. Г. Дильтеем (1723–1781). Этот учебник, «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства», был напечатан в типографии университета в 1762, 1763 и 1768 годах в трех томах с параллельным текстом на французском и русском языках. Его содержание анализируется в контексте историографии и образовательных практик середины XVIII века в России и Западной Европе. Особое внимание уделено фигуре автора, его методическим рекомендациям, порядку изложения событий всемирной истории, представлению истории славян, читательской аудитории. Несмотря на ряд новаций, учебник Дильтея не стал знаковым событием ни в российской историографии, ни в истории российского образования. Однако знакомство с его содержанием и обстоятельствами появления позволяет представить выразительный эпизод распространения исторических знаний в России третьей четверти XVIII века.

Ключевые слова: Московский университет XVIII века, всемирная история, профессор Ф. Г. Дильтей, историческое образование

Для цитирования: Зарецкий Ю. П. Первый учебник истории Московского университета // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1187

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК

Филипп Генрих Дильтей (1723–1781) прибыл в Московский университет по приглашению И. И. Шувалова осенью 1756 года из Вены¹. Имея степень магистра свободных наук Инсбрукского университета, а также «доктора обоих прав» Венского, он был зачислен здесь в штат в качестве «прав и истории профессора». 31 октября было опубликовано объявление куратора Московского университета Шувалова о публичной речи профессора Дильтея и начале чтения им курса лекций:

«...Объявляем, что господин Филип Генрик Дильтей, Профессор прав, Электоральной Могунтинской Академии полезнейших Наук Член, а в сем Императорском Московском Университете Прав и Истории Профессор, сего Октября 31 дня, то есть в четверток в 9 часов по полуночи, речь при собрании говорить будет; а в следующий день как о Правах, так и об Истории ординарные свои лекции преподавать начнет» [4: 185–186].

В университетском каталоге на первое полугодие следующего 1757 года сказано, что помимо «права естественного и народного» он публичные лекции

«о Всеобщей истории продолжит четыре дня в неделю, то есть по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам, в публичной аудитории, с восьмого часа до десятого со всей тщательностью...» [5: 308].

Со второго полугодия 1757 года публичные лекции по всеобщей истории Дильтей передает своему молодому коллеге, недавно прибывшему в Москву, Х. Келлнеру². После скоропостижной смерти Келлнера снова ненадолго возвращается к чтению исторического курса. В университетском объявлении на 1760/61 год сказано, что он

«в публичных своих лекциях по понедельникам, вторникам, четверткам, и пятницам в большой Аудитории, в зимние месяцы от 7 до 9, а в летние от 8 до 10 часов будет читать Исторический курс по сочиненной славным господином Целларием Универсальной истории»³.

Впрочем, уже со следующего года и до окончания службы в университете Дильтей преподает исключительно юридические дисциплины.

Перестав читать историю в университете, Дильтей продолжил обучать историческим на-

укам на французском языке на дому. Причем помимо всеобщей он знакомил своих учеников и с историей России. Об этом мы узнаем, в частности, из университетского объявления о лекциях на второе полугодие 1758 года. Здесь сказано, что Дильтей «по полудни приватно историю Российскую на Французском языке преподавать имеет» [6: 208]. То есть профессор стал давать уроки истории на дому и, судя по объявлениям, которые он публиковал в «Московских ведомостях», продолжал их на протяжении нескольких лет.

В университете Дильтей был человеком далеко не последним. Занимая должность декана юридического факультета, он долгое время считался в нем «старшим» среди профессоров. Всеобщее признание имели и его научные заслуги. Дильтеем было опубликовано больше десятка книг, которые не раз переиздавались и принесли ему славу одного из самых известных в России правоведов. В 1780 году, после двадцати лет университетской службы, он подал прошение об отставке по состоянию здоровья, уехал в Санкт-Петербург и там спустя несколько месяцев умер. Однако карьера Дильтея была отнюдь не безоблачной. Летом 1764 года вследствие конфликта с руководством он был уволен, но в марте 1766 года, после долгого разбирательства в Сенате, восстановлен по указу Екатерины II. С этого времени до окончания службы он оставался в Московском университете одним из самых авторитетных профессоров [3].

Безусловно, с точки зрения современной науки Дильтея вряд ли можно считать профессиональным историком. Однако в его время «чистых» историков вообще не было. Правда, с XVII века в Европе начали появляться должности королевских историографов, которым государи поручали составлять национальные истории, однако эти должности занимали люди, не имевшие ни специальной подготовки, ни специальных исторических знаний: их тогда просто негде было получить. Поскольку между занятиями историей и литературой не видели принципиальных различий, историографами чаще всего были просто образованные представители высших сословий. Безусловно, их исторические сочинения претендовали на правдивость, однако научно обоснованных различий между тем, что мы называли бы «исторической истиной» и «историческим вымыслом», еще не существовало: рациональные методы критики и филологического анализа исторических источников только начинали складываться⁴.

Преобразование истории в науку (то есть способ познания прошлого, использующий определенные критические процедуры) особенно быстро происходило тогда в Геттингенском универси-

тете. Исторического факультета, правда, в нем еще не было и историю там преподавали на факультете философском вместе с географией, статистикой, политическими и филологическими науками, вспомогательными дисциплинами. Не была исключительно исторической и научная продукция тех его профессоров, которых мы сегодня без всяких сомнений называем историками. А. Л. Шлецер, например, помимо трудов по всеобщей и русской истории был автором русской грамматики, одним из создателей статистической науки, читал лекции по банковскому делу, ввел в научный оборот понятие «этнология», был популярным публицистом и издавал политический журнал, в котором с либеральных позиций критиковал власти [10]. Другой пример – Ш. Роллен, опубликовавший множество сочинений по истории, в их числе и монументальную «Древнюю историю» в двенадцати томах⁵. Он получил богословское образование, имел монашеский сан и в Парижском университете занимал кафедру профессора риторики и красноречия.

В общем, можно заключить, что Дильтея, как и многих ученых того времени, можно называть энциклопедистом. Хотя, конечно, в первую очередь все же правоведом, а не историком. Точно так же, как Ломоносова в первую очередь называют химиком и физиком, а не поэтом или историком. Что, впрочем, не мешало его «Краткому российскому летописцу» на протяжении десятилетий оставаться главным университетским пособием по русской истории⁶.

УЧЕБНИК ИСТОРИИ. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Главным свидетельством, которое оставил о себе Дильтей-историк, стал его учебник⁷. Это был не только первый исторический труд, созданный профессором Московского университета, но и вообще *первый печатный обзор всемирной истории, созданный в России*. Посмотрим, что он собой представлял.

«Первые основания универсальной истории» были изданы в трех частях (в 1762, 1763 и 1768 годах) параллельно на французском и русском языках. Как следует из названия книги и разъяснений автора в ее предисловии, предназначалась она для домашнего обучения отпрысков из благородного сословия. Изложение материала давалось здесь в хорошо знакомой и понятной учащимся того времени вопросно-ответной (катехизисной) форме. Что касается перерыва между выходом второй и третьей части, то он объясняется увольнением Дильтея. Необходимо также добавить, что по не вполне ясным причинам издание книги осталось незаконченным: третью часть Дильтей предполагал опубликовать в двух томах, вышел же только первый. И другое

важное добавление: издание учебника было задумано как коммерческое предприятие, то есть он печатался в типографии Московского университета за счет собранных автором средств, которые он рассчитывал вернуть с лихвой. Наконец, еще одна важная деталь: учебник использовался Дильтеем во время частных уроков, проходивших у него дома.

Итак, раскрываем его первую часть. После титульных листов (французского и русского) идет двуязычное посвящение автора восьмилетнему наследнику престола великому князю Павлу Петровичу. Составлено оно в полном соответствии с традиционной для своего времени высокой риторикой: «Пресветлейшее имя, которым ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО дозволили украсить сии основания истории, подает нам надежду к возстановлению златого века Августова и Меценатова» и т. д.⁸ После восхваления достоинств наследника, его матери Екатерины II и ее предшественников на российском троне (Петра Великого и Елизаветы Петровны) следуют раболепная формула подношения и мелким шрифтом набранная подпись в самом конце: «Подданнейший и всенижайший ФИЛИПП ГЕНРИХ ДИЛТЕЙ, Доктор и профессор юриспруденции и истории»⁹.

ПРЕДИСЛОВИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Для понимания характера и особенностей учебника важное значение имеет предисловие к первой части, разъясняющее «многие причины», по которым он был издан. Первой из них Дильтей называет отсутствие литературы подобного рода в России. Затем указывает основные источники, которые он использовал при его составлении, — труды двух французов: своего современника ученого-энциклопедиста П. Массюэ и знаменитого богослова и писателя XVII века Ж. Б. Боссюэ.

Дальше он подробно разъясняет, на какого читателя рассчитана эта книга, почему она двуязычна, и в заключение дает советы по ее использованию в преподавании истории. Одновременно Дильтей сообщает нам любопытные сведения о домашнем обучении в России того времени:

«Я издал сии сокращения истории для употребления моим ученикам, дабы не тратить времени, переписывая оная и не прийти в убыток, покупая книги дороже. Другое же мое намерение было такое, чтобы услужить господам учителям, снабдя их такою книгою, которую б могли они преподавать своим ученикам и которая служила б им наставлением в доказании истории, и была бы им великою ползою в таком случае, когда они не знают российского языка, что случается со всеми приезжающими в Россию, призваны ли они будут из иностранных земель или какой иной случай их сюда

приведет. Она им в таком случае весьма полезна будет как для них самих, так и для их учеников, еще не совсем разумеющих силу всех слов. Учитель может показать своему ученику перевод российской, написанный против французского»¹⁰.

Приведенный фрагмент предисловия позволяет сделать по крайней мере одно важное заключение: автор рассчитывал, что его учебник будут использовать не только русские, но и проживающие в России иностранцы. Хотя из его дальнейших разъяснений следует, что «Первые основания» адресованы в первую очередь именно русским читателям. Так, обращаясь к родителям юных читателей учебника, Дильтей упреждает их возможное недоверие к автору-иностранцу специальными рекомендациями. Те из них, кто не знает французского, говорит он, смогут проверить содержание книги с помощью русского текста и таким образом оценить ее вероисповедную чистоту и историческую «правильность»:

«Я еще намерен оказать услугу родителям и родительницам, не знающим иностранных языков, ибо они сомневаются, и имеют причину сомневаться, чтоб история, которой обучают их детей, не была против их закону или против правления, или против честности нравов, которые полезнее молодому дворянину, нежели великое знание. Родители и родительницы ни мало о сем сомневаться не должны, имея перед собой перевод с французского на российский язык, где они могут видеть учрежденные главы и в состоянии о них рассуждать, сходны ли они с их народом, их правлением и с их нравами»¹¹.

Что касается способа использования пособия во время занятий (то, что мы сегодня назвали бы методическими рекомендациями), то Дильтей ограничивается заявлением, что, поскольку изучение истории требует значительных усилий, заниматься ею следует регулярно и продолжительно: два раза в неделю в течение двух лет¹². Заканчивается предисловие учтивым обращением автора к читателям с просьбой простить допущенные в книге типографские погрешности и обещанием исправить их в следующем издании: если «Первые основания» будут благожелательно восприняты публикой («есть ли сии основания истории возымеют щастие понравиться обществу»)¹³.

В предисловии к первому тому третьей части «Универсальной истории», вышедшему в 1768 году, Дильтей развивает тему методических рекомендаций по использованию учебника в преподавании. Эти рекомендации представлены достаточно подробно и опираются на его практику работы с книгой («Нужно теперь и объявить способ употребления сея книги, ибо я сам опыт делал»)¹⁴. Он советует, чтобы на каждом за-

нятии ученики прочитывали по одному уроку – сначала по-французски, а затем, не подглядывая в книгу, переводили прочитанное на русский. После такого двойного прочтения он предлагает наставнику давать пояснения к каждому из приведенных в уроке вопросов и ответов до тех пор, пока их содержание не будет усвоено учениками («сколько надобно для углубления в памяти»)¹⁵. В конце занятия, наставляя он, необходимо перейти к тому, что сегодня называют «закреплением материала»: задавать вопросы каждому ученику, стремясь, чтобы до его окончания прочитанное запечатлелось в памяти каждого.

Разъясняя эту методику изучения истории, Дильтей подчеркивает ее пользу: благодаря ей ученики не только получают знания о всемирной истории, но смогут поупражняться в чтении, переводе и устной речи. И тут же поясняет, что он выступает против механического заучивания материала урока («и какую пользу имели бы они, умея наизусть сказать ответы двух или трех страниц?»)¹⁶. Гораздо полезнее «истолкование истории и повторение маленьких вопросов», хотя самыми важными будут пояснения учителя к тексту урока («изъяснение того, которой обучает истории»)¹⁷.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Посмотрим теперь, как Дильтей выстраивает рассказ о прошлом человечества. Очевидно, что в порядке изложения и содержании материала он опирается на европейскую историографическую традицию XVII – начала XVIII века, в частности представленную в трудах П. Массюэ и Ж. Боссюэ, на которые не раз ссылается. И хотя его учебник не следует за этими авторами буквально, по большому счету его содержание не сильно отличается от их сочинений. Как, впрочем, и от большинства немецких и французских пособий по всемирной истории того времени. В первую очередь это относится к его периодизации всемирной истории.

В середине XVIII века в европейском учебном мире по-прежнему доминировали представления о двухчастном делении истории человечества на древнюю (от сотворения мира до рождения Христа) и новую (от рождения Христа до современности). Соответственно, первые две части книги Дильтея посвящены древней истории, а последняя, третья, – новой. Что касается внутреннего деления этих больших эпох, то Дильтей также неоригинален. Древнюю историю он делит на девять периодов: от сотворения мира до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до взятия Трои, от Трои до освящения Соломонова храма, от освящения храма до основания Рима, от Рима

до конца Вавилонского пленения евреев, от Вавилонского плена до разрушения Карфагена, и далее – до рождения Христа. Столько же этапов насчитывается и в новой эпохе: от рождения Христа до императора Константина, от Константина до возникновения новых государств на территории Западной Римской империи, от их возникновения до империи Карла Великого, от империи Карла до первого крестового похода, от первого крестового похода до образования Османской империи, от начала Османской империи до начала Реформации, от Реформации до воцарения Филиппа V в Испании, от Филиппа V до начала правления Георга I в Англии и далее – «до наших времен в 1762 году»¹⁸. Никаких новаций Дильтей не предлагает и при изложении событий древней истории, по устоявшейся традиции основанной на известных библейских рассказах и хрестоматийных сочинениях античных авторов. Гораздо более самостоятельны его сюжеты, посвященные истории новой, в частности связанные с Россией.

Для современного читателя несомненный интерес представляет введение к учебнику, в котором Дильтей истолковывает понятие «история», в особенности первый урок, названный им «О истории вообще». История определяется здесь как «точное и справедливое описание о происшедших приключениях, разделенных по течению времени, чтоб мы знали все, что приключилось примечания достойного в свете»¹⁹. Это описание различается по своему предмету и бывает четырех видов: история священная, светская, всеобщая и местная.

После разъяснения содержания каждой из них Дильтей называет две науки, без которых изучение истории является невозможным: хронологию и географию. И дальше на протяжении 16 (!) уроков подробнейшим образом рассказывает о способах летосчисления у разных народов, а также трудностях, которые создает их несходство. Он представляет ученикам четыре известные в его время периодизации всемирной истории: Варрона (темное, баснословное и историческое время), «древних стихотворцев» (золотой, серебряный, медный и железный века), средневековое (на семь веков) и, наконец, то, которое принято в его время и которому он следует (древняя и новая).

Примечательно, что, несмотря на учебный характер книги и катехизисную форму подачи материала, Дильтей не избегает в своем учебнике трудных вопросов. В частности, он признается ученикам, что с историческим летоисчислением связано множество сложных проблем:

«В. 90. Ясна ли подлинна хронология? О. Со всем тем еще много находится несправедливости и темности

в хронологии. [...] В. 91. Откуда происходит сия несправедливость и темнота в хронологии? О. Сия несправедливость происходит от многих причин. В. 92. Какая есть первая причина оной несправедливости? О. Чрезмерная различность в хронологии, находящаяся между Библиею 70 переводчиков и Библиею, называемую Вульгатом, причиняет такое замешательство, которого не знаем, как избежать»²⁰.

Можно предположить, что подчеркивание «темности» хронологии и связанные с этим противоречивые выводы ученых выглядели для тогдашнего российского читателя довольно смело или даже рискованно и что Дильтей вполне мог бы о них промолчать, дабы не смущать неокрепшие умы. Однако он не делает этого, даже когда касается весьма деликатных вопросов:

«В. 99. Нет ли несогласия о годе рождения Христова? О. Есть, и так, что более пятидесят разных мнений; но как бы то ни было, хронология достойна того, чтобы люди с лучшим рассуждением в ней упражнялись, и не надобно убегать трудностей, в ней находящихся. В. 100. В такой разности мнений, какому вы следуете? О. Я следую мнению, которое полагает рождество Христово в 4000 с Узерием, епископом Армахенским и Боссюэтом, епископом Метенским»²¹.

ДЛЯ РУССКИХ УЧЕНИКОВ

Не вызывает сомнений, что двуязычный учебник Дильтея был обращен в первую очередь к русскому читателю и лишь затем к иностранному. Это видно из того, что он не ограничивался компиляцией из исторических сочинений европейских ученых, но содержал материал, специально переработанный, дополненный и адаптированный к российским условиям. Об этом можно судить, например, из разъяснений автора о происхождении современного русского календаря и различий между принятым в России летоисчислением от сотворения мира и западноевропейским:

«В. 114. С какого времени в России начался год от первого Генваря? О. При Петре Великом, которой повелел в 1700 году начинать год с сего числа. В. С которого месяца у них начинался год прежде сего? О. С сентября месяца. В. Каким образом считали годы в России? О. От сотворения мира и вместо того, чтобы считать теперь 1762 год от рождества Иисуса Христа, должно бы было считать по нашему числению 5796 год, но подлинно и теперь по церковному уставу счисляют 7270 год»²².

Нет сомнений, что некоторые сюжеты «Первых оснований» были хорошо знакомы его русским ученикам. В частности, открывающий собственноручно исторический рассказ семнадцатый урок «Сотворение мира» – все ученики Дильтея так или иначе изучали Закон Божий. То же

самое можно сказать и о нескольких следующих уроках – вплоть до начала античной истории, основывающихся уже на греко-римских авторах, гораздо меньше им известных. Ученики Дильтея также могли кое-что знать и о событиях европейской истории после падения Рима из иностранных переводов. А из «Синописа» Гизеля и «Краткого российского летописца» Ломоносова – об истории славян и Российского государства. Однако не вызывает сомнений, что в «Первых основаниях» они встретили немало для себя нового.

Наибольший интерес русских читателей вызывали, конечно, не библейские сюжеты, греко-римские древности или история Германской империи, а все, что было связано с Россией. В частности, рассуждения Дильтея о происхождении россов и их родстве с москвитями. Примечательно, что, как и во многих других местах учебника, Дильтей демонстрирует здесь критический подход к представлению исторического материала. Следуя сначала за библейским текстом, он затем переходит к его истолкованиям, к допущенным в этих истолкованиях ошибкам ученых и в конце указывает на причины этих ошибок:

«В. 245. Сколько ж было детей у Иафета? О. Семь: 1) Гамер, от которого произошли первые жители Галатии... и 7) Мосох. В. 246. Не от сего ли Мосоха поколение россов начинается? О. Некоторые авторы суть сего мнения, но они в том погрешают, ибо известно, что россы происходят от скифов и следственно их начало больше полагать надобно от Магога, общего праотца гетов, массагетов и скифов. В. 247. Авторы, кои пишут происхождение россов от Мосоха, не погрешают ли в ином еще? О. Они еще в том погрешают, что их называют москвитянами, которое имя не собственно всей нации, но только жителям города Москвы или той провинции. В. 248. Откуда сия погрешность произошла? О. От малого знания писателей о России, не весьма известной другим европейским державам до Петра I...»²³.

Разумеется, внимание русских читателей не могли не привлечь сведения о славянах, которые Дильтей также подвергает критическому рассмотрению. Например, в уроке «История генеральная о готах» он не только демонстрирует знакомство с сочинениями древних и современных историков, но и оспаривает некоторые их выводы:

«Вопрос 173. Готы – немцы или славяне родом? Ответ. Тацит сомневается о вандалах, немцы они или сарматы; их язык, уверяет нас, что они принадлежат к последним. Писатели славянские, между которыми находятся С. Нестор Печерский, Мавроурбин Рагузской архимандрит и издатель Синописа Российской истории с многими манускриптами, которые называются летописцы, приводят нас в сомнение, были ли готы немецкой народ или славянской; но как их язык, не имея сходства со славянским, сходствует много с немецким,

то мы смеем подтвердить, что готы были народ немецкой, а не славянской»²⁴.

Критический подход к установлению исторической истины (разумеется, в границах его времени и индивидуальных познаний) Дильтей демонстрирует едва ли не во всех сюжетах, касающихся российской истории, педантично ссылаясь при этом на источники своих сведений:

«В. 186. Что нам известно о собственно так называемой России во время сей эпохи? О. Отин или Воден, будучи изгнан из Азии Помпеем Великим за 60 лет прежде Р. Х., вошел в Скифию, или в ту землю, которую мы ныне называем Россиею, себе оную покорил... Вероятность сего исторического повествования оставляем мы сочинителю онаго Г. Пуфендорфу, отсылая нашего читателя для исследования к тому 5 комментариев Санктпетбургской Академии Наук в историческом классе “о делах скифских”»²⁵.

Дальше, вновь следуя за Пуфендорфом («Пуфендорф в истории своей о Швеции, напечатанной в Амстердаме в 1732 году...»), он рассказывает о россах, однако, переходя к истории славян, начинает спорить со знаменитым ученым²⁶. Так, отвечая на вопрос «Что вы примечаете о славянах, собственно так называемых в сей эпохе?», он упрекает знаменитого ученого в отсутствии ссылки на источники («жалко, что господин Пуфендорф не пишет, на чем утверждает свою историю»)²⁷. А далее пускается в самостоятельное мини-исследование славянских древностей, не забыв сослаться на авторитетный в его время «Краткий российский летописец» Ломоносова:

«Мы найдем в Синописе о начале славянского народа, что Август сам не смел их атаковать по причине их храбрости и сил, и как ему советовали воевать с ними, то отвечал: “не подобает мне злотою удицею рыбы ловить”; якобы хотел сказать: “я не хочу больше изгубить, нежели обрести”. Также автор прибавляет, что он одному из своих генералов, именем Лентулию, писал, заповедуя, дабы отнюдь славянов раздражать войною не дерзал. [*Синопис о началах славянского народа стр. 5 в издании 1735 году] Нестор, отец славянской истории,

пишет, [*Г. Ломоносов в древней своей истории о России стр. 10] что они уже жительствовавши в Иллирике, когда С. Апостол Павел там Евангелие исповедовал, и что обитавшие около Дуная славяне перешли к северу, убегая насильного владения поселившихся между ними римлян»²⁸.

Приведенные в «Универсальной истории» сведения о начале славянского народа выглядят сегодня, конечно, чудовищно архаичными. У современного читателя, скорее всего, вызовут скептическую улыбку и поиски Дильтеем исторической истины. Однако его учебник вполне соответствовали «среднему» уровню европейского исторического знания того времени. Достаточно сказать, что в России в то время еще преподавали по совершенно устаревшему «Введению в генеральную историю» Гильмара Кураса, изданному дважды тысячными тиражами²⁹. К тому же нельзя забывать, что научной всемирной истории в нашем понимании этого слова, тем более истории России, тогда еще не существовало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имена покупателей своего учебника, продававшегося по подписке, Дильтей публиковал в каждом из его томов. Зачем они приобретали книгу Дильтея и что находили в ней интересного? На эти два вопроса вряд ли удастся найти ответ, как, впрочем, и на многие другие, связанные с этим первым учебным пособием по истории Московского университета. Ясно только, что, в отличие от сочинений Дильтея по праву, «Первые основания» не оказали заметного влияния на развитие образования в России и не оставили следа в российской историографии. Однако знакомство с обстоятельствами появления этого учебника, его содержанием, способами распространения и кругом читателей позволяет рассмотреть «в высоком разрешении» один из любопытных эпизодов истории культуры России третьей четверти XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные сведения о Дильтее см.: [2]; Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М., 1855. С. 301–311; Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 381; Императорский Московский университет. 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 215; [9]; Meusel J. G. Lexikon der von 1750–1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller. Bd. 2. Leipzig, 1803. S. 368–370; Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey (1723–1781) und sein Bildungsplan für Rußland vom Jahre 1764 // Österreichische Osthefte: Mitteilungsorgan des Österreichischen Ost und Südosteuropainstituts. 1989. V. 31. S. 203–237.

² См. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета... С. 403–404; Императорский Московский университет... С. 216.

³ Цит. по: [7: 53]. Имеется в виду трехтомный труд профессора университета в Галле К. М. Келлера (см. первое издание: Cellarius Chr. Historia universalis. Jena, 1702). Известно также, что 26 апреля 1761 года Е. Орлов, студент «из класса Исторического господина Профессора Дилтея», должен был читать в университете со-

- чиненную им диссертацию по истории, но «для избежания излишней продолжительности» времени чтение это было отменено. Тем не менее за свое прилежание Попов получил от университета золотую медаль [5: 629].
- ⁴ История как особая научная дисциплина впервые стала обособляться в германских университетах последней трети XVIII века. В это время в них «было сформулировано новое понятие “история” (Geschichtsbegriff), демонстрировавшее обретенную самостоятельность исторической науки (historische Wissenschaft)» [1: 198].
- ⁵ Rollin Ch. Histoire ancienne des Égyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Medes et des Perses, des Macedoniens, des Grecs. Paris: J. Estienne, 1730–38. Vol. 1–13.
- ⁶ Начиная с 1760-х годов его часто добавляли приложением к переводам трудов по всемирной истории (см. об этом дальше). Впрочем, содержание «Краткого российского летописца» вскоре перестало удовлетворять растущим требованиям к историческому знанию. Запрос на его профессионализацию в России того времени язвительно сформулировал Шлецер, известный своей непримиримой критикой Ломоносова-историка: «...от химика по профессии уже а priori можно было ожидать такой же отечественной истории, как от профессора истории химии» (Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. [СПб., 1875]. С. 56). О развитии исторических знаний в России и их связи с европейской историографией во второй половине XVIII века см. новое фундаментальное исследование [8].
- ⁷ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства = Premiers elemens de l'histoire universelle avec un abregé de la chronologie à l'usage de la jeunes noblesse de Russie. Ч. 1–3. [М.]: Тип. Моск. имп. ун-та, 1762–1768.
- ⁸ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 1. С. 3, 5.
- ⁹ Там же. С. [15]. В начальной части книги пагинация не упорядочена.
- ¹⁰ Там же. С. 3 (со стр. 2 Предисловия идет новая пагинация).
- ¹¹ Там же. С. 3, 4.
- ¹² «А по колику История есть такая наука, которая требует долговременного и безпрестанного труда, то я желал облегчить способы, через которые б можно в оной иметь успехи, разделил ее на двулетнее учение, не задавая более двух уроков в неделю». Там же. С. 2–3.
- ¹³ Там же. С. 4.
- ¹⁴ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 3. Т. 1. С. [7].
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. [9].
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 1. С. 65. Предлагая эту традиционную для учебных пособий его времени периодизацию, Дильтей все же проявил некоторую самостоятельность, выделив два последние этапа всемирной истории, доведенные до середины XVIII века. Однако, поскольку последний том второй части «Первых оснований» так и не вышел, рассказ в учебнике заканчивается образованием новых государств в результате германских нашествий и первыми столетиями их существования.
- ¹⁹ Там же. С. [3].
- ²⁰ Там же. С. 35, 37.
- ²¹ Там же. С. 39. Дильтей имеет в виду Архиепархию Римско-католической церкви в городе Арма (Северная Ирландия). Установить, кто такой «Узерий», мне не удалось.
- ²² Там же. С. 43, 45. Примечательно, что Дильтей не скрывает здесь того, что является европейским ученым: в его объяснении «у нас» – это у европейцев, а «у них» – у русских.
- ²³ Там же. С. 91.
- ²⁴ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 3. Т. 1. С. 79, 81.
- ²⁵ Там же. С. 93.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 97.
- ²⁸ Там же. С. 97, 99.
- ²⁹ Курас Г. Введение в генеральную историю. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1747.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. 1. М., 2014. 728 с.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: В 3 т. / Подгот. к печ., коммент. Н. А. Пенчко. М., 1960–1963.
- Зарецкий Ю. П. Как профессор Филипп Дильтей отстоял свою правду (Случай из ранней истории Московского университета) // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (Т. 191). С. 142–166.
- История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов / Сост., вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышина. Т. 2. М., 2011. 374 с.
- История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов / Сост., вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышина. Т. 3. М., 2014. 813 с.
- История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов / Сост., вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышина. Т. 4. М., 2016. 1019 с.
- Костышин Д. Н., Рычаловский Е. Е. Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г. Ф. Миллеру в 1757–1762 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 / Сост. Т. Б. Князевская. М., 2000. 715 с.

8. Свердлов М. Б. Российская историография второй половины XVIII века. СПб., 2022. 540 с.
9. Томсинов В. А. Филипп Генрих Дильтей (1723–1781), первый профессор юридического факультета Московского университета // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, вып. 4 (138) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/issue.2024.2.4.4-138/> (дата обращения 12.01.2025).
10. Peters M. Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster, 2003. 528 S.

Поступила в редакцию 22.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Yury P. Zaretskiy, Dr. Sc. (History), Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3923-8775; yzaretsky@hse.ru

THE FIRST HISTORY TEXTBOOK OF MOSCOW UNIVERSITY

Abstract. The article provides the first detailed examination of the contents of a textbook on world history published by Philipp Heinrich Dilthey, professor of law and history at the Imperial Moscow University. This textbook, *The First Foundations of Universal History with an Abridged Chronology for the Benefit of the Educated Russian Nobility*, was published by the university in 1762, 1763, and 1768 in three volumes with parallel texts in French and Russian. Its content is analyzed in the context of the historiography and educational practices of the mid-eighteenth century, both in Russia and in Western Europe. Particular attention is paid to the book's author, his methodological recommendations, the order of presentation of world history events, the presentation of the history of the Slavs, and the book's target audience. Despite a number of its innovations, Dilthey's textbook did not become a landmark event either in Russian historiography or in the history of Russian education. However, a study of its content and the circumstances under which it was written and published helps to obtain a vivid example of disseminating historical knowledge in Russia in the third quarter of the XVIII century.

Keywords: Moscow University in the XVIII century, world history, Professor Dilthey, historical education

For citation: Zaretskiy, Yu. P. The first history textbook of Moscow University. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1187

REFERENCES

1. Günther, H., Kozellek, R., Mayer, K., Engels, O. History (Geschichte, Historie). *Dictionary of basic historical concepts. Selected articles*. Vol. 1. Moscow, 2014. 728 p. (In Russ.)
2. Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the XVIII century: In 3 vols. (N. A. Penchko, Ed.). Moscow, 1960–1963. (In Russ.)
3. Zaretsky, Yu. P. How Professor Philipp Dilthey defended his truth (A case from the early history of Moscow University). *New Literary Review*. 2015;1(191):142–166. (In Russ.)
4. The history of Moscow University (the second half of the XVIII – early XIX centuries): Collection of documents. (D. N. Kostyshin, Ed.). Vol. 2. Moscow, 2011. 374 p. (In Russ.)
5. The history of Moscow University (the second half of the XVIII – early XIX centuries): Collection of documents. (D. N. Kostyshin, Ed.). Vol. 3. Moscow, 2014. 813 p. (In Russ.)
6. The history of Moscow University (the second half of the XVIII – early XIX centuries): Collection of documents. (D. N. Kostyshin, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2016. 1019 p. (In Russ.)
7. Kostyshin, D. N., Rychalovsky, E. E. Leipzig scientists at Moscow University and their letters to Academician G. F. Miller in 1757–1762. *Monuments of culture. New discoveries. Yearbook of 1999*. (T. B. Knyazevskaya, Ed.). Moscow, 2000. 715 p. (In Russ.)
8. Sverdlov, M. B. Russian historiography of the second half of the XVIII century. St. Petersburg, 2022. 540 p. (In Russ.)
9. Tomsinov, V. A. Philip Heinrich Dilthey (1723–1781), first professor at the Faculty of Law of Moscow University. *The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*. 2024;15(4(138)). Available at: <https://history.jes.su/issue.2024.2.4.4-138/> (accessed 12.01.2025). (In Russ.)
10. Peters, M. Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster, 2003. 528 S.

Received: 22 January 2025; accepted: 3 March 2025

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

АКАДЕМИЧЕСКИЙ «РЕСПУБЛИКАНИЗМ» И ПРАКТИКИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В 1800–1830-х ГОДАХ (на примере Петербургского университета)

А н н о т а ц и я . Российская наука и университетское образование в XVIII – начале XIX века развивались путем переноса и адаптации западноевропейских моделей распространения научного знания, а также моделей самоорганизации самих научных сообществ. Однако границы академического самоуправления в России устанавливались государством. Как практически реализовывались положения об университетском самоуправлении в системе повседневной научной, учебной, кадровой, хозяйственной, административной деятельности университета, можно судить на основании материалов обширного университетского и ведомственного делопроизводства. В статье впервые всесторонне проанализированы журналы Конференции Петербургского педагогического института / Совета Петербургского университета за 1808–1835 годы, которые позволяют установить решающую роль этого коллегиального органа в разработке системы преподавания, в кадровых вопросах, в организации научной экспертизы и лицензирования, в укреплении материальной и научной базы университета, в администрировании подведомственных училищ на территории округа, выстраивании горизонтальных коммуникаций с другими учреждениями. Университетское делопроизводство отражает механизм взаимодействия Совета профессоров с попечителем учебного округа и другими органами власти по вопросам выборов ректора, деканов, определения на должности профессоров и младших преподавателей, приема студентов и распределения выпускников на учительские места. В этих и многих других вопросах, обсуждавшихся коллегиально, решения университетской корпорации служили основанием для распоряжений попечителя учебного округа и высшей власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история Санкт-Петербургского университета, университетские уставы, университетская автономия, Совет университета, ректор, профессора

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жуковская Т. Н. Академический «республиканизм» и практики университетского самоуправления в России в 1800–1830-х годах (на примере Петербургского университета) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1188

ВВЕДЕНИЕ

Самоуправление университетов в Средние века и раннее Новое время было близко античной модели республиканизма, определяющей не форму правления, не механизм участия гражданина в политике, а рамки «общего дела» и общего мира. Система отношений в республиканском Риме, как и в греческих полисах, исключала противостояние «государства» и народа (*Populus Romanus*). Цицерон в диалоге «О государстве» определял республиканскую модель социальных отношений (*Res publica* или *Res populi*) как «дело народа, а народ – это не всякая сходка, собранная вместе тем или иным образом, но соединение множества людей, связанное согласием по поводу права и общей пользы» (цит. по: [5:

171–172]). Самоорганизацию академических сообществ, следующих уставам, традициям и довольно консервативным формам науки как «общего дела», до XX века включительно можно считать историческим образцом локального (профессионального) республиканизма – в цicerоновском смысле.

Университетские корпорации были достаточно изолированы в социальном и территориальном отношении и в то же время наделены подтвержденными властью привилегиями, главными из которых были: экстерриториальность, право самоуправления, самопополнения, лицензирования, свободы преподавания, свободы обучения, корпоративного суда, относительной налоговой свободы, а также право сессии (от-

деления части корпорации) и переноса деятельности университета в другой город.

РАМКИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Немногочисленные в России университетские сообщества, получив по уставам 1803–1804 годов уникальную в сословном авторитарном государстве возможность самоорганизации, начали выстраивать «снизу» научные, педагогические, кадровые, экспертные, экономические и иные отношения. Университеты стали не только объектом, но и субъектом администрирования, осуществляя надзор и управление в отношении средних и начальных учебных заведений своего округа. Они формировали систему чтения лекций и организации экзаменов в отношении чиновников, добивавшихся более высокого классного чина, использовали исключительное право присвоения ученых степеней кандидата, магистра и доктора через организацию научной экспертизы и защиту диссертаций, которое было закреплено «Положением о производстве в ученые степени» 1819 года.

Законодательные рамки университетской автономии были очерчены максимально широко, в частности, потому, что в основу уставов начала XIX века были положены принципы, предложенные профессорами Дерптского университета в первые месяцы реформ Александра I и принятые благодаря личному расположению императора к ректору университета Г. Ф. Парроту [1: 55–64]. Эти принципы были проработаны и дополнены в 1802–1804 годах реформаторским составом Главного правления училищ, экспертного органа Министерства народного просвещения.

При этом личная сфера университетского человека не подпадала под действие этих норм, он наделялся академическими привилегиями лишь как член сообщества. По окончании срока университетской службы (обычно 25-летней, реже – 30-летней) профессор получал хорошую пенсию от государства, составлявшую не менее половины оклада жалования, но переставал быть членом корпорации. В дореволюционной России многие вышедшие в отставку профессора не участвовали в делах сообщества даже как эксперты, их архивы и рукописи научных трудов мало интересовали университет, верные ученики разбегались. Изредка, как в случае с бывшим профессором минералогии А. М. Теряевым, Петербургский университет мог способствовать покупке и распространению научных трудов, изданных за счет автора; обычным делом было приобретение университетом кабинетов, коллекций, библиотек бывших про-

фессоров после их смерти или еще при жизни. Однако тот же А. М. Теряев, как и заслуженный профессор всеобщей географии Е. Ф. Зябловский, перестав быть действующими профессорами, должны были освободить университетские квартиры, что не только ухудшало условия жизни их семейств, но и территориально осложняло бывшим профессорам поддержание прежних связей.

Инициатива в реформировании читаемых курсов и перемене расписания, в оставлении лучших выпускников на кафедрах, в заключении хозяйственных подрядов и проведении ремонтных работ, в приобретении книг и коллекций и во многом другом принадлежала профессорской коллегии. Ее предложения формулировались, протоколировались в журналах Совета профессоров, в виде меморий направлялись попечителю учебного округа, рассматривались и санкционировались им и от имени попечителя представлялись министру народного просвещения.

Принципы академической автономии, провозглашенные в университетской политике в начале XIX века, воплощались не только в системе обретения ученых степеней, включающей экспертизу диссертаций и особые теоретические «испытания» для соискателей, но также в практике подтверждения дипломов и ученых степеней, полученных в иностранных университетах, что требовалось при поступлении их обладателей на российскую службу. Так, уже в первые годы существования Педагогического института особые комиссии из его профессоров подтвердили ученые степени иностранцев на русской службе П. П. Пезарровиуса и Г. В. Лерха¹.

Некоторые формы университетской автономии выглядели архаичными для XIX века, например, провозглашенная уставами юрисдикция университета над своими членами, которая применялась очень ограниченно, в основном в отношении проштрафившихся студентов или по так называемым спорам чести между профессорами, не выходявшим за рамки профессиональной этики. Подробное описание процедуры университетского суда по делу о присвоении студенческой кассы встречается только применительно к 1860 году [3, кн. 2: 49–50, 241–242]. Но, по свидетельству мемуаристов, это был не профессорский, а студенческий суд, действовавший не по старым правилам, а по типу суда присяжных, под председательством профессора уголовного права В. Д. Спасовича. Данная форма университетского самоуправления фиксируется в то же время в Казанском университете, где университетский суд из 12 выборных депутатов был собран по инициативе попечителя П. П. Вяземского [4: 260], в прошлом – студента

Санкт-Петербургского университета, в 1856–1859 годах бывшего помощником попечителя столичного учебного округа.

Однако иерархически выстроенная вертикаль государственного управления (попечитель – министр – Главное правление училищ – Комитет министров – император), государственное финансирование, идеологический контроль за содержанием преподавания политических и философских наук и за настроениями учащихся плохо уживались с представлениями о «республике ученых». В сознании самих профессоров идеалы служения науке и делу «воспитания юношества» сосуществовали с выгодами принадлежности к классу государственных чиновников, встроенному в систему чинов, наград и пенсионных выплат. Конфликт принципа регламентации и принципа коллегиальности пронизывает всю историю российских университетов XIX века.

В отношении подведомственных низших училищ университет выступал первым административным звеном, осуществляя управление через переписку с директорами училищ и гимназий, а также производя непосредственные ревизии (визитации), охватывавшие материальную и учебную сторону, аккумулируя отчетность [2].

Вертикальная подчиненность университетов в первой трети XIX века сочеталась с территориальной (горизонтальной) системой управления учебными округами, в каждом из которых университет становился куратором зависимых от него в административном, учебно-методическом и даже кадровом отношении школ низшего порядка. В делах внутриуниверситетских Совет пользовался широким самоуправлением, которое включало меры дисциплинарного воздействия на студентов и преподавателей (например, за пропуски лекций без уважительной причины или опоздание), постоянное обновление лабораторной базы, пополнение музейных коллекций и библиотеки. Контроль за расходом сумм и состоянием банковских счетов университета (все свободные суммы были положены под проценты в Государственный заемный банк) также был в сфере компетенции Совета. Правление, ведавшее финансово-хозяйственными вопросами, регулярно предоставляло Совету свои донесения, председательствовал в Правлении ректор университета, чем обеспечивалась централизация управления.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Журналы Совета (до 1821 года – Конференции) Петербургского университета, как и жур-

налы Конференции учебных заведений-предшественников (Главного педагогического института и Педагогического института), сохранились в университетском архиве за 1808–1835 годы (с лакунами за 1829–1833 годы)². Они представляют собой подробнейшую хронику разнонаправленной деятельности основного органа университетского самоуправления, его взаимодействия с попечителем учебного округа, губернскими училищными дирекциями, другими университетами, Академией наук, учебными заведениями военного ведомства и т. д. Через Совет профессоров проходят дела о приеме и выпуске студентов, распределении на учительские места студентов казеннокоштных и обязанных службой по МНП, о выборах ректора и деканов, об избрании кандидатов на вакантные кафедры, о продлении срока университетской службы для профессоров, выслуживших 25 лет, о награждениях и взысканиях, дисциплинарных происшествиях и др. Профессорская коллегия занималась разработкой положений об экзаменах (текущих, итоговых, для соискателей ученых степеней), планов преподавания разных предметов и еще множеством вопросов повседневной учебной, научной, кадровой, хозяйственной деятельности университета.

Представления о преподавании и науке как «общем деле» сформировались у профессоров под влиянием нескольких факторов: идей Просвещения, традиций обучения в немецких университетах, перенесенных в Россию, самих форм учебной и научной деятельности, мало менявшихся за столетия. Эти представления поддерживались и воспроизводились в немногочисленных, достаточно замкнутых в социальном отношении ученых сообществах, существовавших в университетских городах в режиме экстерриториальности. Профессора осознавали себя также представителями интересов студентов («младших членов» единой «семьи»), а до середины 1830-х годов и прямо осуществляли функции университетской инспекции. В риторике инспекторских донесений и в университетской мемуаристике того времени повторяется образ «общей семьи», чему способствовало проживание казенных студентов и некоторых профессоров в университетских зданиях. На Совете профессора могли обсуждать дисциплинарный конфликт, суть которого заключалась в жалобе профессора на шумное поведение студентов, живущих в здании Коллегий в комнатах, расположенных этажом ниже профессорских квартир, или о неподчинении студентов «отеческим увещаниям» профессоров-визитаторов.

Понятия об академических свободах были усвоены европейски ориентированным поколением профессоров 1800–1830-х годов, которое включало не только приглашенных ученых-иностранцев (а это примерно половина состава преподавателей не только Петербургского, но и Казанского, и Харьковского университетов), но и тех российских уроженцев, которые прошли подготовку к профессуре в Европе. В сообществе Петербургского университета к двум поколениям европейских профессорантов принадлежали Д. С. Чижов, М. Ф. Соловьев, А. В. Ржевский, А. И. Галич, М. Г. Плисов, А. П. Куницын, рано оставивший преподавание по слабости здоровья И. Д. Кастальский, а также С. С. Куторга, М. С. Куторга, К. А. Неволин, П. Д. Калмыков, И. О. Шиховский, А. Н. Савич, И. И. Ивановский, И. Я. Горлов.

Риторика «общего дела», «общей пользы» прочитывается в протоколах обсуждений любых университетских проблем: от перемен в расписании до выборов на должности. Покупка коллекций, книг, выписка научных журналов сверх отпущенной суммы, требующая дополнительных ходатайств, мотивировались «пользой университета»³. Эту риторику повторяют и обращения попечителей учебных округов в адрес министерства, поскольку попечители, за немногими исключениями, мыслили себя проводниками интересов подведомственных университетов и в основу своих программных записок и докладов ставили представления и мнения Совета профессоров.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ВЫБОРЫ

Самым ярким проявлением академического «республиканизма» как локализованной в ученом сообществе культуры самоуправления являлись университетские выборы. В описании данной процедуры уставы 1804 и 1835 годов мало различаются, отсылая к римской республиканской традиции, дополненной опытом национальных парламентов Нового времени: с равными правами кандидатов, всеобщим тайным голосованием, предусмотренным для членов Совета из числа ординарных профессоров. Любой из членов Совета мог претендовать на должность ректора, а любой «известный своей ученостью» соискатель кафедры – на профессорскую вакансию. Выбор Совета не был предreshен и заставлял волноваться как администраторов, так и самого кандидата. Столкновения мнений в Совете происходили и по поводу назначений младших преподавателей, каждый из которых был чьим-то учеником, и важно было соблюсти баланс ин-

тересов. Так, кандидатура молодого А. В. Никитенко, которому протезировал попечитель К. М. Бороздин и которого предложил Совет философско-юридического факультета в марте 1829 года на кафедру естественного, частного и публичного прав, на Совете была отвергнута. Действительно, не имея опыта преподавания, заместить чтение всех курсов этого цикла при болеющем профессоре П. Д. Лодии (который вскоре умер) было ему едва ли по силам. Однако менее чем через год, в январе 1830 года, А. В. Никитенко прошел на должность адъюнкт-профессора политической экономии уже при полном согласии Совета [3, кн. 1: 137]. Таким образом, Совет последовал приоритету наилучшего преподавания науки, но сохранил молодого способного кандидата до открытия новой вакансии. Тонкости выборной процедуры строго соблюдались. Отклонения от нее (например, несоблюдение кворума) или правил подачи особых «мнений», заочное голосование «записками», как и явное протезирование начальства кому-либо из кандидатов, вызывали протесты и пересмотр результатов выборов.

Результат голосования не был предсказуем не только при избрании кандидата на вакантную кафедру, но и при переизбрании и продлении права преподавать по истечении 25-летнего срока службы. Начальство не могло продвинуть своего кандидата и даже рекомендовать кого бы то ни было в обход процедуры выборов. Так, в 1846 году накануне отставки заслуженного профессора химии М. Ф. Соловьева попечитель М. Н. Мусин-Пушкин сделал представление министру о возможности замещения кафедры учеником М. Ф. Соловьева химиком-органиком А. А. Воскресенским «для пользы науки и заведения». На полях документа министр С. С. Уваров заметил карандашом: «Если выберет Совет»⁴. Сам М. Ф. Соловьев, уже имея статус заслуженного профессора, в 1844 году вынужден был пройти процедуру перевыборов, хотя до полной отставки ему оставалось менее двух лет. Его прошение о простом продлении права преподавать не было удовлетворено.

При выборах ректора члены Совета с избирательным голосом (ординарные профессора) поочередно голосовали в первом туре за всех кандидатов, а во втором – за двух, набравших наибольшее количество избирательных голосов. Влияние ведомственных и государственных интересов на итог выборов, конечно, имело место, что не мешало профессорской коллегии проводить своего кандидата, если он имел, по мнению голосующих, признанные научные, пе-

дагогические, административные заслуги и «нравственные достоинства». Академические выборы как форма самопополнения корпорации, как условие сохранения ее единства и высокого научного уровня оставались процедурой демократичной и единственной в своем роде в дореформенной России.

Определение лучших выпускников на преподавательские должности в статусе кандидатов (в Петербургский или же в другой университет) также осуществлялось по решению Совета. Точнее, Совет рекомендовал того или иного кандидата при его согласии, а попечитель, как правило, поддерживал этот выбор и делал соответствующее представление министру. Определение на профессорские должности утверждалось императором, дата утверждения фиксировалась в формулярных списках. Награждение орденами, денежными суммами, представление к следующему чину, определение получивших ученую степень магистра или доктора к повышению в академической иерархии также происходили на основании соответствующего представления Совета, направленного от имени попечителя министру народного просвещения.

Хроники выборов ректора, происходивших вначале ежегодно, затем раз в трехлетие, а с 1835 года раз в четыре года, отражаются в университетском делопроизводстве, в журналах и «мемориях» университетских советов, в их переписке с попечителями учебных округов. Административное вмешательство в выборы и корректировка их итогов все же имели место, как это случилось при первых выборах ректора в Петербургском университете летом 1819 года. После голосования, в результате которого равное число голосов получили профессор экономики и финансов М. А. Балугьянский и профессор всеобщей истории Э.-Б. Раупах, первенство последнего решилось жребием, согласно инструкции для выборов, написанной С. С. Уваровым. Ректорство Э.-Б. Раупаха, уже представленного попечителем в данном качестве министру А. Н. Голицыну, однако, было им опротестовано. Немец Э.-Б. Раупах, состоявший на российской службе лишь несколько лет, не представлялся министру приемлемой фигурой во главе столичного университета. По настоянию А. Н. Голицына через два месяца, в октябре 1819 года, были организованы перевыборы ректора, на этот раз большинством голосов был избран М. А. Балугьянский.

Немногочисленные советы факультетов собирались реже, чем общий Совет университета, четыре-шесть раз в течение года (в 1820–1830-х годах), их журналы сохранились выборочно.

Но, судя по журналам факультетов, выборная процедура соблюдалась так же тщательно, решение принималось с учетом всех обстоятельств и достоинств кандидатов. Так, 21 января 1836 года на 1-м и 2-м отделениях философского факультета проходила процедура избрания декана по новому уставу на четыре года. Вначале были баллотированы все профессора факультета, которых было всего шесть, по старшинству. Филолог-классик Ф. Б. Грефе получил четыре утвердительных и один отрицательный балл, ориенталист О. И. Сенковский ни одного утвердительного и шесть отрицательных (!), философ А. А. Фишер – три утвердительных и два отрицательных, П. А. Плетнев – также три утвердительных и два отрицательных голоса. Факультет единогласно «желал иметь своим деканом» историка И. П. Шульгина, но он был избран ректором университета неделей ранее, и этот выбор уже был представлен на Высочайшее утверждение. В то же время Ф. Б. Грефе оставался всего год с небольшим «до истечения 25-летнего термина» при университете. Но поскольку он выигрывал у коллег с большим перевесом, факультет представил его кандидатуру на усмотрение начальства, и он все же стал деканом с условием продления полномочий также по выбору по истечении оговоренного срока⁵.

В 1842 году при выборах на кафедру химии коллеги предпочли своего старого товарища М. Ф. Соловьева, 25 лет отдавшего университету, а не более молодого и именитого, но постороннего университету академика Г. И. Гесса. Г. И. Гесс получил всего четыре избирательных голоса из 22, а М. Ф. Соловьев – 16 голосов⁶.

КРИЗИСЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Первый удар по академическому «республиканизму» был нанесен в 1821 году новым попечителем и ставленником министра Д. П. Руничем, который инспирировал знаменитое «дело профессоров». В ходе внесудебного разбирательства, развернутого на чрезвычайных собраниях Совета 3, 4 и 7 ноября 1821 года с обвинениями в политическом вольнодумстве и попрании «истин Божественного откровения» четырех профессоров (Э.-Б. Раупаха, А. И. Галича, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева), попечитель расколол корпорацию. На многочасовых заседаниях он выслушивал «протестации» одних ее членов, принимал доносы от других, самооговоры от третьих, интриговал и запугивал. Единственной формой противодействия административному произволу в этой ситуации были личные выступления, по-

дача «особых мнений», возражения против самой процедуры разбирательства, наконец, отсутствие на заседаниях. Ректор М. А. Балугьянский заявил о сложении полномочий, профессора-француз Ж. Деманж и Ф. Шармуа опротестовали процедуру публичных разоблачений и саморазоблачений коллег, едва ли не половина состава Совета отсутствовала на втором и третьем заседаниях, профессор М. Ф. Соловьев после первого чрезвычайного собрания, окончившегося далеко за полночь, отправился в кабаки и просто несколько дней «не приходил в себя». Как вкратце рассказал об этом происшествии его коллега Д. С. Чижов,

«[он] находится даже в опасности жизни... вчерашнее собрание до того расстроило телесные, а еще более душевные силы г. Соловьева, что он тогда же лишился даже памяти и, вышедши из собрания ночью, вместо того чтоб идти домой в 6-ю линию, очутился в Коломне... а был приведен на свою квартиру матросами, впал в чрезвычайное расслабление телесное и душевное» [3, кн. 1: 88].

Общеуниверситетский устав 1835 года расширил власть попечителя, но сохранил все элементы выборной процедуры. Однако не исключалось не прямое административное давление на профессоров, чем можно объяснить отказ избранного кандидата от должности ректора в пользу следующего в «рейтинге», как это сделал в 1835 году профессор математики Д. С. Чижов в пользу влиятельного и близкого ко двору историка И. П. Шульгина.

Внешняя бюрократическая рамка, в которой существовал университетский «республиканизм», порождала конфликты как в период действия первых университетских уставов, так и после 1835 года. В 1819 году был откорректирован либеральный устав Дерптского университета и одновременно отвергнут представленный С. С. Уваровым проект устава для Петербургского университета, охарактеризованный его критиками как «сколок с устройства германских университетов» и идейный подкоп под «благополучие государств». Реформированная универ-

ситетская инспекция была напрямую подчинена попечителю и министру, усилился контроль за содержанием лекций и учебных пособий. Однако практика замещения университетских должностей по выбору корпорации была, как видим, сохранена по уставу 1835 года. Благодаря кадровой реформе К. А. Ливена и С. С. Уварова и успешной подготовке плеяды русских профессоров в Дерптском профессорском институте, в Европе и в Главном педагогическом институте сложилась и реальная научная конкуренция при замещении кафедр. В 1849 году, в прямой связи с европейскими революциями и политическими фобиями Николая I, была отменена выборность ректоров, замененная их прямым назначением.

ВЫВОДЫ

Европейский опыт и система понятий о свободе преподавания и исследования вступали в противоречие с практиками государственного регулирования и надзора за высшей школой, которые были окончательно оформлены университетским уставом 1835 года. Это вызывало напряжение при взаимодействии между академической корпорацией (или коалициями внутри нее) и властью, которое проявлялось в ситуациях выборов ректора и деканов, замещения кафедр, ревизии читаемых курсов, дисциплинарных казусах. Эти конфликты отражаются как в делопроизводственных, так и в мемуарных источниках. Слабость корпоративного сознания, малочисленность и замкнутость университетского сообщества в первые десятилетия реформ российской системы просвещения затрудняли реализацию дарованных академических свобод и поступательное развитие университетской организации. Однако опыт академического самоуправления, уникальный в дореформенной России, находился в прямой связи с историей постепенного формирования общественных институтов и независимой интеллектуальной элиты, которая занимает не одно столетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 13. Оп. 1. Д. 4213. Л. 176 об.

² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4212, 4213, 4216, 4222, 4224, 4225, 4229, 4230, 4232; Ф. 14. Оп. 27. Д. 4, 6; Оп. 25. Д. 1, 2, 3, 4, 6. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1870–1917 годы опубликованы.

³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4232. Л. 16 об.–17; Д. 4213. Л. 117 и т. д.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 24. Д. 87. Л. 37.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 631. Л. 1 об.–2.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 87. Л. 13–13 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 736 с.
2. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Вып. 2. С. 22–33.
3. Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках. Т. 1. 1807–1861: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. Т. Н. Жуковская. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2024. Кн. 1. 1807–1854. 614 с.; Кн. 2. 1855–1861. 520 с.
4. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 350 с.
5. Res Publica. История понятия: Сб. статей / Пер. с нем., науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 280 с.

Поступила в редакцию 13.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Tatiana N. Zhukovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

ACADEMIC “REPUBLICANISM” AND PRACTICES OF UNIVERSITY SELF-GOVERNANCE IN RUSSIA FROM 1800 TO THE 1830s (a case study of Saint Petersburg University)

Abstract. In the XVIII and early XIX centuries, Russian science and university education developed through transferring and adapting Western European models of scientific knowledge dissemination, as well as the models of self-organization of academic communities. The boundaries of academic self-governance in Russia were established by the state. The practical implementation of regulations on university self-governance in the system of daily scientific, educational, personnel, economic, and administrative university activities can be discerned from extensive university and departmental records. The article presents the first comprehensive study of the protocols from the Conference of Saint Petersburg Pedagogical Institute (the Council of Saint Petersburg University) for 1808–1835, which enable to characterize the pivotal role played by this collegial body in the development of the educational system, addressing personnel issues, organizing scientific expertise and licensing procedures, strengthening the university’s material and scientific base, overseeing affiliated schools within the district, and establishing horizontal communication channels with other institutions. The university’s records reflect the mechanism of interaction involving the Council of Professors, the trustee of the educational district, and other authorities on various key issues such as electing the rector and deans, appointing professors and junior lecturers, admitting students, and assigning graduates to teaching positions. In these and many other matters discussed collegially, the decisions made by the university corporation served as the foundational basis for directives issued by the trustee of the educational district and higher authorities.

Key words: history of Saint Petersburg University, university charters, university autonomy, University Council, rector, professors

For citation: Zhukovskaya, T. N. Academic “republicanism” and practices of university self-governance in Russia from 1800 to the 1830s (a case study of Saint Petersburg University). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1188

REFERENCES

1. Andreev, A. Yu. Chair and throne: correspondence between Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot. Moscow, 2023. 736 p. (In Russ.)
2. Zhukovskaya, T. N., Kalinina, E. A. “From the ABC-book to the university”: administrative activities of St. Petersburg University in educational district in the first half of the 19th century”. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2014;2:22–32. (In Russ.)
3. St. Petersburg University in memoirs and diaries. Vol. 1. 1807–1861: In 2 books. (T. N. Zhukovskaya, Ed.). St. Petersburg, 2024. Book 1. 1807–1854. 614 p. Book 2. 1855–1861. 520 p. (In Russ.)
4. Eymontova, R. G. Russian universities on the verge of two eras. From Russia of serfdom to Russia of capitalism. Moscow, 1985. 350 p. (In Russ.)
5. Res Publica. History of the concept: Collection of articles. (O. V. Kharkhordin, Trans., Ed.). St. Petersburg, 2009. 280 p. (In Russ.)

Received: 13 January 2025; accepted: 3 March 2025

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»

(Апатиты, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ПРИХОДСКИХ ШКОЛ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1890–1910-х ГОДАХ

А н н о т а ц и я . На основании широкого круга архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается вопрос материального обеспечения учителей церковно-приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения влияния материального фактора на социо-профессиональный статус учительства. Показано, что материальные условия жизни в отдаленных северных приходах были тяжелыми, особенно трудной считалась служба в саамских погостах. Дискурс о суровых условиях жизни на Севере прослеживается как в документах Кемско-Александровского уездного училищного отделения, так и в личных прошениях учителей того времени. Размер учительского жалования на протяжении рассматриваемого периода постоянно увеличивался, однако самим учебным начальством признавался «скудным и недостаточным». Суровый климат, дороговизна жизни, отсутствие своего жилья и хозяйства приводили к частой ротации учительских кадров. Делается вывод о том, что жизнь учителей церковных школ была тесно связана с жизнью всего местного сообщества Кольского Севера.

Ключевые слова: учительство, материальное положение, качество жизни, церковно-приходская школа, Кольский Север

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования: Казакова К. С. Материальное обеспечение учителей приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 102–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1189

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века церковная школа стала эффективной частью системы начального образования в Российской империи. Вопрос о финансировании приходских школ на протяжении всего периода их существования был одним из самых сложных. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 года, они должны были содержаться не только за счет государственной казны, но в большей степени обеспечиваться епархиальным начальством и самими приходами. Предполагалось, что местные средства должны покрывать расходы на содержание школьных зданий и выплату жалования учителям. Условия работы и качество жизни сельских учителей могли сильно отличаться в зависимости от места проживания.

Материальные условия жизни учительства как особой социо-профессиональной группы русской интеллигенции рассмотрены в работе В. Р. Лейкиной-Свирской, которая показывает зависимость учителей от государства и государственных чиновников [10]. Социальный облик народных учителей и их роль в жизни провинциального общества Европейского Севера в конце XIX – начале XX века рассмотрены в монографии Н. К. Гуркиной [3]. В современной историографии исследователи все чаще обращаются к региональному материалу, позволяющему выявить локальные особенности провинциального учительского сообщества. Например, материальное положение и социально-культурный облик сельского учительства конца XIX – начала XX века подробно рассматриваются в целом ряде ра-

бот на материалах Олонецкой губернии [4], [5], [8], [9].

Кольский Север – окраинный регион Европейского Севера России, имеющий свою этническую специфику. Как отмечают исследователи, заселение и освоение заполярных территорий – во многом уникальный опыт социальной истории [13]. Одним из активных акторов включения окраинных территорий в пространство русской культуры была Русская православная церковь, обеспечивающая, благодаря созданию на Кольском Севере сети православных приходов, поддержание российской государственности и защиту национальных интересов в полиэтнической среде местного населения. Распространение православной культуры среди коренного саамского населения и поморов, населяющих побережье Белого моря, осуществлялось в том числе через развитие церковного образования в приходах. Если священство, занимавшееся миссионерской и просветительской деятельностью, попадало в фокус внимания исследователей [1], [6], то формирование учительства как социокультурной группы и проблема материального положения учителей церковно-приходских школ Кольского Севера конца XIX – начала XX века ранее не являлись предметом изучения в работах по истории начального образования дореволюционного периода.

В статье на основании архивных материалов фонда Архангельского епархиального училищного совета (Государственный архив Архангельской области, далее – ГААО. Ф. 28) и его уездных отделений (Кольского (Государственный архив Мурманской области, далее – ГАМО. Ф. И-133), Кемско-Кольского (Национальный архив Республики Карелия, далее – НА РК. Ф. 419), Кемско-Александровского (НА РК. Ф. 411)) анализируется социальный портрет учителей приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах и вопрос их материального обеспечения.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ

Согласно документам Архангельского епархиального училищного совета и Кольского уездного отделения, в 1880-е годы развитие школ на Кольском Севере происходило исключительно за счет инициативы местных священников, которые брали на себя труд преподавания в открываемых ими школах. Бедность северных приходов не позволяла выделять средства для выплаты жалования отдельным учителям. Приходские священники являлись инициаторами учреждения церковных школ, убеждая население «в пользу грамотности» и необходимости финансовой

поддержки школьного дела, активно участвовали в строительстве школьных домов, наполнении школьных библиотек, изучении «лопарского наречия». Вся эта работа велась священниками, как правило, безвозмездно, то есть без назначения особого жалования, положенного учителям церковно-приходских школ [7]. Исследователи отмечают, что привлечение священников и церковных служащих как основных учителей позволяло существенно удешевить систему церковного начального образования, так как вознаграждения за учительский труд, хотя бы и в размерах обычной оплаты учителя земской школы, для них не предусматривалось [2: 108].

По мере развития системы начального образования на Кольском Севере начинает формироваться особая социокультурная группа учителей, для которых преподавание являлось профессией и источником основного заработка. В уездное училищное отделение с прошением о назначении «особого» учителя в приходскую школу мог обратиться священник, мотивируя свою просьбу занятостью по приходу или состоянием здоровья. Решение о необходимости назначения отдельного учителя и выделения для этого средств могло быть принято на заседании уездного отделения при рассмотрении отчета уездного наблюдателя церковно-приходских школ. И в том, и в другом случае председатель отделения обращался с отношением в Архангельский епархиальный училищный совет. Например, в 1897 году председатель Кольского уездного училищного отделения священник Кольского прихода Алексей Шилов просил Епархиальный училищный совет о назначении учителя в церковно-приходскую школу довольно многочисленного прихода в Варзуге, так как священник Михаил Истомин был занят исполнением обязанности благочинного Второго Кольского благочиния, а псаломщик был очень стар¹. В «лопарских» школах (Ловозерской, Кильдинской, Нотозерской, Печенгской) училищное отделение признавало необходимым назначение отдельных учителей, так как только в этом случае представлялось возможным требовать от них исполнения программ². Отмечалось, что в тех школах, где учителями состояли члены причта, на время треб ученикам давались самостоятельная работа или они распускались по домам³.

В школах северных приходов детей обучали выпускники духовных и учительских семинарий, второклассных школ, выпускницы Архангельского женского епархиального училища. Согласно отчету за 1896/97 учебный год, в Кольском уезде преподавателей церковно-приход-

ских школ было 19 человек: священников – 8, диаконов – 1, псаломщиков – 1, учителей – 4, учительниц – 5⁴. Из них законоучителей, преподающих только Закон Божий, было 7, все предметы – 1, учителей, преподающих все предметы и Закон Божий, – 3, преподающих только общие предметы – 3 (1 диакон, 1 псаломщик и 1 член клира), учительниц, преподающих общие предметы, – 5⁵. Председатель Кольского уездного училищного отделения священник Алексей Шилов писал в годовом отчете за 1896 год:

«Настоятельная нужда существует в учебном персонале для церковных школ в здешнем уезде с суровым климатом и особо тяжелыми условиями жизни, мало желающих занимать учительские места, и посему приходится замещать свободные учительские вакансии лицами, недостаточно подготовленными к учительской должности»⁶.

В отдельные школы Кольского Севера иногда не находилось учителей, желающих занять вакантное место, даже среди кандидатов с неоконченным курсом духовного училища или семинарии. Например, в Кашкаранской школе после ухода учительницы Екатерины Виноградовой место было вакантно в течение четырех лет, так как назначаемые Советом лица отказывались от должности⁷. Обязанности учителя в эти годы исполняли приходской священник Николай Павловский и его жена Серафима Павловская, выпускница Архангельского епархиального училища. В Сонгельской лопарской школе в 1899/1900 учебному году после ухода учительницы Екатерины Щеколдиной за отсутствием желающих занять должность и неимением в Сонгельском погосте своего священника занятий в школе не проводилось⁸. В большинстве случаев отказ от назначения в Кольский уезд Архангельской губернии⁹ или прошение о переводе в другое место после непродолжительного времени службы во многом были связаны с размером жалования, которое самим учебным начальством признавалось «скудным и недостаточным» в тяжелых условиях жизни на Севере.

УЧИТЕЛЬСКОЕ ЖАЛОВАНИЕ

Размер учительского жалования в разных приходах Кольского Севера был неодинаков и зависел от ряда факторов: размера денежных взносов на содержание школы в том или ином селе или погосте, статуса школы (церковно-приходская или школа грамоты). В отчете уездного наблюдателя церковно-приходских школ священника Василия Мелетиева за 1899 год значилось, что учителя и учительницы Александровского уезда получают за свой труд от 120 до 180 руб.

в год. Исключением была Ловозерская школа, где жалование учителя составляло 240 руб. в год, так как школа находилась на содержании Архангельского комитета православного миссионерского общества¹⁰. Как свидетельствуют документы, в Сонгельской лопарской школе учитель получал столько же из средств Совета¹¹.

Жалование учителя в школах Кольского Севера складывалось из двух сумм – назначенного пособия от сельского общества и епархиальных средств. Например, в Варзуге первоначально на жалование учительнице Анне Коротаевой от сельского общества было назначено 120 руб. с тем, чтобы жалование выдавалось ежемесячно под расписку. Свет, согласно приговору 1886 года, для себя учительница должна была иметь свой, прислуга и отопление назначались от общества¹². И. Ф. Ушаков приводит данные о том, что в среднем на мужскую душу населения Варзуги приходилось 67 руб. 84 коп. годового дохода. Средняя цена пуда муки составляла 1 руб. 58 коп., пуда соли – 40 коп., пуда сахара – 8 руб.¹³ В отличие от учителей, служащих в Олонецкой губернии, для которых ведение собственного хозяйства было подспорьем в материальном отношении [8: 162], учителя на Кольском Севере не занимались сельским трудом и промысловой деятельностью, поэтому все продукты вынуждены были приобретать.

Приговором Умбского сельского схода на содержание учителя собиралось по 20 коп., всего с 211 человек – 42 руб. 20 коп. В приговоре 1892 года отмечалось: «Просим по недостаточности нашего общества ассигновать с церковью нашей волости еще 50 рублей и выделить 27 руб. 80 коп. из сумм Епархиального училищного совета». Таким образом, жалование в 120 руб. складывалось из разных источников. Квартира для учителя нанималась от общества, для этой цели оно нанимало одну комнату с мебелью в доме крестьянина Федора Тарасова за 12 руб. в год; обязательство освещать помещение училища и квартиру учительницы жители села также брали на себя¹⁴. В Кашкаранцах от общества выделялась сумма в 50 руб., в поморских селах Тетрино, Чаванье и Пялице – по 60 руб. в год. Выделяемые крестьянами средства дополнялись из сумм местных церковей или средств Епархиального совета до определенного Советом денежного оклада.

В приходах Первого Кольского благочиния, располагавшихся в саамских погостах и колониях Мурманского берега, жители брали на себя только обязательства по отоплению и освещению церковных школ. Расходы на жалование

учителям «по бедности лопарей» почти полностью покрывались из средств Епархиального совета. Например, в приговоре об открытии школы в Сонгельском погосте в 1890 году указывалось, чтобы «учитель ввиду скудости наших средств не требовал за учение от нас вознаграждение»¹⁵. Исключением была Ловозерская школа, открытая Архангельским Миссионерским комитетом, и Баркинская церковно-приходская школа, которую содержал на свои средства Трифоно-Печенгский монастырь.

Согласно архивным документам, материальные условия в отдаленных северных приходах были достаточно тяжелыми, особенно трудной считалась служба в саамских погостах. Дискурс о суровых условиях жизни на Севере прослеживается как в делопроизводственных делах Кемско-Александровского уездного училищного отделения, Епархиального совета, так и в личных документах учителей того времени. Председатель Кемско-Кольского уездного училищного отделения¹⁶ священник Василий Мелетиев, занимавший эту должность с 1898 по 1914 год, а также исполнявший обязанности уездного наблюдателя церковных школ, неоднократно писал в Епархиальный совет о необходимости увеличения жалования для учителей окраинных уездов Архангельской губернии – Кемского и Кольского. В докладе отделению за 1899 год он отмечал:

«Существующее вознаграждение совершенно недостаточно для обеспечения, потому что оно совсем не соответствует стоимости самых необходимых жизненных продуктов, стоящих в Кемском и Александровском уездах весьма дорого. Кроме того, трудное вообще дело учительства в школах в местностях с инородческим населением значительно осложняется и становится весьма трудным, потому что здесь на окраинах русский язык, которым владеют учащие, является чуждым учащимся. Таким образом, несмотря на то, что на долю учащихся в инородческих школах выпадает двойной труд (они должны научить учащихся русскому языку), материальное положение их является совершенно несоответствующим этому труду»¹⁷.

Отделение обращало внимание Совета на то, что все другие ведомства, принимая во внимание тяжелые условия службы в Кемском и Кольском уездах, считают справедливым назначать «усиленное вознаграждение». В пример приводилось жалование чиновников, фельдшеров, повитух и даже лесных объездчиков, которые получали больше, чем учителя церковных школ:

«Труд их ни в каком отношении не может быть сравним с трудом учителей и учительниц ввиду важности труда последних и значительной затраты энергии при 5–6-часовых занятиях днем в неблагоприятных

школьных помещениях и вечером при приготовлении к урокам»,

– говорилось в документе. В качестве резолюции уездное отделение постановило признать необходимым увеличение учительского жалования, для чего, по подсчетам отделения, требовалось выделение кредита в размере 1740 руб. в год в дополнение к казенным 2544 руб. и местным 336 руб. на церковно-приходские школы и 1100 руб. в дополнение к 960 руб. казенным, 120 руб. местным и 340 руб. от Миссионерского комитета на школы грамоты¹⁸.

В том же 1899 году священником Василием Мелетиевым в Епархиальный совет был отправлен документ «Основания, по коим учащим в церковных школах, подведомственных Кемско-Александровскому отделению Епархиального совета, испрашивается увеличенные оклады жалования»¹⁹, в котором он писал о том, что учителям в поморских школах Кемского и Александровского уездов, находящихся по Терскому берегу Белого моря, необходимо увеличить ежегодно получаемое ими содержание до 240 руб., а в инородческих школах (карельских и лопарских), а также в Понойской школе – до 300 руб. Причины необходимости увеличения окладов заключались, по мнению председателя отделения, в особенной дороговизне жизни в Кемском и Александровском уездах, значительной отделенности школ этих уездов от других населенных пунктов губернии. Обращалось внимание на миссионерское значение школ Александровского уезда для «инородцев», а также необходимость благоустроенных церковных школ в Кемском уезде, население которого, как значилось в документе, почти поголовно заражено расколом, а карельское население, кроме того, во время отхожих промыслов в Финляндии приобретает склонность к протестантизму. «При существующих окладах жалования весьма трудно привлечь в них (школы. – К. К.) способных учащихся лиц», – писал председатель отделения²⁰.

В августе 1900 года Кемско-Александровское отделение отправило в Совет ведомость об испрашиваемых денежных пособиях на содержание школ с пространном рассуждением о необходимости увеличения размера вознаграждения учителя уже до 300 руб. в год в русских школах и до 360 руб. в «инородческих».

«Когда отделение просило назначить каждому из учащихся по 240 рублей, то не считало такого пособия вполне достаточным и указывало на него исключительно с той целью, чтобы Епархиальный училищный

совет увеличил размер вознаграждения учащим и тем улучшил их материальное положение. <...> Между тем, в настоящее время выяснилось, что и размер вознаграждения в 240 рублей недостаточен для обеспечения даже в русских школах»²¹,

– говорилось в документе.

Председатель Кемско-Александровского училищного отделения священник Василий Мелетиев указывал на кадровую проблему в подведомственных отделениях школах, когда из-за неудовлетворенности обеспечения учителя старались переходить на службу в другие уезды или совсем оставлять учительское поприще, причем указанное явление наблюдалось не только среди учителей, окончивших курс духовной семинарии, и учительниц, окончивших епархиальное училище, но также не окончивших курс и даже с низшим образованием. Василий Мелетиев отмечал, что большинство школ находится в местностях, значительно удаленных даже от уездных городов, вследствие чего все продукты крайне дороги, кроме того, большинству учителей приходится жить и работать в неудовлетворительных гигиенических условиях, поэтому их стремление переходить на службу в школы других уездов или даже оставлять ее вполне понятно²².

Анализ профессиональных учительских траекторий позволяет сделать вывод о том, что постоянная ротация учительских кадров была характерна почти для всех школ Кольского Севера. Например, выпускники второклассных школ Русского Севера, получая должность в поморских школах грамоты, в условиях дефицита кадров уже через год переводились в церковно-приходские школы, где жалование было выше, а затем с приобретением опыта могли претендовать на место в южных уездах губернии. О жаловании как инструменте формирования квалифицированного учительского сообщества на северных окраинах Российской империи писали в конце XIX века многие: и священники приходов, и известные чиновники по крестьянским делам, входившие в состав уездного училищного отделения, П. А. Таратин и А. А. Мухин.

Частая ротация учительских кадров в школах Кольского уезда заставляла епархиальное начальство искать возможности выделения дополнительных средств. Если часть жалования, назначаемая учителю на сельском сходе от крестьянского общества, оставалась неизменной или даже уменьшалась, то сумма, выделяемая Советом, постепенно увеличивалась. Так, жалование учительницы в Варзуге в 1900 году составляло 240 руб., из которых 192 руб. выплачивало

училищное отделение, а 48 руб. – сельское общество. С 1902 года жалование равнялось 300 руб.: 252 руб. от отделения и 48 руб. от общества²³. В декабре 1909 года Епархиальный училищный совет сообщал, что с 1 января 1910 года жалование учителей Сонгельской, Нотозерской и Кильдинской школ будет увеличено до 300 руб., если это будет возможно сделать из средств Совета²⁴.

В школах грамоты Кольского Севера жалование учителя было ниже, чем в церковно-приходских, и составляло в разные годы от 120 до 210 руб. В феврале 1905 года в Архангельскую епархию из Училищного совета при Святейшем Синоде было переправлено анонимное письмо за подписью «бывший учитель», в котором автор сообщал о недостатках школьной жизни в Архангельской губернии²⁵. В частности, обращалось внимание на то, что учителя школы грамоты получают по 10–12 руб. в месяц, а учителя церковно-приходских школ по 25–35 руб., что свидетельствовало о существовавшей социальной проблеме в сфере народного образования. На Кольском Севере прожить на такое жалование было очень сложно, поэтому учителями в школах грамоты были, как правило, местные священники или псаломщики.

Личные прошения учителей Кольского Севера о выдаче вспомоществования в связи с различными жизненными ситуациями, о соблюдении долговых обязательств перед Советом или отдельными лицами свидетельствуют о том, что назначаемое жалование не покрывало самых скромных расходов на жизнь. Таковы, например, прошение учителя Понойской школы Федора Митусова в Епархиальный совет в июне 1904 года о выдаче заимообразно 20 руб. для путешествия на Родину²⁶ или письмо учителя Кашкаранской школы Петра Лысова ректору Архангельской духовной семинарии в 1906 году с просьбой «в виду скудных средств» дать отсрочку в уплате долга 10 руб., взятых заимообразно²⁷. Пршение учителя Ловозерской школы Николая Труфанова в августе 1912 года содержит просьбу к Епархиальному совету «снизойти к бедственному материальному положению и оказать денежное вспомоществование в размере по своему усмотрению»²⁸. Учитель сообщал, что, закончив обучение в Понойской школе, он поступает на службу в Ловозерскую миссионерскую школу, однако попасть в погост сможет только в ноябре, когда установится зимний путь, а до этого, будучи человеком семейным, вынужден снимать жилье и обеспечивать себя освещением в колонии Рында на Мурманском берегу, на что у него средств нет. Совет, рассмо-

трев прошение, постановил выделить Труфанову 25 руб. из епархиальных сумм. Личные прошения учителей, несомненно, могут являться отдельной темой для исследования, в контексте данной статьи отметим, что нами были выявлены прошения, касающиеся финансовых вопросов, написанные только учителями. Можно предположить, что учительницы церковных школ до вступления в брак могли рассчитывать на помощь семьи, а после замужества, как показывают документы Епархиального совета, часто оставляли учебное ведомство.

МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА СОДЕРЖАНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ

Отдельной проблемой обеспечения учителей Кольского Севера были сложности с получением назначенного жалования. Как правило, средства из уездного отделения высылались на имя заведующего школой священника по полугодиям, с тем чтобы он выдавал определенную сумму учителю помесечно. Как показывают документы, по разным причинам выплаты могли производиться несвоевременно, что вынуждало учителей обращаться в Епархиальный совет с просьбой разобраться в ситуации. Так произошло с учителем Ловозерской школы Иваном Яковлевичем Ивановым, который весной 1894 года обратился в Совет с донесением о невыплате положенного жалования. Из объяснения заведующего школой священника Николая Шмакова на имя епископа Никанора становится понятно, что деньги в размере 150 руб. от Архангельского миссионерского православного общества, за счет которого содержалась школа, были высланы с пометкой «на содержание школы», поэтому священник не расходовал эти средства на жалование²⁹. Предписание о необходимости выплаты жалования из уже присланных средств отец Николай получил в почтовой конторе в Рынде уже в июне 1894 года, когда направлялся на пароходе по служебным делам в Архангельск, но не выполнил предписания, так как не смог встретиться с учителем. Пока шло выяснение обстоятельств дела, отец Николай Шмаков выдал учителю под расписку 58 руб. из средств, предназначенных на приют при школе. Из рапорта председателя Кольского уездного училищного отделения за 1894 год следует, что практика, когда жалование учителям по разным причинам выплачивалось с задержкой и они вынуждены были «кредитоваться» у разных лиц, была в Кольском уезде довольно распространенной³⁰. В этом отношении ситуация материальной зависимости учительства

от местного общества в конце XIX века была схожа с уездами соседней Олонецкой губернии [4: 155] и другими окраинными регионами Российской империи [12].

Если деньги на содержание церковных школ из центра высылались регулярно, то местные средства, определенные на сельском сходе на содержание учителя, иногда собирались с большим трудом. В условиях усиливающейся бедности и снижения доходов от промысловой деятельности в годы Русско-японской войны многие сельские общества Кольского Севера с трудом собирали положенные на содержание школы общественные взносы. Например, учительница Варзугской школы Александра Рязанова сообщала в уездное отделение о том, что священник Николай Попов отказывает в выдаче денег из местных средств, следующих в счет ежемесячного жалования по 10 руб. с 1 июля 1904 года. «Получая 15 рублей из сумм Святейшего Синода при дорогом содержании здесь жить невозможно, прошу исходатайствовать полное жалование по 25 рублей в месяц», – рапортовала учительница³¹. Из документов отделения следует, что священник смог выплатить жалование только после вмешательства чиновника по крестьянским делам II участка Александровского уезда, который напомнил крестьянам о необходимости платить учительнице по 10 руб. в месяц жалования³². Однако сделано это было с большим трудом, так как, согласно донесению волостного старшины, крестьяне села Варзуга к осени 1904 года и так имели огромную задолженность по казенным вспомоществованиям из-за неудачных семужьих промыслов. Ввиду недостаточности местных средств единственным выходом было ходатайствовать перед училищным советом об освобождении общества от уплаты 120 руб. на жалование учительниц³³.

В том же 1904 году без жалования остались и учителя Чапомской и Пялицкой школ грамоты.

«Население на Терском берегу бедствует, так как уже два года не было улова семги и промысла зверей, единственного источника средств к жизни для крестьян, все без исключения жители получают хлеб заимообразно из магазинов продовольственного комитета и кроме хлеба почти не имеют никакой иной пищи»,

– сообщал в Совет председатель Кемско-Александровского отделения, прикрепляя к донесению прошения учителя Чапомской школы Егора Котцова и Пялицкой школы Анны Синцовой о выплате им жалования из средств Совета, считая по 5 руб. в месяц³⁴. В 1904 году было удовлетворено прошение Кашкаранского сельского

общества о снятии с них расхода в 48 руб. на жалование учителю по «бедности и малонаселенности домохозяев»³⁵. Таким образом, из анализа представленных документов видно, что с начала XX века сельские общества Терского берега Белого моря один за другим направляют прошения об освобождении их от взносов на учительское жалование. Если приходские школы соседней Олонецкой губернии получали заметную помощь от земств [11], то на Кольском Севере в силу их отсутствия можно было рассчитывать только на увеличение финансирования из центра.

Нежелание крестьян платить установленные на сельских сходах суммы на содержание церковных школ подкреплялось появлением на Кольском Севере в начале XX века министерских начальных училищ, которые полностью содержались за счет казны. Министерские училища открылись г. Александровске, в поморском селе Варзуга, в саамском погосте Нотозеро, колониях Мурманского берега – Баркино, финской колонии Ура-губа, норвежском Цып-Наволоке и др. В 1908 году все сельские общества и церкви Кольского Севера решением Епархиального совета были освобождены от взносов на жалование учителям, а необходимые средства стали выделяться из сумм земского сбора³⁶.

Учительское вознаграждение в министерских школах Кольского Севера, как и в других регионах, было выше, чем в церковных. Разница окладов побуждала некоторых учителей церковных школ переходить в министерские, что еще больше усугубляло ротацию учительских кадров. Например, в марте 1906 года учитель Кашкаранской церковно-приходской школы Петр Алексеевич Лысков обратился с прошением к председателю Кемско-Александровского отделения о выдаче письменного удостоверения о «способностях и успехах по учительской деятельности», так как хотел поступить на должность учителя в какое-либо министерское училище. Он писал:

«Цель перехода из церковных школ в министерские та, что в министерских есть пенсионная касса, поэтому хочется в молодости обеспечить под старость себя и свое семейство»³⁷.

Далее Лысков отмечал, что если ему не придется получить место в министерских школах, то желательно перевести его из Кашкаранской церковно-приходской школы в Умбскую или Керетскую. «В карельские школы мне, как человеку семейному, попадать будет очень нежелательно, поэтому я от них отказываюсь», – сообщал он в своем прошении³⁸. Петр Лысков был сы-

ном крестьянина Шенкурского уезда. Он получил образование в Воскресенском двухклассном училище, затем обучался в Тотемской учительской семинарии, но не окончил ее по болезни. Звание учителя Лысков приобрел по экзамену. Первым местом его службы была Тетринская школа, в которой он работал меньше года. Осенью 1902 года перевелся в Кашкаранскую школу, вскоре женился на дочери дьякона Марии Спировой, окончившей Архангельское епархиальное училище и учительствовавшей в Александровском уезде³⁹. В 1904 году снова преподавал в Тетринской школе, но вскоре вновь вернулся в Кашкаранцы.

В мае 1910 года в своем отчете председатель Кемско-Александровского уездного отделения священник Василий Мелетиев писал о неравенстве финансового обеспечения министерских и церковных школ как о неблагоприятном условии для успешного обучения в последних. Он отмечал, что некоторые учителя, прослужив в церковной школе какое-то время и освоившись с делом, уходят на службу в сельское училище, где рассчитывают на больший оклад жалования, или переводятся в другой уезд, где условия жизни легче. «Неравенство вознаграждения бросается в глаза самим учащим, которые очень хорошо сознают, что они выполняют одинаковую работу, а получают за нее значительно меньше», – аргументировал необходимость повышения оклада В. Мелетиев. В качестве наглядного примера он приводил село Варзуга, где одновременно работала церковная и министерская школы:

«Учительница школы весьма опытная в своем деле, служащая школьному делу 20 лет, получает ежемесячно за свой труд 25 рублей, а учитель недавно открытого сельского училища, еще только начинающий свою службу в том же селе, уже пользуется почти в 1.5 раза большим окладом. Такое неравенство становится для учащихся в школах особенно ощутимым в далеких селах Карелии и Поморья, где жизнь очень дорога»⁴⁰.

По архивным документам можно установить, что размер жалования в церковных школах незначительно повышался вплоть до революционных событий, однако уровень жизни учителей Кольского Севера оставался низким. Исследователи отмечают, что в сельских районах Карелии в начале XX века по уровню зарплаты учителя резко отставали от многих представителей провинциальной интеллигенции, с трудом могли содержать семью [4: 187]. Этот вывод справедлив и в отношении учителей церковных школ Кольского Севера, для которых экстремальные

климатические условия существенно снижали качество жизни.

ВЫВОДЫ

Таким образом, размер учительского жалования в условиях северного приграничья на протяжении рассматриваемого периода постоянно увеличивался, однако самим учебным начальством признавался «скудным и недостаточным». Несмотря на усилия Епархиального совета по увеличению финансирования, размер жалования учителей церковных школ Кольского Севера не обеспечивал жизнь в отдаленных северных приходах, о чем свидетельствуют их личные прошения. Перебои с получением жалования в условиях затрудненного транспортного сообщения и бедности сельских обществ, нередко

отказывающих в добровольных взносах на содержание школ, не способствовали укоренению учителей на Кольском Севере. Для священства Кольского Севера была характерна частая смена места жительства [14: 8]. Учительство церковных школ представляло собой намного более подвижную социальную группу. Суровый климат, дороговизна жизни, отсутствие своего жилья и хозяйства приводили к частой ротации учительских кадров. Материальный фактор играл в профессиональных миграциях определяющую роль. Учащие из школ грамоты стремились переходить на службу в церковно-приходские, из церковных – в министерские, из бедных приходов – в более обеспеченные, а из самого северного Кольского уезда перебираться в более южные селения Русского Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–40 об.
- ² НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 21 об.
- ³ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 11. Л. 168.
- ⁴ Там же. Л. 163 об.
- ⁵ Там же. Л. 164.
- ⁶ Там же. Л. 168.
- ⁷ Архангельские епархиальные ведомости (далее – АЕВ). 1906. № 20. С. 629.
- ⁸ Там же. 1905. № 21. С. 846.
- ⁹ В 1899 году в связи с переносом административного центра из г. Колы в г. Александровск переименован в Александровский уезд Архангельской губернии.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 7 об.–8.
- ¹¹ АЕВ. 1890. № 11. С. 193–194.
- ¹² ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 49. Л. 4.
- ¹³ Ушаков И. Ф. Города, районы, населенные пункты: подборка статей из периодических изданий, 1965–2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Gorodajony-naseleennye-punkty_2022/16/#zoom=z (дата обращения 26.12.2024).
- ¹⁴ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 183. Л. 13.
- ¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 8.
- ¹⁶ С 1899 года Кемско-Кольское уездное училищное отделение переименовано в Кемско-Александровское.
- ¹⁷ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 7 об.–8.
- ¹⁸ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 619.
- ²⁰ Там же. Л. 35–35 об.
- ²¹ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 2/20. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 13 об.–14 об.
- ²³ АЕВ. 1904. № 11. С. 459.
- ²⁴ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 12/172. Л. 4.
- ²⁵ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1044. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Д. 1020. Л. 15.
- ²⁷ Там же. Д. 1020. Л. 49.
- ²⁸ Там же. Д. 1312. Л. 57.
- ²⁹ Там же. Д. 313. Л. 23.
- ³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 12.
- ³¹ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6/72. Л. 37.
- ³² Там же. Л. 57.
- ³³ Там же. Д. 7/92. Л. 8.
- ³⁴ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 993. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Д. 1522. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Д. 49. Л. 44.
- ³⁷ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 8/104. Л. 37–37 об.
- ³⁸ Там же.

³⁹ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 207.

⁴⁰ ГАО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1531. Л. 180 об.–181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилова Ю. П. Просветительская, миссионерская и социальная деятельность православного духовенства Кольского Севера на рубеже XIX–XX вв. // Святейший Правительствующий Синод в истории и культуре России. К 300-летию принятия Духовного регламента: Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2023. С. 136–149.
2. Гончаров М. А., Плохова М. Г. Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2012. Вып. 2 (25). С. 101–117.
3. Гуркина Н. К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX веков. СПб.: Нестор, 1998. 218 с.
4. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
5. Илюха О. П. Сельский учитель в Олонецкой губернии: труд и социальный облик // Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В. Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 426–443.
6. Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX – начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 2-13. С. 23–30. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.23-30
7. Казакова К. С. Учитель и/или наставник: участие священников в деле народного просвещения на северных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 247–259. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/247-259
8. Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 264 с.
9. Кукушкина Н. А. Общеобразовательная деятельность церковно-приходских школ Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. // Ante annum: Сборник научных работ. Петрозаводск, 2003. С. 145–155.
10. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.
11. Пулькин М. В. Приходские школы Олонецкой епархии в XIX – начале XX вв. // Studia Humanitatis. 2024. № 4 (8).
12. Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85
13. Терещенко Е. Ю., Федоров П. В., Малашенков А. А. Русская Арктика: от становищ к «колониям» (адаптация, семья, культура) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2 (113). С. 9–22. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-113-02-9-22
14. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.

Поступила в редакцию 09.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Ksenia S. Kazakova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

MATERIAL SUPPORT OF PARISH SCHOOL TEACHERS IN THE KOLA NORTH FROM 1890 TO THE 1910s

Abstract. Based on a wide range of archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, the article analyzes the issue of material support of parish school teachers in the Kola North from 1890 to the 1910s. The relevance of the study is determined by the need to study the influence of the material factor on the socio-professional status of teachers. It is shown that the material conditions in northern parishes were difficult, especially in the Sami parishes (pogosts). References to harsh living conditions in the North can be traced both in the documents of Kemsko-Aleksandrovsky District School Department and the personal petitions of teachers of that time. The amount of teachers' salaries during the studied period was steadily increasing, but even the educational authorities themselves recognized it

as “meager and insufficient”. Harsh climate, high cost of living, lack of teachers’ own housing and household led to frequent rotation of school teachers. It is concluded that the life of parish school teachers was closely connected with the life of the entire local community of the Kola North.

Key words: teaching, financial situation, quality of life, parochial school, Kola North

Acknowledgements. The article was financed from the federal budget as part of the state research task No FMEZ-2024-0002 “The dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the Russian Arctic frontier exploration” assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kazakova, K. S. Material support of parish school teachers in the Kola North from 1890 to the 1910s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):102–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1189

REFERENCES

1. Bardileva, Yu. P. Educational, missionary, and social Activities of the Orthodox clergy of the Kola North at the turn of the 20th century. *Holy Governing Synod in the history and culture of Russia. Celebrating the 300th anniversary of the adoption of the Spiritual Regulations: Collection of research papers*. St. Petersburg, 2023. P. 136–149. (In Russ.)
2. Goncharov, M. A., Plokhova, M. G. Parish schools and their place in the preparation of teachers in Russia in late 19 – early 20 centuries. *St. Tikhon's University Review. Pedagogy, Psychology*. 2012;2(25):101–117. (In Russ.)
3. Gurkina, N. K. Intelligentsia of the European North of Russia in the late XIX and early XX centuries. St. Petersburg, 1998. 218 p. (In Russ.)
4. Ilyukha, O. P. School and childhood in a Karelian village in the late XIX and early XX centuries. St. Petersburg, 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Ilyukha, O. P. Rural teachers in the Olonets Province: work and social portrait. *From the history of Russian intelligentsia: Collection of materials and articles commemorating the 100th anniversary of V. R. Leykina-Svirskaya*. St. Petersburg, 2003. P. 426–443. (In Russ.)
6. Kazakova, K. S. Initial training of children of the indigenous people of the Kola North at the end of 19th – beginning of the 20th century. *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2018;2:23–30. DOI: 10.25702/KSC.2307 5252.2018.9.2.23-30 (In Russ.)
7. Kazakova, K. S. Teacher and/or mentor: priests in the public education in the northern periphery of the Russian Empire in the Late 19th – early 20th centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2024;3:247–259. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/247-259 (In Russ.)
8. Kalinina, E. A. Public schools of the Olonetsky region in the XIX and early XX centuries. St. Petersburg, 2009. 264 p. (In Russ.)
9. Kukushkina, N. A. Educational activities of church parochial schools of the Olonets Province in the late XIX and early XX centuries. *Ante annum: Collection of research works*. Petrozavodsk, 2003. P. 145–155. (In Russ.)
10. Leykina-Svirskaya, V. R. Russian intelligentsia in the second half of the XIX century. Moscow, 1971. 366 p. (In Russ.)
11. Pulkina, M. V. Parish schools of the Olonets Diocese in the 19th – early 20th centuries. *Studia Humanitatis*. 2024;4(8). (In Russ.)
12. Pchela, I. V. The economic conditions of teachers of rural schools in the Primorsky region in 1900–1914. *Oikumena. Regional Researches*. 2019;3:76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85 (In Russ.)
13. Tereshchenko, E. Yu., Fedorov, P. V., Malashenkov, A. A. The Russian Arctic: from settlements to ‘colonies’ (adaptation, family, and culture). *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2023;2(113):9–22. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-113-02-9-22 (In Russ.)
14. Fedorov, P. V. Orthodox dictionary of the Kola North. St. Petersburg, 2017. 232 p. (In Russ.)

Received: 9 January 2025; accepted: 3 March 2025

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КРАСНИКОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры истории
для преподавания на естественных и гуманитарных фа-
культетах

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1883-1553; julia2404@mail.ru

МЕЖДУ КАФЕДРОЙ И ЭКСПЕДИЦИЕЙ: ЗАБЫТЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ВАВИЛОВА В ЛЕНИНГРАДСКОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ

А н н о т а ц и я . Рассматривается малоизученный период профессиональной карьеры Н. И. Вавилова, связанный с его работой в Петроградском (Ленинградском) сельскохозяйственном институте в 1920–1930-х годах. На основе анализа архивных материалов, мемуарных источников (включая свидетельства коллег, студентов и личные записи Вавилова) проведена реконструкция его десятилетней деятельности в институте. В начале 1920-х годов Вавилов активно упоминал преподавательскую работу в институте и связанные с ней планы в корреспонденции и биографии. Однако в более поздних автобиографических текстах и воспоминаниях данный период подвергается последовательному исключению из личной наррации. Дисбаланс между академической и административной нагрузкой, частые экспедиции и командировки вносили ограничения в эффективность управления кафедрой и генетической станцией. Длительные отсутствия Вавилова на рабочем месте провоцировали рост недовольства среди сотрудников. Анализ документов выявляет и нарастающий конфликт между Вавиловым и администрацией института, связанный с его стремлением к автономии в организации научных исследований. Данное противостояние стало катализатором участия ученого в реорганизации учреждений аграрного образования Петрограда, а также привело к институциональному обособлению генетической станции. Период работы Вавилова в Ленинградском сельскохозяйственном институте отражает ключевые вызовы организации науки в условиях трансформации общества. Изучение этого этапа важно для понимания механизмов адаптации ученых к меняющимся институциональным рамкам, а также роли личности в преодолении системных ограничений. Исследование вносит вклад в изучение административно-педагогической деятельности Вавилова, раскрывая механизмы взаимодействия научного сообщества и образовательных институтов в раннесоветский период.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Н. И. Вавилов, Ленинградский сельскохозяйственный институт, генетическая станция, опытный участок, Детское Село, ученый, генетик, заведующий отделом селекции

Д л я ц и т и р о в а н и я : Красникова Ю. Н. Между кафедрой и экспедицией: забытый этап деятельности Н. И. Вавилова в Ленинградском сельскохозяйственном институте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 112–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1190

ВВЕДЕНИЕ

Николай Иванович Вавилов (1887–1943) – крупнейший и общепризнанный ученый, чьи междисциплинарные исследования в области генетики, географии, систематики и физиологии растений определили новые векторы развития биологической науки¹. Несмотря на обширную историографию, посвященную биографии ученого [2], [3], [6], [7], [12], отдельные ее аспекты остаются недостаточно изученными. К их числу относится период его деятельности в Петроградском (Ленинградском) сельскохозяйственном институте (ЛСХИ) в 1920–1930-х годах, который в трудах самого ученого и современной исторической литературе репрезентирован фрагментарно.

Анализ личной переписки Вавилова 1920–1930-х годов, а также официальных документов, направленных в Академию наук, демонстрирует минимальное упоминание его работы в ЛСХИ, несмотря на длительное совмещение административных и академических позиций в данном учреждении. Даже в автобиографических материалах этот период сводится к лаконичным формулировкам, что контрастирует с детализацией других этапов его карьеры. Подобная лакуна в саморепрезентации ученого требует интерпретации в контексте институциональных и личностных факторов [9], [10], [11], [13].

Источниковой базой исследования стали документы, хранящиеся в Центральном государ-

ственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН), и более тысячи страниц личной переписки Вавилова, которая была опубликована Институтом истории естествознания и техники РАН СССР в 1980 году. Были привлечены воспоминания коллег и студентов, связанные с его работой в ЛСХИ.

Еще в 1911 году в письме к Р. Э. Регелю молодой ученый Николай Вавилов, выпускник Московского сельскохозяйственного института, просил разрешить стажировку в Бюро прикладной ботаники. Он объяснял, что, несмотря на год работы на селекционной станции, чувствует недостаток знаний в области систематики и географии культурных растений и хотел бы изучить методы работы Бюро – единственного в России учреждения, специализирующегося на систематике растений; сосредоточиться на исследовании злаков: анализировать литературу, коллекции образцов, учиться их классифицировать и получить доступ к уникальной научной библиотеке. Вавилов подчеркивал, что постарается не мешать сотрудникам в их работе и самостоятельно обеспечит себя оборудованием (лупа, микроскоп) [8: 18]. Уже на раннем этапе карьеры прослеживался его интерес к масштабным исследованиям, которые позже сделали его основоположником учения о центрах происхождения культурных растений (1926) и совершили переворот в селекции, дав СССР инструмент для создания устойчивых сортов пшеницы, ржи и других культур.

В 1917 году Николай Иванович отмечал проблему доступа советских ученых к иностранной литературе. Даже заказанные ранее журналы, такие как американские ботанические издания, задерживались на год и более, а их доставка оставалась хаотичной. Ситуация усугубилась после введения экономической блокады: с ее началом поступление английских и американских научных журналов в СССР практически прекратилось. Особое значение для Вавилова имел американский журнал «Genetics», который начал выходить в тот период [8: 22]. Для исследователей вроде Вавилова, чьи работы опирались на мировые тенденции в генетике и селекции, отсутствие доступа к актуальным статьям становилось серьезным препятствием. Однако даже в таких условиях ученые искали обходные пути: через личные контакты, участие в конференциях и неофициальные каналы они стремились сохранить связь с глобальным академическим сообществом, понимая, что изоляция грозит необратимым отставанием.

1920-е годы стали золотым десятилетием для советской генетики. Молодая страна, пережившая революцию и Гражданскую войну, вопреки разрухе инвестировала в фундаментальные исследования. Власти видели в науке ключ к преодолению отсталости, и аграрный сектор как основа экономики оказался в фокусе внимания. Вавилов активно участвовал в международных конгрессах, а его работы цитировались в Европе и США. В 1921 году Николай Иванович отправился в командировку в США для участия в международном сельскохозяйственном конгрессе, а также посетил ряд стран Западной Европы. В США он как научный консультант активно включился в работу с Министерством торговли и промышленности Вашингтона, помогая решать вопросы импорта семян в СССР. Это сотрудничество стало критически важным после масштабного неурожая 1921 года, когда страна остро нуждалась в восстановлении аграрного сектора². В 1927 году на V Международном генетическом конгрессе в Берлине он представил доклад о законе гомологических рядов, вызвавший сенсацию. Это было частью общей стратегии: через научные достижения укрепить авторитет страны.

РАБОТА Н. И. ВАВИЛОВА В АГРОНОМИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (ПОЗЖЕ ЛСХИ)

Переезд в Петроград

Ленинградский период карьеры Вавилова напрямую связан с началом работы на кафедре генетики и селекции Агрономического института. В 1920 году он познакомился с ректором Петроградского агрономического института Ильей Львовичем Джандиери, который предложил возглавить кафедру генетики и селекции растений, а также организовать при ней две опытные станции – генетическую и селекционную. Осенью того же года Вавилов приехал в Петроград, чтобы лично оценить возможности для реализации проекта. После революции институт унаследовал огромный хозяйственный комплекс и обширные территории: парки, оранжереи, здания, включая так называемый Федоровский городок, все то, что раньше находилось в ведении дворцового хозяйства [13: 47].

Уже 25 ноября 1920 года, в соответствии с выпиской из журнала заседания Совета Агрономического института о выборах по сельскохозяйственному факультету, Вавилова единогласно избрали по конкурсу профессором кафедры генетики и селекции. Все 26 членов Совета проголосовали «за»³. Это решение выглядело необычно, так как Вавилов был новым человеком в коллективе института и единственным кандидатом,

получившим столь единодушную поддержку. Видимо, сказалась личная протекция ректора института.

После назначения Николай Иванович начал активно формировать команду для работы на новой кафедре. Он предложил переехать в Петроград коллегам из Саратова, с которыми сотрудничал ранее, но не ограничился этим [1: 159–160]. Сохранившаяся переписка свидетельствует, что ученый рассылал индивидуальные приглашения специалистам по всей стране, демонстрируя прагматичный и индивидуальный подход к подбору кадров.

В декабре 1920 года Вавилов занял пост заместителя председателя президиума Научно-исследовательского отдела Агрономического института. Возглавил президиум С. М. Вислоух – профессор и проректор института, который с 1918 года вел курс гидробиологии и систематики низших растений, а также руководил Детско-сельской гидробиологической станцией. Одной из ключевых задач отдела стала организация 11 научных учреждений, включая генетическую станцию, созданную специально для Вавилова⁴.

Для ее укомплектования Николаю Ивановичу разрешили перевести из Саратова 27 сотрудников⁵. Работая в Саратовском сельскохозяйственном институте (ныне – СГАУ им. Н. И. Вавилова), Вавилов совершил прорывное открытие – закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, который стал фундаментом для развития генетики и селекции. В Саратове он положил начало коллекции семян, которая позже трансформировалась в крупнейший в мире генный банк растений. Приглашение в Петроград сотрудников его прежней научной группы позволило сохранить преемственность исследований и усилить потенциал новой станции.

Генетическая станция первоначально разместилась в зданиях Федоровского городка, переданных институту. Несмотря на недостаточное освещение помещений, каждый сотрудник получил отдельный кабинет. Прибывшие из Саратова ученые отмечали, что имеющихся шкафов и полок хватало для хранения привезенных семян и материалов. Однако вскоре Вавилов инициировал дооснащение станции: он требовал от руководства передать мебель (столы, стеллажи, шкафы) из многочисленных неиспользуемых помещений института [14: 30].

Николай Иванович, видимо, чувствуя ответственность за коллег, переехавших из Саратова, стремился обеспечить им комфортные условия. Он разместил их вблизи генетической станции

в Детском Селе, однако это решение вызвало напряженность. Местные сотрудники Агрономического института восприняли такое распределение как ущемление своих интересов. Конфликт обострился в 1921 году, когда Вавилов находился в длительной командировке в США. По воспоминаниям Е. Н. Синской⁶ (в будущем выдающегося ботаника-систематика), сотрудники института стали «сильно теснить нас с квартирами» [14: 38]. Недовольство выражали и местные сотрудники отдела прикладной ботаники: «Петроградские сотрудники угрюмы⁷, не очень общительны, в СХИ народ лучше, но только бояться, что мы их вытесним» [14: 30].

Стремление Вавилова поддержать свою команду, хотя и мотивированное заботой, выявило системные проблемы в интеграции научных коллективов. Ограниченные ресурсы и конкуренция за них стали катализатором конфликтов, отразивших сложности формирования единой исследовательской среды.

Отделение генетической станции от института

Вавилов с большим энтузиазмом приступил к организации генетической станции, однако его планы осложнились длительной командировкой в США для участия в международном конгрессе. Совмещать зарубежные поездки с руководством кафедрой генетики и селекции в Агрономическом институте, а также организацией работы станции оказалось крайне сложно. В письме к А. М. Левшину от мая 1922 года Вавилов признавался: «В Питере еще не все устроилось, так как 8 месяцев ушло на границу», подчеркивая, что продолжительное отсутствие замедлило развитие проектов [8: 49].

Во время своих частых отъездов Вавилов передавал управленческие обязанности коллегам. Основная нагрузка легла на Сергея Михайловича Букасова – будущего академика, специалиста по селекции и систематике картофеля. Именно он читал лекции по селекции вместо Вавилова и решал текущие вопросы на генетической станции. Поддержку также оказывали О. В. Якушкина, коллега из Саратовского сельскохозяйственного института, и К. М. Чинго-Чингас, который на тот момент совмещал должности ассистента Отдела прикладной ботаники и селекции и кафедры селекции ПСХИ (впоследствии – ведущий эксперт по хлебопекарным качествам зерна) [14: 37]. Однако частые командировки Николая Ивановича затрудняли координацию работы. По словам ректора института И. Л. Джандиери, к середине 1922 года Вавилов «ни разу или один раз» присутствовал на заседаниях Ученого совета, где

принимались ключевые решения по развитию станции⁸.

Постепенно Николай Иванович стал тяготиться университетской подведомственностью. Его не устраивала необходимость согласовывать каждое решение с ректоратом, а также постоянное вмешательство руководства в работу. Стремясь защитить автономию своих проектов, в июле 1922 года он подготовил официальный документ «Меморандум заведующего кафедрой генетики Н. И. Вавилова ректору Агрономического института», где потребовал пересмотреть отношение к генетической станции. Встречается точка зрения, что целью этого шага было формальное обоснование автономии станции. Вавилов стремился преобразовать ее в независимое научное учреждение, для чего вывел территории и помещения станции из-под контроля института. Примечательно, что руководство вуза не было официально уведомлено об этих изменениях, что позже стало причиной конфликта [10: 16].

Предвидя сопротивление, Вавилов заручился поддержкой Наркомзема. По решению ведомства и Всероссийского съезда по опытному делу в 1922 году была создана Центральная опытная станция прикладной ботаники и селекции. Вся инфраструктура генетической станции была выведена из собственности ЛСХИ и передана станции прикладной ботаники и селекции, что, по мнению Николая Ивановича, должно было снять финансовую нагрузку с института и устранить бюрократические «недоразумения, возникающие постоянно при оплате служащих генетической станции»⁹.

Меморандум Вавилова, занимавшего должность заведующего кафедрой селекции, представляет собой уникальный исторический документ. На его полях сохранились пометы ректора института И. Л. Джандиери, который, не будучи посвящен в планы Вавилова, выразил недоумение. В заключительной части документа он оставил резюмирующую запись: «К делу, как курьезнейший документ»¹⁰, что отражало его растерянность и несогласие с действиями ученого.

Отделение генетической станции от института стало для Вавилова вынужденной мерой. Он стремился сосредоточить управление в своих руках, чтобы избежать бюрократических проволочек, хотя это противоречило интересам его собственной кафедры. Николай Иванович считал, что развитие станции в рамках института невозможно из-за необходимости постоянных согласований, которые тормозили исследования. Его решение было направлено на создание неза-

висимой структуры, способной оперативно реагировать на научные вызовы.

Процесс отделения генетической станции от Агрономического института стал для Вавилова эмоционально сложным и напряженным периодом, что ярко отразилось в его личной переписке. В июне 1922 года Николай Иванович писал Гали Михайловне Поповой – своей бывшей студентке, а позже сотруднику кафедры селекции и семеноводства Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте [5] о получении собственной станции в Царском Селе и ее выходе из-под контроля института [8: 52]. В том же месяце в письме к С. И. Жегалову, профессору ТСХА, он подчеркивал, что теперь располагает участком и зданиями бывшей усадьбы великого князя Бориса Владимировича, где планирует организовать независимую станцию прикладной ботаники и селекции [8: 49]. Вавилов не скрывал удовлетворения от достигнутой автономии. В переписке с П. П. Подъяпольским и В. Е. Писаревым он метафорично называл этот процесс «завоеванием усадьбы», что говорило как о трудностях, так и значимости события [8: 51, 85].

Чтобы не лишать институт и кафедру опытного участка, Николай Иванович в июле 1923 года представил записку в правление института с предложением о реорганизации генетической станции. Он предложил преобразовать крупное подразделение в компактное «селекционное поле» при кафедре селекции, сократив штат до минимально необходимого: помощник, он же заместитель директора станции, один ассистент по станции, один научный сотрудник первого разряда, один лаборант, два техника, два рабочих и четыре годовых практиканта¹¹.

Вавилов настаивал, что полная оплата персонала опытного участка должна вестись из бюджета института, чтобы сотрудникам не приходилось совмещать, как они делали до этого. При этом сохранялась связь нового участка с Центральной опытной станцией прикладной ботаники и селекции, которая обладала значительными ресурсами:

«...даже самое проведение собственно учебной работы возможно только при значительном использовании ресурсов отдела прикладной ботаники с его большими материалами, с его большой библиотекой и учебным, и исследовательским оборудованием»¹².

Деятельность на опытном участке кафедры селекции ЛСХИ в 1923 году осуществлялась ее сотрудниками. Для учебных целей было высажено около трех тысяч образцов сельскохозяйственных культур, включая пшеницу, овес, ячмень, рожь,

бобовые и корнеплоды. Совместно со студентами проводились исследования по сравнительному анализу сортов льна, а также работы по селекции многолетних кормовых трав. С весны 1923 года начали совместно со студентами проводить исследования генетики ячменей и скрещивания сортов. Для удобства учебного процесса на территории опытного поля оборудовали аудиторию и специализированное помещение для лекций и практических занятий. Однако, как отмечал Вавилов в отчете, участок требовал срочных улучшений: проведения мелиоративных работ, строительства изгороди и вегетационного домика. Кроме того, выделенное финансирование оказалось недостаточным для полноценной реализации всех научных и образовательных задач [8: 137–138].

Реорганизация аграрных вузов

Отделение станции прикладной ботаники и селекции происходило в период масштабной реорганизации аграрного образования Петрограда. Осенью 1922 года три учебных заведения – Петроградский агрономический институт, Стебутовские и Каменноостровские высшие сельскохозяйственные курсы – объединились в Петроградский сельскохозяйственный институт, который, по воспоминаниям современников, стал «гигантским по тем временам вузом» [15: 177]. Вавилов, участвовавший в процессе объединения как консультант, в письме к Н. М. Тулайкову (в будущем – академику АН СССР и ВАСХ-НИЛ) в августе 1922 года отмечал, что потратил несколько месяцев на совещания и встречи, отвлекаясь от научной деятельности. Он с сожалением писал, что «души к этому делу нет», подчеркивая желание вернуться к исследованиям [8: 58]. Административная нагрузка, связанная с реорганизацией, осложняла работу Вавилова, однако его усилия способствовали созданию новой образовательной структуры, в рамках которой позже развивались ключевые проекты советской аграрной науки.

В целом Вавилов оценивал объединение позитивно, видя перспективы развития научной школы на Северо-Западе не хуже, чем в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева). Положительно оценивал и кадровые назначения: новым ректором стал К. Д. Глинка, а руководителем зоотехнической станции и соответствующего факультета Е. Ф. Лискун. «Из наиболее болезненных операций было устранение Ильи Львовича [Джандиери]», который был заменен не только на посту ректора ЛСХИ, но и во главе зоотехнической

станции и факультета [8: 70–71]. Как отмечал Вавилов, это решение было необходимым, хотя и непростым шагом в условиях трансформации института.

В результате объединения Петроградский сельскохозяйственный институт перевели в бывшее Царское Село, чтобы централизовать ресурсы и инфраструктуру. Реорганизация затронула и кафедру: шел масштабный ремонт помещений, обновлялись кабинеты, создавались новые учебные аудитории. Эти преобразования вдохновляли Николая Ивановича, видевшего в них возможность для роста научного потенциала [8: 71]. В ноябре 1922 года в письме Н. М. Тулайкову он отмечал первые достижения: в домах сотрудников установили центральное отопление, а также запустили работу новых научных отделений. Особое внимание он уделял успехам в энтомологии, рыбоводстве, почвоведении и растениеводстве. Налаживание связей со школами и улучшение условий постепенно смягчали сопротивление реформе среди части коллектива: «...есть недовольные (реформой), но они сходят на нет» [8: 79].

В декабре этого же года в письме к В. Е. Писареву Николай Иванович подчеркивал, что «весь ареопаг» старого Агрономического института – ключевые руководители – был заменен, что символизировало обновление системы [8: 84–85]. Тогда же окончательно определилась судьба генетической станции: ее интегрировали в отдел прикладной ботаники, оставив лишь небольшой опытный участок для исследований.

Реорганизация аграрного образования Петрограда в 1922 году, объединившая три учебных заведения в Петроградский сельскохозяйственный институт, стала ключевым шагом для укрепления научного потенциала советской аграрной науки. Вавилов, несмотря на административные сложности и отрыв от исследований, сыграл важную роль в этом процессе, поддержав кадровые изменения и модернизацию инфраструктуры, включая перенос института в Царское Село.

Преподавательская работа в ЛСХИ

Вавилов, читавший студентам курс «Основы селекции», из-за колоссальной административной нагрузки редко появлялся в институте. В 1925 году в письме к Константину Ивановичу Пангалю, заведующему Туркестанским отделением Отдела прикладной ботаники, он сетовал, что административная работа «отнимает у каждого из нас 9/10 времени» [8: 194–195]. Так, в 1922 году Вавилов задумал подготовить и издать курс лекций по селекции. Для записи материалов его секретарь Н. М. Шаллерт

стенографировала выступления прямо во время занятий [15: 177]. Однако даже это не помогло ученому завершить работу над проектом. В марте 1923 года, когда А. А. Ячевский предложил Вавилу прочесть курс по иммунитету и селекции на фитопатологических курсах сельскохозяйственного Ученого комитета, Вавилов просил отложить до Пасхи, так как курс по селекции еще не был готов [8: 104].

Работа продвигалась медленно не только из-за занятости, но и из-за стремления ученого к идеалу. В письме к К. И. Пангалю в январе 1923 года Вавилов отмечает среди прочего: «Пишу понемногу курс селекции, но им не очень доволен» [8: 95]. К июню 1923 года текст все еще не был готов [8: 121]. В апреле 1926 года в письме к Г. С. Зайцеву в Ташкент ученый еще не терял надежды завершить работу над курсом лекций по селекции [8: 274], а в январе 1928 года в письме в издательство «Новая деревня» констатировал, что «курс селекции мною до октября месяца не будет представлен» [8: 319]. Теоретические основы селекции растений вышли в свет только в 1935 году.

Работа на кафедре, руководство преподавательским составом и проведение занятий требовали постоянного присутствия, однако в 1920-е годы Вавилов находился в почти непрерывных разъездах – научных экспедициях и командировках. Частые отъезды и отсутствие на кафедре провоцировали лишние разговоры и пересуды, ведь заработную плату Вавилов получал, как и все. Администрация института неоднократно инициировала проверки кафедры, отмечая длительное отсутствие не только Вавилова, но и других сотрудников, которые также были заняты в экспедициях. Так, в 1925 году во время очередной проверки выяснилось, что «один в Малой Азии, другой в Мексике, третий в Воронеже, четвертый на Кавказе, Матвейч [Чинго-Чингас] ушел в мельничные дела, Голубев перегружен» [8: 245].

Во время своих отъездов Вавилов старался минимизировать неудобства, назначая ответственных за кафедру и селекционное поле. Так, в 1926 году, готовясь к экспедиции в Северную Африку, он официально передал полномочия Н. П. Голубеву, В. Е. Писареву и К. М. Чинго-Чингасу, поручив последнему принимать экзамены [8: 256]. Однако даже эти меры не решали системных проблем. В письме к Л. И. Говорову¹³ Вавилов признавал, что кафедральные дела следовало привести в порядок, «курсанты недовольны» [8: 251]. Активная научная деятельность Вавилова хотя и укрепляла престиж института, создавала внутренние противоречия. Баланс между экспедициями, административ-

ными обязанностями и преподаванием оставался сложной задачей.

Ситуация повторилась и в 1928 году, когда в ЛСХИ инициировали специальную комиссию, состоявшую из студентов, правления и администрации института, по вопросу организации занятий кафедрой. Выяснилось, что большинство сотрудников кафедры не присутствовали на рабочих местах, а были в отъездах. В силу этого занятия не проводились или проводились, по мнению комиссии, ненадлежащим образом. Сам Вавилов критически оценивал качество преподавания, отмечая, например, что И. Д. Шиманович путал термины «поленикум» и «монококкум» – важные понятия в ботанике.

В феврале 1928 года Вавилов в письме к Л. И. Говорову, которому передал полномочия по регулированию учебного процесса, ставил в вину плохо организованные занятия:

«Передавая Вам все полномочия по занятиям, которые важнее лекций, я рассчитывал и рассчитываю, что честь кафедры не будет умалена. В настоящее время мы в полном смысле этого слова спустились на дно морское. Это очень неприятно. Мы можем вести занятия, даже уделяя не так много времени, не хуже, чем любая кафедра».

Он просил Леонида Ипатьевича самого прочесть курс, чтобы «реабилитироваться... Мы и по существу и из долга приличия должны поставить кафедру на должную высоту» [8: 254–255]. Однако это был не первый случай недобросовестности Говорова. Еще в 1926 году Николай Иванович писал:

«Надо приводить в порядок отделения; не говорю уже о кафедральных делах. Подвели Вы нас с курсом техники и селекции, заболел вдобавок Писарев не вовремя; курсанты недовольны. Все это уроки для будущего, которые надо учитывать» [8: 251].

Примечательно, что оба письма адресовались в Каменную степь (Воронежская область), где Л. И. Говоров с 1923 года руководил Степной опытной станцией, параллельно занимая другие должности. Такая нагрузка мешала ему эффективно контролировать учебный процесс в ЛСХИ.

Несмотря на колоссальную занятость, Николай Иванович находил время для преподавания. Его лекции, которые он читал студентам эпизодически, оставляли неизгладимое впечатление – слушатели вспоминали их с восхищением. Вавилов ценил живой диалог с аудиторией, считая, что преподавание обогащает и самого педагога. Он поощрял вопросы, превращая занятия в дискуссии, и даже приезжал на лекции поздно вечером, уставший после заседаний, «запахавшийся» от других дел, но полный энтузиазма [4: 217–218].

Однако административная нагрузка неумолимо росла. В 1928 году в письме М. Е. Шефлеру в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию ученый признавался:

«Я лично настолько перегружен обязанностями, что совесть не позволяет даже думать о какой-нибудь дополнительной обязанности. До сих пор я еще продолжаю быть двойным директором: директором Института опытной агрономии и Института прикладной ботаники, не говоря уже о своей исследовательской работе. С трудом выполняю обязанности по кафедре селекции в Ленинградском сельскохозяйственном институте» [8: 352].

Это противоречие между научной страстью и бюрократической рутинной стало лейтмотивом его жизни. Даже в условиях хронической усталости Вавилов стремился сохранить связь с учебным процессом, видя в нем не долг, но творческий диалог с будущим поколением ученых.

Лекции по Общей селекции Николай Иванович читал модулем за пару встреч, сосредоточившись на ключевых темах. Остальную часть учебной нагрузки брали на себя сотрудники Всесоюзного института растениеводства (ВИР) или коллеги по кафедре. Курс, который занимал 45 часов, «он прочитывал его за 8–10 лекций, а то и меньше, давая почти ежедневно 4–6-часовые лекции» [4: 217].

Вавилов использовал много демонстрационного материала: таблицы, карты с центрами происхождения культурных растений, фотографии. Особенно яркими были занятия, которые он проводил сразу после возвращения из научных поездок: студенты погружались в мир ботаники через живые впечатления ученого.

Николай Иванович считал важным изучение первоисточников, по его инициативе при кафедре образовалась секция селекции, где студенты выступали с обзорами прочитанных книг. Книги студенты брали в библиотеке ЛСХИ или специально доставляли из фондов Детскосельской опытной станции ВИР. К 1929 году кафедра располагала современной инфраструктурой: собственной библиотекой, фотолабораторией, микроскопами, фотоаппаратами и эпидиаскопом для демонстрации материалов.

Руководство кафедрой в институте Николай Иванович осуществлял до 1927 года. Лектором на кафедре селекции ЛСХИ оставался до 1930 года [4: 216]. После его ухода институт начал масштабную реорганизацию, разделившись на узкоспециализированные отраслевые учреждения.

ВЫВОДЫ

Период работы Вавилова в ЛСХИ отражает ключевые вызовы организации науки в услови-

ях трансформации общества. Изучение этого этапа важно для понимания механизмов адаптации ученых к меняющимся институциональным рамкам, а также роли личности в преодолении системных ограничений: конфликта автономии и контроля, дисбаланса между исследовательскими и административными задачами.

Николай Иванович с энтузиазмом принял предложение ректора Петроградского агрономического института И. Л. Джандиери возглавить создание кафедры генетики и генетической станции. Однако со временем бюрократические ограничения и зависимость от административных решений стали препятствием для его научной независимости. Это вылилось в открытый конфликт с руководством, участие в реорганизации аграрных учебных заведений и окончательное отделение генетической станции от института.

Совмещение множества должностей и частые экспедиции мешали Вавилову эффективно управлять кафедрой. Чрезмерные институциональные требования препятствовали реализации исследовательского потенциала выдающегося ученого. Его длительные отсутствия вызывали недовольство коллег, а учебные обязанности часто делегировались сотрудникам, чья квалификация не всегда соответствовала требованиям. При этом лекции самого Вавилова восхищали студентов: они отмечали глубину знаний, умение увлечь аудиторию и новаторский подход. Несмотря на фрагментарный характер преподавательской деятельности, лекции Вавилова сохраняли высокий научный уровень, что подтверждается отзывами слушателей, отмечавших эвристическую ценность занятий и их роль в формировании исследовательских компетенций.

Сожалел ли Вавилов о переезде в Петроград? Нет. В письмах он подчеркивал: «Научная работа здесь продуктивнее, чем где-либо в России. В Москве слишком много суеты, пустых разговоров. Я – патриот Петрограда и Царского Села». Однако институтская рутина отвлекала его от глобальных исследований, а конфликты создавали эмоциональное напряжение. Вероятно, именно это стало причиной того, что в поздних работах и воспоминаниях Вавилов редко упоминал период работы в ЛСХИ.

Дальнейшее изучение архивных материалов может уточнить роль данного периода в формировании управленческих принципов Вавилова. Это направление актуально для понимания взаимодействия науки и институциональных структур в условиях раннесоветской модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 65. Л. 1.
- ² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 65. Л. 8.
- ³ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2260. Л. 54.
- ⁴ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2331. Л. 2–2 об.
- ⁵ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2487. Л. 23–23 об.
- ⁶ Е. Н. Синская оставит работу в ВИР после ареста Вавилова и продолжит научную карьеру в ЛСХИ. Сначала она преподавала ботанику, а с 1941 года возглавила кафедру селекции и семеноводства, сохраняя связь с наследием Вавилова.
- ⁷ Имеются в виду сотрудники отдела прикладной ботаники.
- ⁸ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2987. Л. 23–26.
- ⁹ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2987. Л. 23–26.
- ¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2987. Л. 26.
- ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 379. Л. 75–76.
- ¹² ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 379. Л. 76.
- ¹³ В 1934 году на заседании Президиума ВАСХНИЛ без защиты диссертации утвержден в степени доктора биологических и сельскохозяйственных наук по разделу систематики и селекции культурных растений. Профессор Ленинградского СХИ, где читал курсы растениеводства и селекции, с 1939 года зав. кафедрой селекции. Также с 1939 года профессор кафедры генетики растений Ленинградского университета. Арестован 15 февраля 1941 года. Военная коллегия Верховного суда СССР 9 июля 1941 года приговорила его к ВМН по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 28 июля 1941 года на полигоне «Коммунарка». По другим данным, умер в тюрьме 13 января 1943 года. Реабилитирован в 1956 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букасов С. М. Широкая программа работ // Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / [АН СССР]; Отв. ред. С. Р. Микулинский; [Примеч. В. Д. Есакова, Е. С. Левина]. М.: Наука, 1987. С. 159–161.
2. Голубев А. В. Развитие творческого наследия Н. И. Вавилова в Саратовской государственной академии имени Н. И. Вавилова // Доклады ТСХА. Вып. 270. М., 1999. С. 8–19.
3. Есаков В. Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М.: Институт российской истории РАН, 2008. 280 с.
4. Кудрявцева В. В. На кафедре селекции и генетики ЛСХИ // Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / [АН СССР]; Отв. ред. С. Р. Микулинский; [Примеч. В. Д. Есакова, Е. С. Левина]. М.: Наука, 1987. С. 216–219.
5. Кутузова С. Н., Трускинов Э. В., Вишнякова М. А., Попова Гали Михайловна // Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. СПб.: Федеральный исследовательский центр Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н. И. Вавилова, 2017. С. 446–450.
6. Левин В. И. Н. И. Вавилов – гениальный ученый и организатор науки // Ректор вуза. Пенза: Пензенский гос. технолог. ун-т, 2024. № 1. С. 50–58.
7. Леонова Н. А. Николай Иванович Вавилов – великий ботаник, генетик, исследователь // Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 136-летию со дня рождения академика Н. И. Вавилова. Саратов: Саратовский гос. ун-т генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, 2023. С. 406–411.
8. Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия, 1911–1928 гг. / [Вступ. ст. Д. К. Беляева, С. Р. Микулинского; Комментар. В. Д. Есакова]. М.: Наука, 1980. Т. 5. 427 с.
9. Ольховский Е. Р. Навстречу юбилеям. СПб.: Соларт, 2004. 344 с.
10. Пыженков В. И. Николай Иванович Вавилов – ботаник, академик, гражданин мира. М.: Самообразование, 2009. 135 с.
11. Пыженков В. И. Н. И. Вавилов – человек, ученый, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ): Докл., посвящ. 100-летию юбилею СПбГАУ. СПб.: СПбГАУ, 2004. 46 с.
12. Резник С. Е. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1056 с.
13. Санкт-Петербургский государственный аграрный университет: 120 лет достижений и открытий / В. Ю. Морозов и др.; Науч. ред. Н. М. Нарыкова. СПб.; Белгород: СПбГАУ: Константа, 2024. 252 с.
14. Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавиллове. Киев: Наукова думка, 1991. 203 с.
15. Федотов В. С. Широта охвата фактов // Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / [АН СССР]; Отв. ред. С. Р. Микулинский; [Примеч. В. Д. Есакова, Е. С. Левина]. М.: Наука, 1987. С. 177–184.

Yulia N. Krasnikova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-1883-1553; julia2404@mail.ru

BETWEEN DEPARTMENT AND EXPEDITION: THE OVERLOOKED PERIOD OF N. I. VAVILOV'S WORK AT LENINGRAD AGRICULTURAL INSTITUTE

Abstract. The article deals with the little-studied period in the professional career of Nikolai Ivanovich Vavilov focusing on his work at Petrograd (Leningrad) Agricultural Institute during the 1920s and 1930s. The reconstruction of a decade of his professional activity in this institution was carried out based on the analysis of archival materials, memoir sources (including testimonies of colleagues and students and Vavilov's personal records). In the early 1920s, Vavilov frequently mentioned his teaching role at the Institute and related plans in his correspondence and biography. However, in later autobiographical texts and memoirs, this period is consistently excluded from his personal narrative. The imbalance between academic and administrative responsibilities, frequent expeditions and work trips limited his effectiveness in managing both the Leningrad Agricultural Institute department and the genetic station. Vavilov's prolonged absence from his workplace provoked growing discontent among the Institute staff. The analysis of the documents reveals an escalating conflict between Vavilov and the Institute administration, related to his pursuit of autonomy in organizing scientific research. This confrontation catalyzed the scientist's participation in the reorganization of agricultural education institutions in Petrograd, and also led to the institutional isolation of the genetic station. The period of Vavilov's work at Leningrad Agricultural Institute reflects the key challenges of science organization in the context of the society transformation. Studying this period is important for understanding the mechanisms used by scientists for adjusting to changing institutional frameworks, as well as the role of personality in overcoming systemic constraints. The research contributes to the study of Vavilov's administrative and educational activities, revealing the mechanisms of interaction between the scientific community and educational institutions in the early Soviet period.

Keywords: N. I. Vavilov, Leningrad Agricultural Institute, genetic station, experimental plot, Detskoe Selo, scientist, geneticist, head of the selection department

For citation: Krasnikova, Yu. N. Between department and expedition: the overlooked period of N. I. Vavilov's work at Leningrad Agricultural Institute. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):112–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1190

REFERENCES

1. Bukasov, S. M. A broad program of works. *Nikolai Ivanovich Vavilov: Essays, memoirs, materials*. (S. R. Mikulinsky, Ed.). Moscow, 1987. P. 159–161. (In Russ.)
2. Golubev, A. V. Development of the creative heritage of N. I. Vavilov at Saratov State Academy named after N. I. Vavilov. *Reports of the Timiryazev Agricultural Academy*. Issue 270. Moscow, 1999. P. 8–19. (In Russ.)
3. Esakov, V. D. Nikolai Ivanovich Vavilov: pages of biography. Moscow, 2008. 280 p. (In Russ.)
4. Kudryavtseva, V. V. At the Department of Breeding and Genetics of Leningrad Agricultural Institute. *Nikolai Ivanovich Vavilov: Essays, memoirs, materials*. (S. R. Mikulinsky, Ed.). Moscow, 1987. P. 216–219. (In Russ.)
5. Kutuzova, S. N., Truskinov, E. V., Vishnyakova, M. A. Popova Gali Mikhailovna. *Associates of Nikolai Ivanovich Vavilov: researchers of the plant gene pool*. St. Petersburg, 2017. P. 446–450. (In Russ.)
6. Levin, V. I. N. I. Vavilov, a brilliant scientist and organizer of science. *University Rector*. 2024;1:50–58. (In Russ.)
7. Leonova, N. A. Nikolai Ivanovich Vavilov, a great botanist, geneticist, and researcher. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 136th Anniversary of Academician N. I. Vavilov*. Saratov, 2023. P. 406–411. (In Russ.)
8. Nikolai Ivanovich Vavilov: excerpts from his epistolary heritage, 1911–1928. Moscow, 1980. Vol. 5. 427 p. (In Russ.)
9. Olkhovsky, E. R. Towards the anniversaries. St. Petersburg, 2004. 344 p. (In Russ.)
10. Pyzhenkov, V. I. Nikolai Ivanovich Vavilov, a botanist, academician, and citizen of the world. Moscow, 2009. 135 p. (In Russ.)
11. Pyzhenkov, V. I. N. I. Vavilov – a man, scientist, organizer and the head of the Department of Genetics and Breeding of Saint Petersburg State Agrarian University (SPbSAU): A report dedicated to the 100th anniversary of SPbSAU. St. Petersburg, 2004. 46 p. (In Russ.)
12. Reznik, S. E. This short life. Nikolay Vavilov and his time. Moscow, 2017. 1056 p. (In Russ.)
13. Saint Petersburg State Agrarian University: 120 years of achievements and discoveries. St. Petersburg; Belgorod, 2024. 252 p. (In Russ.)
14. Sinskaya, E. N. Memories of N. I. Vavilov. Kyiv, 1991. 203 p. (In Russ.)
15. Fedotov, V. S. Breadth of coverage of facts. *Nikolai Ivanovich Vavilov: essays, memoirs, materials*. Moscow, 1987. P. 177–184. (In Russ.)

Received: 9 January 2025; accepted: 3 March 2025

ИРИНА ЮРЬЕВНА ВИНОКУРОВА

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1967-7911; irvin@sampo.ru

Рец. на кн.: Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления / под общей редакцией И. А. Разумовой. Апатиты : Изд-во Кольского научного центра, 2023. – 516 с.

Для цитирования: Винокурова И. Ю. Рец. на кн.: Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления / под общей редакцией И. А. Разумовой. Апатиты : Изд-во Кольского научного центра, 2023. – 516 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 121–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1191

Плодотворное развитие научной организации невозможно без изучения ее истории. В последнее время в истории гуманитарных наук, и этнологии / антропологии в частности, все большее признание получает подход, рассматривающий развитие научных направлений в контексте широкого комплекса интеллектуальных и социально-политических факторов. Именно этот продуктивный подход был успешно использован при написании рецензируемой монографии, подготовленной в Центре гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН (ЦГП КНЦ РАН) авторским коллективом, в составе которого доктор исторических наук, главный научный сотрудник, и пять кандидатов наук, старшие научные сотрудники ЦГП КНЦ РАН. Монография представляет собой обзор направлений и тем этнографических, антропологических и исторических исследований, которые разрабатывались в гуманитарном академическом центре на протяжении более четверти века. В ней освещается история создания ЦГП КНЦ РАН, которая ведет начало с постперестроечного периода – сложнейшего в истории России. Следует заметить, что указанный период, как и современный, в истории отечественной этнологии и антропологии разных регионов еще не получил достаточного описания и оценки, поэтому данную монографию, безусловно, можно считать новаторской. Она интересна тем, что научное подразделение было организовано в период, когда в Российской академии наук происходили реорганизации, направленные на сокращение численности ученых и научных организаций, перестройку структуры, системы управления и финансирования. Книга насыщена

в содержательном отношении, так как спектр тем и проблем, которые изучались и продолжают изучаться коллегами в Кольском научном центре, достаточно широкий.

В первой главе, повествующей об истории создания гуманитарного центра (автор И. А. Разумова), проанализированы обстоятельства, условия, факторы и поэтапный процесс организации ЦГП, началом которого признается включение в структуру КНЦ РАН Музея-архива истории освоения и изучения Европейского Севера России. Примечательно, что к истории этого музея, созданного еще в 1970-е годы под эгидой Географического общества, были причастны и ученые ИЯЛИ Карельского научного центра (тогда Карельского филиала АН СССР) этнограф Р. Ф. Никольская (1927–2009), изучающая карельско-саамские связи, и лингвист, исследователь саамского языка Г. М. Керт (1923–2009). Особый интерес представляет история формирования кадрового состава гуманитарного подразделения, поскольку в Кольском научном центре в то время (1990-е – начало 2000-х годов) не было ученых-историков, был лишь один дипломированный этнограф. Нужно отдать должное руководству Кольского научного центра, которое, помимо практических мотивов, проявило понимание значения академических историко-этнологических исследований для КНЦ РАН и региона Кольского Заполярья (Мурманская область), где они до того времени отсутствовали. Дело в том, что гуманитарные науки обладают отличиями от наук естественных «не только по методологии, объекту, предмету изучения, но и по способу представления результатов» (с. 11). Самым важным научным результатом гуманитария являет-

ся монография, для которой, в отличие от статьи, особую значимость приобретают не только выводы, но и само описание. Наряду с монографиями к существенным результатам специалистов гуманитарного профиля относятся снабженные научным аппаратом и комментариями

«публикации материалов: архивных документов, письменных источников, словарей, фотографий, аудиозаписей бесед с информантами, устных рассказов и даже собственных наблюдений, зафиксированных в полевых дневниках» (с. 11).

При этом адресатом гуманитарных знаний может быть не только профессиональное сообщество, но и широкий круг читателей.

Монография содержит десять глав, в девяти из них рассматриваются формирование и развитие направлений исследований, их результаты, имеющие научное и практическое значение. Источниками служат отчеты о научно-исследовательской работе по темам НИР, по проектам научных фондов и Программам фундаментальных исследований Президиума и Отделения историко-филологических наук РАН, другие документы, публикации руководителей и исполнителей работ по темам. Целый ряд статей и материалов, особенно на первых этапах развития Центра, были опубликованы в труднодоступных изданиях с небольшим тиражом, в материалах научных мероприятий, которые проводились за рубежом или в регионах РФ. Далеко не все из них известны даже специалистам, а результаты некоторых исследований по разным причинам остались только в отчетах. Поэтому предпринятые авторами обзоры обладают большой информационной ценностью. То же относится к описаниям источников по всем разделам монографии.

Антропологическое направление можно считать ведущим в работе ЦГП. Оно понимается широко, включая этнографию, социальную антропологию, историческую антропологию. По главе 2 «Изучение коренного населения Кольского полуострова» можно судить о том, что исторически первым научным направлением гуманитарного центра было саамоведение в комплексе историко-этнографического, социологического, экономического и политического подходов. Если на первом этапе внимание к проблемам коренного народа было обусловлено социально-политическими причинами, то на сегодняшний день, когда аборигенные северные народы являются «брендами» территорий, их культура стала экономически привлекательной. Этот аспект разрабатывается, в частности, сотрудниками ЦГП КНЦ РАН О. А. Бодровой и О. А. Сулеймановой, он представлен в главе 10 «Вещь в трансляции семейных и этнических традиций» (автор О. А. Сулейма-

нова). То, что первая из глав, в которых рассматриваются направления исследований, и завершающая глава монографии посвящены изучению саамской культуры, придает книге композиционную стройность.

В целом структура монографии отличается продуманностью и логичностью. Вначале рассматривается история исследований коренного, старожильского поморского и современного городского населения Мурманской области (главы 2–4, написанные И. А. Разумовой), затем изучение миграционных процессов и межэтнических взаимодействий постоянных и приезжих жителей региона (глава 5, автор О. В. Змеева), далее представлены исследования социокультурных институтов академической науки на Крайнем Севере (глава 6, автор О. В. Шабалина), школьного образования (глава 7, автор К. С. Казакова) и семьи (глава 8, автор И. А. Разумова; глава 9, автор Е. В. Бусырева). В завершающей главе объединяются проблемы изучения семейной и этнической материальной культуры (глава 10, автор О. А. Сулейманова). Эти материалы важны для сравнения с другими регионами. Так, коренизация школы в конце 1920-х – 1930-е годы у саамов Кольского полуострова, о которой пишет К. С. Казакова, проходила совсем иначе, чем у малочисленных народов Ленинградской области (вепсов и ижор). Обучение саамов и коми-ижмцев в школах велось на русском языке (с. 302), в отличие, например, от успешного преподавания на родном языке у вепсов и ижор. Для саамов именно языковая адаптация оказалась одной из серьезных проблем школьной социализации.

Изложение материала выполнено на высоком профессиональном уровне. Разделы несколько различаются по способу изложения, который присущ, с одной стороны, историческим, с другой стороны, антропологическим работам. Монография при всем разнообразии содержания характеризуется цельностью по замыслу и форме. При этом в каждой главе видно лицо автора-исследователя. Например, некоторые из них интересно и подробно описывают процесс полевой работы, научного поиска и логики развития темы. Так, И. А. Разумова рассказывает о методике сбора массового материала по исследованию истории и культуры современных семей Кольского региона, которое было начато в 2003 году. Эту задачу удалось выполнить благодаря сотрудничеству с гуманитарным факультетом Кольского филиала ПетрГУ, прежде всего с кафедрой философии и социологии и кафедрой филологии. В собирании материала приняли участие студен-

ты, которые занимались записью интервью у различных информантов, сбором документальных сведений и фотоматериалов. В первую очередь они работали в собственных и хорошо знакомых семьях (с. 311). Появлению некоторых направлений иногда способствовали культурные события локального характера. Так, по сообщению О. А. Сулеймановой, интерес к теме

«“Материально-предметный мир современной семьи” возник в 2008 году после посещения мероприятия, организованного в Центральной городской библиотеке города Апатиты, под названием “Выставка-ярмарка семейных реликвий”» (с. 396).

В рамках выставки каждый желающий мог принести свою семейную реликвию и поделиться историей ее появления в семье, ее символическим значением для членов семьи и т. п. Экспозиция семейных реликвий и их уникальные «биографии», вписанные в историю города, края, страны, продемонстрировали продуктивность данной темы исследования.

К достоинствам монографии следует отнести включение в ее состав обширного библиографического списка трудов сотрудников ЦГП КНЦ за весь период работы гуманитарного подразделения (составитель О. А. Бодрова) и вы-

разительного иллюстративного фотоматериала (составитель И. А. Травин), демонстрирующего участие коллектива в различных сферах научной деятельности.

В целом история небольшой организации гуманитарного профиля и объем проделанной ею работы за довольно короткий период впечатляют. В течение 25 с лишним лет ее сотрудниками было опубликовано 11 монографий, 12 сборников материалов и научных исследований, четыре учебно-методических пособия и огромное количество статей. На заданный авторами в начале монографии вопрос: «Оправдалось ли предприятие по созданию гуманитарного центра при КНЦ РАН?» положительный ответ бесспорен. В настоящее время ЦГП КНЦ РАН является авторитетным исследовательским центром на Северо-Западе России в области таких гуманитарных наук, как история, этнология, антропология, направления и тематика которых имеют свои особенности.

Монография «Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления» будет интересна и полезна специалистам гуманитарного профиля и организаторам науки.

Поступила в редакцию 14.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Review

Irina Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1967-7911; irvin@sampo.ru

The book review: Humanities research at the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences: history and main directions. (I. A. Razumova, Ed.). Apatity, 2023. 516 p.

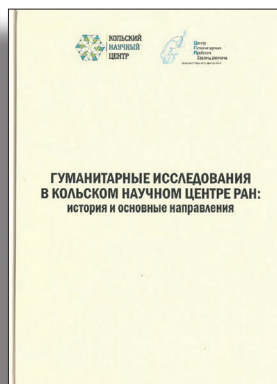
For citation: Vinokurova, I. Yu. The book review: Humanities research at the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences: history and main directions. (I. A. Razumova, Ed.). Apatity, 2023. 516 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):121–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1191

Received: 14 January 2025; accepted: 3 March 2025

CONTENTS

Editorial note	7	ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY, AND ETHNOGRAPHY	
ARCHAEOLOGY		<i>Suvorova I. M., Raugiainen N. D.</i>	
<i>Zhulnikov A. M.</i>		SPECIFIC FEATURES OF GENEALOGICAL CULTURE OF VILLAGERS IN THE KARELIAN ARCTIC (A CASE STUDY OF THE VILLAGE OF VOKNAVOLOK)	64
ZOLOTETS XL SITE IN THE LOWER REACHES OF THE VYG RIVER WITH A BURIED CUL- TURAL LAYER	8		
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH		FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM	
<i>Smirnova E. L.</i>		<i>Feklova T. Yu.</i>	
ARTICLES ABOUT ANCIENT GREEK WOMEN IN RUSSIAN JOURNALS OF THE MID-NINE- TEENTH CENTURY	19	REVISITING THE HISTORY OF CHINESE STUDIES BY THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE XVIII AND XIX CENTURIES	72
<i>Chernonozhkin A. V.</i>		<i>Kirikova O. A.</i>	
A STUDY OF THE CIVIL WAR PERIODIZA- TION OPTIONS IN MODERN RUSSIAN HISTO- RIOGRAPHY	29	THE MOSCOW GYMNASIUM PROJECT OF 1731 ..	81
WORLD HISTORY		<i>Zaretskiy Yu. P.</i>	
<i>Nikitin D. S.</i>		THE FIRST HISTORY TEXTBOOK OF MOS- COW UNIVERSITY	87
BRITISH PARLIAMENTARIAN CHARLES BRADLAUGH AND THE INDIAN NATIONAL CONGRESS	36	<i>Zhukovskaya T. N.</i>	
<i>Silakova-Makarova S. A.</i>		ACADEMIC "REPUBLICANISM" AND PRAC- TICES OF UNIVERSITY SELF-GOVERNANCE IN RUSSIA FROM 1800 TO THE 1830S (A CASE STUDY OF SAINT PETERSBURG UNIVERSITY) ...	95
THE STATE OF PHARMACY IN CHINA DURING THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (A STUDY OF RUSSIAN DOCTORS' WORKS)	41	<i>Kazakova K. S.</i>	
RUSSIAN HISTORY		MATERIAL SUPPORT OF PARISH SCHOOL TEACHERS IN THE KOLA NORTH FROM 1890 TO THE 1910S	102
<i>Lizogub A. S., Shestopalov E. V.</i>		<i>Krasnikova Yu. N.</i>	
THE SEVEN YEARS' WAR IN THE MEMORY SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XX CENTURY	46	BETWEEN DEPARTMENT AND EXPEDITI- ON: THE OVERLOOKED PERIOD OF N. I. VA- VILOV'S WORK AT LENINGRAD AGRICUL- TURAL INSTITUTE	112
<i>Podlesnykh S. N.</i>		Reviews	
REVISITING THE REASONS FOR THE CLOS- ING OF THE OLONETS COURT OF CONSCIENCE. .	52	<i>Vinokurova I. Yu.</i>	
<i>Staritsyn A. N.</i>		The book review: Humanities research at the Kola Science Centre of the Russian Academy of Scienc- es: history and main directions	121
THE SEARCH FOR ISAKIY'S ISLAND ON LAKE VYGOZERO	57		

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОЛЬСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РАН: история и основные направления

Коллективная монография посвящена истории становления и развития гуманитарных исследований и создания нового академического подразделения в Кольском научном центре РАН на рубеже XX и XXI вв. Научный профиль Центра гуманитарных проблем составили антропология, этнография, этнология и отечественная история в областях истории арктических исследований и академической науки, истории образования, социальной истории семьи, истории культуры.

Представлены основные направления исследований ЦГП КНЦ РАН: изучение коренного и старожильского населения Кольского полуострова, процессы формирования жителей Севера, этнокультурные взаимодействия в регионе, история институтов науки и образования, история и культура семей.

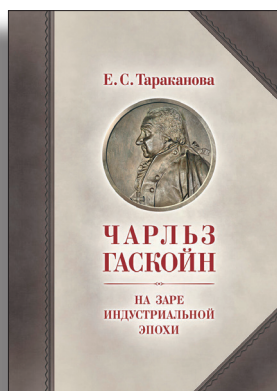
Для историков, антропологов, этнографов, обществоведов.

Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления / под общей редакцией И. А. Разумовой. Апатиты : Изд-во Кольского научного центра, 2023. – 516 с.

Отзыв на издание читайте в рубрике «Рецензии»

Е. С. Тараканова

ЧАРЛЬЗ ГАСКОЙН. НА ЗАРЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Книга повествует о жизни и деятельности Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна (1737–1806) – выдающегося организатора промышленности, металлурга и изобретателя, который с 1786 года трудился в России и сыграл важную роль в развитии отечественной оборонной промышленности, строительстве первых литейно-механических предприятий и первых паровых машин. Приводятся сведения по истории предприятий, связанных с именем Гаскойна, рассказывается о его окружении и родственных связях, о талантливых сотрудниках и учениках, успешно продолживших его дело вплоть до середины XIX века.

Книга может представлять интерес как для профессиональных историков и студентов профильных вузов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей.

Тараканова Е. С. Чарльз Гаскойн. На заре индустриальной эпохи. СПб.: Серебряный век, 2024. – 528 с.

Е. Е. Ициксон

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ ПЕТРОЗАВОДСКА 1703–1917

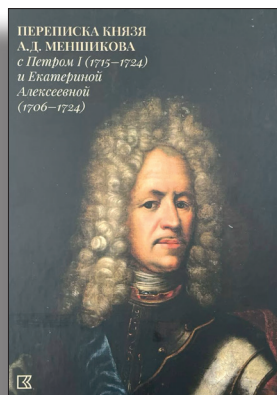

Данное издание посвящено архитектуре города Петрозаводска, у которого большая – более 320 лет – интересная история. Рассказ о том, как создавалась пространственная среда для жизни и деятельности людей, сформированные зданиями, сооружениями и их ансамблями. Как развивались и менялись в русле общей мировой и общероссийской культуры различные архитектурные стили. Как постепенно складывался архитектурно-художественный облик города в соответствии с законами красоты. Отдельная глава знакомит читателя с архитекторами и инженерами-строителями, чей вклад в развитие города и тем самым в духовную жизнь общества неocenим.

Книга познавательна и адресована широкой аудитории.

Ициксон, Елена Евгеньевна. История архитектуры Петрозаводска: 1703–1917 / Е. Е. Ициксон. – Петрозаводск : Версо, 2024. – 364 с.

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА с Петром I (1715–1724) и Екатериной Алексеевной (1706–1724)

В сборник документов, посвященный 300-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, вошла его переписка с Петром I за 1715–1724 гг. и царицей Екатериной Алексеевной за 1706–1724 гг. из фондов архивов, библиотек и музеев. Уникальный корпус источников впервые вводится в научный оборот и позволяет читателям понять монументальную роль Меншикова, сферу полномочий в военной, внутри- и внешнеполитической деятельности, его труды по созданию царского «парадиза» – Санкт-Петербурга и пригородных дворцовых ансамблей, роль в развитии Балтийского флота. Переписка раскрывает персону князя и с личной стороны, показывает его особые отношения с Петром I и Екатериной Алексеевной.

Книга будет востребована в сообществе профессиональных историков и среди широкого круга читателей.

Болотина, Н. Ю. Переписка князя А. Д. Меншикова с Петром I (1715–1724) и Екатериной Алексеевной (1706–1724): сборник документов / составители Н. Ю. Болотина, М. В. Хацкевич; автор вступительной статьи и комментариев Н. Ю. Болотина. – Москва : Кучково поле Музеон, 2023. – 672 с.

